

О происхождении богов

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ

Москва
«Советская Россия»
1990

2
О-11

Составление и вступительная статья **И. В. Шталь**

Примечания **И. В. Шталь, В. В. Вересаева**

Художник **П. С. Сацкий**

$С \frac{4703000000-150}{М\text{-}105(03)90} 153-90$

ISBN 5-268-00393-3

ГРЕЧЕСКИЙ АРХАИЧЕСКИЙ ЭПОС: КОСМОС, БОГИ, ЛЮДИ

Древние греки и римляне, населявшие в I тысячелетии до н. э. южную часть Балканского полуострова, побережье Малой Азии, острова (греки) и Апеннинский полуостров (римляне), сыграли в истории Средиземноморского бассейна столь заметную роль, что культура, ими созданная, оказалась основанием всей западноевропейской культуры в целом и не осталась без внимания со стороны народов прилегающих экономико-географических регионов: Восточной Европы, Африки, Передней, Малой и Средней Азии.

Значительную и притом важнейшую часть античной культуры, особенно на ранних этапах ее развития, составляли религиозные верования — космологические и теогонические,— этико-эстетические по своей направленности, объединенные понятием античного язычества.

В нашей антологии мы остановимся на религиозных представлениях лишь античных греков, причем греков архаической поры — VIII—VI вв. до н. э.

Такое ограничение не случайно. Античная религия, как и античная культура в целом, имеет свою особую специфическую периодизацию, связанную с историческим, экономическим и духовным развитием общества. Период архаики (VIII—VI вв. до н. э.) так же резко отличен от классики (V — первая половина IV в. до н. э.), как классика от раннего (вторая половина IV — первая половина II в. до н. э.) и позднего (вторая половина II—I в. до н. э.) эллинизма, а все они вместе — от периода или, скорее, эпохи единой имперской греко-римской культуры. Заметим попутно, что языческая религия римлян эпохи архаики (VIII—IV вв. до н. э.) требует отдельного разговора и имеет собственный не столь уж скудный материал, который вплоть до III в. до н. э. не совмещается и не сливается с данными греческой религии.

Древнейшим письменным памятником античного язычества, или, точнее, язычества древнегреческого, служат поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Сложены они в VIII в. до н. э., возможно, тогда же и были записаны, но долгое время бытовали в устном исполнении сначала певцов-сказителей, аэдов, потом чтецов-декламаторов, рапсодов, пока афинский тиран Писистрат в VI в. до н. э. не приказал вновь записать их, создав как бы единый канон. Свою фольклорную основу при последующей литературной обработке поэмы сохранили, и это делает их источником наших сведений не только о фольклорных жанрах мифо-эпических, героико-эпических преданий, о богатырской и волшебной сказке, но и о верованиях, нашедших отражение в мифах, культах, обрядах и ритуалах.

Согласно Гомеру древний грек верил во множество богов, населяющих окружающий мир. В его сознании вселенная была поделена между тремя единокровными божественными братьями — Зевсом, Посейдоном и Аидом.

Зевс владеет небом, пространством от туч и облаков до верхнего слоя воздуха, эфира — неизмеримого и пустынного. В небесном просторе на крыльях проносятся боги и птицы. Само же небо, как таковое,— твердое, широкое, большое и, по-видимому, медное.

Над морем властвует Посейдон; оно седое, древнее, «соленая морская вода». В нем обитают рыбы и живут боги, в том числе многие из тех, что родились до Посейдона и были некогда исконными владыками этих мест. Среди прочих — Океан, поток, омывающий землю со всех сторон и в своем течении впадающий в самого себя, а с ним — его супруга Тефиса.

Надел Аида — подземный мрак, сокровенные места под землей, где обитают души-тени умерших. Здесь затхлое и мглистое царство мертвых. И чтобы добраться до него, нужно переплыть Океан.

Общей для всех троих остаются земля и обитель богов гора Олимп.

Перед нами, по сути, трехчленное деление мира на Верхний (небо), Срединный (земля) и Нижний (подземный мрак). При этом морская стихия, которой владеет Посейдон, оказывается областью, как бы соединяющей два мира — Срединный и Нижний.

На краю земли и моря, в удаленности от всего живого и живущего есть еще один потаенный уголок — Тартар. Это места заключения, божественная темница. Зевс, верховный владыка над людьми и богами, некогда поместил там восставших против него титанов — божественное поколение, ему предшествующее,— и грозит заточить туда же любого другого божественного ослушника. Тартар — глубочайшая пропасть, расположенная ниже Аида и отстоящая от него на такое же расстояние, на какое небо отстоит от земли. До Тартара трудно добраться даже божеству, даже могучей супруге Зевса — Гере. У Тартара медный порог и железные ворота, в него не проникают ни солнечные лучи, ни веяние ветров.

Есть особое труднодоступное место и в Верхнем мире. Но в отличие от Тартара место это — светлое, гора Олимп. Эпитеты Олимпа, эпическое выражение его мифо-сакральной сути, как и следует по законам гомеровской поэтики, вместили в себя реальность и вымысел в их слитном, неделимом единстве. Олимп, реальная гора на севере Греции, в Фессалии, по Гомеру,— большая, крутая, высокая, а также блистающая, сияющая, крайняя, то есть верхняя (крыша мира!), и на ней — жилища богов.

Все боги гомеровского эпоса — ближняя или дальняя родня друг другу. Среди них на переднем плане — боги-олимпийцы, те,

что владычествуют ныне, третье и четвертое из известных Гомеру поколений божеств. Здесь Зевс, Посейдон и Плутон (Аид), сестра и супруга Зевса Гера, их сыновья — божественный кузнец Гефест, воитель Арес и дочь Геба, а также богиня любви Афродита, брат и сестра — Аполлон, стреловержец, и Артемида, охотница, а с ними путеводитель Гермес и богиня советной мудрости Афина.

У каждого из этих божеств свой «надел» и, казалось бы, четко разграниченные сферы влияния. Однако божественная природа их едина, и образ каждого, в восприятии эпического сказителя, слагается из вполне определенных свойств и качеств, дел и поступков, ориентированных в целом на устойчивый эстетический идеал «божества хорошего», «божества превосходного».

Подобно гомеровскому герою, антропоморфное, «человековидное» гомеровское божество всегда «благородное» и «славное», «храброе» и «мощное». Его сила и доблесть, реализуясь в способности, дают ему возможность совершать подвиги в дни мира и войны, отличаться на совете или в битвах.

С подвигами приходит или подвиги предваряет, тем побуждая к их совершению, честь — признание заслуг в некоей сфере деятельности и в то же время признание прав на эту деятельность. Свои подвиги боги, равно как и герои, совершают в гневе, ярости, исступлении; это — показатели их силы и мощи. Подвиги, деяния приносят божествам славу. Уберечься от ложного шага, от измены идеалу, придерживаться установленного норматива поведения помогает стыд.

Божества гомеровского эпоса в проявлении своих божественных склонностей, свойств не отделены друг от друга и резко не противопоставлены. Их индивидуализация протекает на общем фоне потенциального единства и единообразия. Индивидуальное воспринимается как единичное усиление общего, всем свойственного. И потому личное качество каждого из них предстает не абсолютно новым, заново родившимся, впервые возникшим, но присущим всякому божеству. Лишь путем особого усиления некоего свойства божество приобретает свою уникальность, свою индивидуальность. Привычно думать, что Зевс, «отец богов и людей»,— самый мощный из олимпийцев. Так оно и есть. Ведь Зевс — тот, «пред которым все боги трепещут», тот, кого все боги и богини, свесившись на золотой цепи, не смогут совлечь с Олимпа, тот, кто при желании сам поднимет на ней землю и море и обовьет эту цепь вокруг вершины Олимпа. Зевс — верховное божество, а культ силы физической, как и силы мысли, в античном божественном пантеоне велик. И тем не менее в ссоре с Посейдоном, в борьбе с ним Зевсу пришлось бы нелегко. Посейдон уступает брату, как младший старшему, не иначе...

Гомеровские боги участвуют в битвах, способны убивать, гу-

бить: недаром путеводитель Гермес обычно — «Аргоубийца». Это его постоянный эпитет, пришедший к нему после того, как он освободил Ио — возлюбленную Зевса, обращенную в корову гневом Геры, от ее стоглазого стража Аргуса.

И Афина, и Арей, и Аполлон, каждый,— движущий народами, «ведущий народы к борьбе». Артемида — стреловержица, «сыплющая, мечущая стрелы». Афина — «несокрушимая», «неодолимая». Но у Арея эта «способность» развита более всего, он — «ненасытный войною», «запятнанный убийством или кровью», «губящий людей», «сокрушитель стен»; и в противовес ему Афина — в основном «заступница», «защитница городов».

Зевс «Илиады» мыслится обычно обладателем перуна (молнии) или ставится с ним в связь, ведь Зевс — «наслаждающийся молнией», «радующийся молнии», «молниесобиратель», «кидающий светлую молнию», «тучесобиратель», «высокогремящий», «громкогремящий», «широкогремящий», «молниевержец». Однако в битве с троянцами перун в виде меча оказывается и в руках Посейдона. Так что Зевс лишь в значительной степени больший стреловержец, чем Посейдон.

Последнее, кстати сказать, не идет вразрез с общим представлением о чести Зевса и Посейдона, как эту честь полагает эпос: «Натрое все делено и досталося каждому царство» (Ил. XV, ст. 189). Зевс по преимуществу владеет небом, он, в частности,— «держащий эгиду», иначе, щит, от сотрясения которого происходят буря, гром, молния и мрак. Посейдон в основном занят морем, он — «объемлющий землю», «землеколебатель». Но Посейдон, как мы только что отметили, при случае может потрясти и перуном; а Зевс в состоянии поколебать землю (вспомним угрозу поднять на цепи землю и море).

В «Илиаде» Афродита — признанная устроительница «сладостных браков», но браки, помимо Афродиты, при желании «устроит» и Гера (ср. роль Афродиты в третьей песни, ст. 390—394, с ролью Геры в песни четырнадцатой, ст. 197—210). Однако Афродита не только заключает браки, пробуждает любовь, но и участвует в битвах. И все же первое у нее получается лучше, то есть чаще, больше, чем у Геры.

Все боги — «проворные на ногу», в том числе и Аполлон, и Арей, но самая «проворная» — Ирида, чьи ноги «быстры, как буря». А потому она — «вестница богов».

Наконец, еще деталь: эпические божества «Илиады» и «Одиссеи» восседают на престолах. Известно, что у Артемиды и Геры эти престолы золотые, и потому эпитет богинь — «златопрестольные». Но престол Зевса «превысший» (υψίζυγος) На языке оригинала эпитет поддается этимологическому истолкованию как происходящий от приставки «вверху» (υψί) и корневой части термина «скамья

для гребцов (ζυγος). Иначе говоря, Зевс в иерархии восседающих на престолах гомеровских богов занимает высшее, верхнее место. Престол остается, интенсивность качества усиливается, устанавливается «оценка» по высшему разряду.

Если боги живут в основном в небе, на Олимпе, то люди преимущественно населяют землю. Между теми и другими нет неодолимой преграды, преграды изначальной, преграды по сути, и структура этико-эстетического идеала человека — «человека хорошего», «человека лучшего» — остается в эпическом мире той же, что и идеала богов. Так же, как и боги, люди-герои — сильные, храбрые, благородные — совершают подвиги, раскрывая свои способности, качества, свойства в доблести, на поле брани и в деле совета, обретая тем вечную славу и оправдывая воздаваемую им честь.

Однако в восприятии эпической архаики, или, иначе, гомеровского эпоса, между теми и другими существуют вполне определенные различия в пределах единой шкалы ценностей. В основе своей различия эти — в количестве или, лучше сказать, в интенсивности определенных свойств и качеств. В самом деле, боги — «блаженные», «беспечальные», «легко живущие» — проводят все дни в наслаждениях, а люди — «несчастные», «злополучные», «жалкие» — повседневно же терпят страдания, печалясь, старея, умирая.

Одни — «на-небесные», «на небе сущие», другие — «на-земные», «ползающие по земле», одни — «вечные», другие — «кратковечные». И между ними — сдерживающий барьер, запретительная граница: страдания, старость, смерть, обязательные для одних и не имеющие силу для других.

Близкие людям божества гомеровского Олимпа — вовсе не абсолютное добро и не абсолютное зло. В разных жизненных ситуациях они — добрые и злые, мягкие и грубые, нежные и жестокие, благородные и коварные, благодушные и мстительные.

Гефест огорчен размолвкой между Зевсом и Герой и, чтобы предотвратить ссору, сгладить отцовские угрозы, принимает на себя роль виночерпия на божественном пиру и с мягкой речью подносит кубок Гере. Гефест хром, движения его уродливы, и при виде их блаженные жители неба разражаются гомерическим хохотом. Физическое уродство смешит.

В битве — состязании богов Гера легко победила дерзившую ей Артемиду, и та, плача, нашла приют на коленях отца — Зевса.

Афродита, ревностная покровительница Париса, одергивает посмевшую противоречить ей Елену: «Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,//Также могу ненавидеть, как прежде безмерно любила,//Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство//Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!» (Ил. III, ст. 414—417).

Боги Гомера живут в соответствии с определенными этико-эстетическим кодексом по твердо установленным общественным моральным нормативам, отступление от которых — совсем как среди смертных на земле — угрожает нарушителю порицанием со стороны божественного сонма, негативным общественным мнением обитателей Олимпа. «Смолкни, о ты, переметник, не вой близ меня восседящий», — скажет в сердцах Зевс Арею, вернувшемуся из битвы греков и троянцев, где тот был ранен Диомедом (Ил. V, ст. 891). «Переметник» классического перевода древнегреческого текста Н. И. Гнедича — «непостоянный, от одного к другому переходящий». Боги, как и гомеровские люди, эпические герои, ценят преданность, верность и в помыслах, и в делах.

Прелюбодейство Арея и Афродиты, нарушившей супружескую верность Гефесту, в глазах олимпийцев — позор.

Страдальца и скитальца Одиссея вот уже много лет гонит по морям Посейдон, не давая вернуться на Итаку. Замысел Посейдона несправедлив, и совет олимпийских богов принуждает владыку морей изменить решение.

Гомеровские боги часто и активно вмешиваются в жизнь людей. При этом исходные взаимоотношения божества и человека строятся на заинтересованном наблюдении со стороны божества и мольбе, просьбе со стороны человека. Мольба, просьба божеством удовлетворяется или не удовлетворяется, и делается это исходя не из интересов просителя, его блага, но из интересов, выгоды или просто желания, благорасположения божества.

Зевс вовсе не склонен допускать мира между ахеянами и троянцами, того, чтобы рати ахеян сняли осаду Трои. И потому, хотя перед решительным поединком Менелая и Париса и ахеяне, и троянцы молят о нерушимости перемирия, при котором будет протекать поединок, о непреложности священных клятв, Зевс отвергает их мольбы.

В троянском храме о милости к Трое, ее женам и младенцам молит Афину храмовая жрица, но Афина, обиженная некогда Парисом, ненавидит Трою и молитву отвергает.

А люди надеются, просят, приносят жертвы, дают обеты, воздают хвалу, поют гимны. И делают это по заведенному образцу, единому по сути для всякого обращения к божеству.

Среди описываемых Гомером ритуалов необходимо выделить обряды вызывания душ усопших, похоронные, свадебные, а также не вполне сохранившийся, но тем не менее присутствующий в эпосе обряд инициации — посвящение в мужчины, переход во взрослое состояние. Его отголосок — странствия Телемаха.

Заметим, что соблюдение похоронных обрядов (как и многих других) обязательно не только из почтения к богам или древним обычаям, но и потому, что жизнь после смерти для эпического сказителя — явление неоспоримое. Лишённые силы души усопших тенями

реют в Преисподней, и над ними владыкой — Ахилл. Обряд открывает путь в царство мертвых, в мир покоя. О свершении обряда над его трупом молит Ахилла скитающаяся по земле душа непогребенного Патрокла. Во все той же традиции чрезмерный плач по покойному, плач вне обряда — лишний, мешающий упорядоченному течению бытия. Жизнь на земле и смерть неразрывны. Совершается вечный круговорот: за скорбью и смертью идут радость и жизнь, за жизнью — скорбь и смерть.

И вот заповедь эпического героизма:

«Долг наш земле предавать испустившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
Каждому против врагов и всегда без устали биться...»

(Ил. XIX, ст. 228—232)

Заметим попутно: археологические данные подтверждают достоверность описанных в эпосе обрядов, хотя и указывают на совмещение в них разных хронологических пластов...

Несмотря на свое могущество гомеровские боги не всесильны. Есть нечто выше их и вне их. Это — Мойра, Судьба. Сам Зевс неуверен, чем, чьей победой кончится поединок Гектора и Ахилла. И чтобы определить это, чтобы знать, кому прийти на помощь и кого оставить, Зевс на золотых весах взвешивает жребии смерти. Жребий Гектора опускается вниз и его помощник, Аполлон, до этого ратоборствовавший с ним рядом, его покидает. Жребий Ахилла на весах взлетает вверх, и к Ахиллу радостно спешит Афина.

Веления Судьбы всеобъемлющи, и хотя кое-что может происходить и происходит вопреки Судьбе и вопреки богам, к добру это не ведет.

Эгист, двоюродный брат Менелая, пока тот сражался под Троей, соблазнил его жену, Клитемнестру, с ее помощью захватил царский престол, убил вернувшегося с войны Менелая и лишил наследства сына Менелая — Ореста. Возмужав, Орест отомстил Эгисту, убив и его, и Клитемнестру.

Согласно гомеровскому эпосу кара постигла Эгиста справедливо, но самих проступков могло и не быть, если бы Эгист вовремя прислушался к предостережениям богов. Ему не было Судьбы брать замуж Клитемнестру, убивать ее мужа. Он решился на это сам, вопреки Судьбе и вопреки богам, и за это поплатился. По сути, в повествовании «Одиссеи» заветы Судьбы и богов совпадают с этико-эстетическим нормативом эпического идеала и нарушение их ведет преступника к гибели.

Таков в общих чертах религиозный мир античной архаической Греции, как он отразился в гомеровских поэмах, его верхний пласт.

Однако мир этот предстанет более сложным, многообразным и таинственным, если признать, что наряду с основным, главенствующим представлением о нем есть в гомеровском эпосе и иные черты, детали, сведения, образы, которые, являясь как бы периферийными, с позиций религиозного общественного сознания античного язычества, реальны, многозначительны и уводят в глубь веков. Речь идет прежде всего о том, что боги-олимпийцы во главе с Зевсом — это третье поколение богов, владык вселенной. Первое породил Уран (Небо) в союзе с Геей (Землей), во втором владычествовал сын Урана — Крон.

Поколения сменяли друг друга отнюдь не мирным путем. Сыновья, вырывая власть, оскопляли отцов: Крон — Урана, Зевс — Крона. Первое и второе поколения пребывают теперь или в Тартаре, или в водной стихии, или, наконец, в отдаленнейших уголках земли, подальше от торжествующих богов сияющего Олимпа. Но было время, когда и Олимп сотрясали мятежи, когда Гера, Посейдон и Афина, столь близкие Зевсу, подняли на него руку, и лишь вмешательство великана Бриарея сохранило Зевсу его божественное верховенство. Было время, когда боги не были бесстаростны, бессмертны и вечно блаженны, а вселенная, единообразная и единая, представала открытой для сущностно-вещных переходов, когда бог легко принимал облик и птицы, и человека, человек, страдая, обращался в камень, а камень знал чувство стыда. В те времена боги часто посещали пиршества людей или бродили по дорогам, и люди встречали их на своем пути. Ведь, как следует из эпического текста, тогда во вселенной не было горестного разделения существ на неодушевленные и одушевленные (предметы и животные), неговорящие и говорящие (животные и люди), несчастные и счастливые (люди и боги). Именно с той поры сохранились в мифо-эпических преданиях и гомеровском эпосе кентавры, сирены, Химера — существа смешанной животно-человеко-божественной природы.

Вполне естественно, что весь этот поэтический мир, мир гомеровских поэм, восходящий к фольклору и мифу, имеет духовные корни в тотемизме и фетишизме, общественно-экономические — в патриархальном и — глубже — матриархальном общинном строе. С этим связаны, как представляется, и постоянные эпитеты богов, выражение их изначальной тотемно-фетишистской магической сути — «совоокая Афина» и Гера «с глазами коровы»,— и знаменитый пояс Афродиты, в котором заключена ее сила — любовь и любовные желания.

Следовало бы также обратить внимание — по его значимости еще на одно явление поэтико-религиозного сознания, характерное для гомеровских поэм, на акты богоборчества, соревнования, состязания человека с божеством. Для архаического эпоса (т. е. для художественно-эпического сознания) богоборчество — показатель богатырской силы, мощи человека, посмевшего сравняться с богом: бой

Диомеда и Афродиты, Ахилла и Ксанфа, Ахилла и Аполлона, служба Посейдона и Аполлона у Лаомедонта — царя Трои.

Это — если исходить из заведомого неравенства соревнующихся сторон. Но возможна и другая точка зрения, по которой явление подлежит рассмотрению в ряду религиозных представлений: богоборец, стремящийся доказать свое равенство с божеством греческого Олимпа, сам был некогда богом своего ли отдельного племени (как, видимо, Ахилл) или племени чужого и грекам чуждого.

Отсюда вопрос: не была ли некогда богиней-матерью негреческого народа богоборица Ниоба, родившая шестерых дочерей и шестерых сыновей, похвалявшаяся своей силой женщины-матери перед супругой Зевса — Лето, матерью Аполлона и Артемиды, и понесшая за это тяжкое наказание? Не была ли она ликийской богиней, приведенной в силу обстоятельств в столкновение с греческим олимпийским пантеоном и потерпевшей здесь поражение? Иначе зачем бы ей, лишенной своей гордости, внешнего выражения материнской мощи, двенадцати детей, убитых Аполлоном-губителем и Артемидой-охотницей, становиться страдающим камнем в Лидийских горах? И это после того, как в камень оказались превращенными люди, свидетели ее подвига. Следовало бы, пожалуй, задать и другой вопрос, не была ли также Ниоба — следующий этап — и героиней местного мифо-эпического предания, освоенного античной греческой культурой? И если это так, то вот объяснение того, как ликийская богиня стала лидийской царевной, дочерью греческого героя Тантала и родственницей ахейских героев.

Заметим попутно, что ряд греческих божеств, как показывает дешифровка письмен так называемой крито-микенской эпохи, были известны в эгейском мире Средиземноморского региона еще во II тысячелетии до н. э., среди них, конечно же, Зевс, Посейдон, Деметра, Дионис, Гера, Гермес и Афина.

Рассказ о происхождении мира и богов находим мы и в поэмах Гесиода «О происхождении богов (Теогония)», а также «Труды и дни».

Гесиод — возможно, младший современник Гомера или автор, несколько удаленный от него по времени. Как житель консервативной земледельческой области Греции, Беотии, он — наследник и хранитель древнейших традиций в художественной трактовке религиозной тематики. Его поэмы принято относить к VII в. до н. э.

В «Теогонии» мир рождается во вселенной, предполагая ее изначальное троичное деление на первородный Хаос, видимо, выделившихся из него и следующих за ним по времени Гею (Землю) — «всеобщий приют безопасный» и сумрачный Тартар, «в земных залегающий недрах глубоких». И Хаос, и Гея, и Тартар, по тексту эпоса,— некое пространственное образование и вместе с тем его персонификация.

Далее, производящей силой мыслится Земля, с которой опять-таки связана новая космическо-теогоническая трехчленность. Земля сама из себя порождает Небо (Уран, Верхний мир) и Понт (влага, безжизненное водное пространство, своеобразный Нижний мир или подступы к нему). От Земли и Неба — Геи и Урана — происходит то поколение богов, которое принято называть титанами («прилагателями»), так как именно они «приложили» руку к оскоплению Урана и тем самым — к низвержению его верховной божественной власти.

И первым далеким таинственно мощным богам, и их порождению, в том числе титанам, в эпосе уделено особенно много места. Из дальнейшего узнаем, что Хаос родил Ночь, а та, соединившись с Эребом, подземным мраком, произвела на свет трех Мойр, Керу (убийство), Смерть, Сон, Сновидения, Печаль и Насмешку и, это хотелось бы выделить особо, Гесперид — дев Запада, певиц, обитающих за Океаном (иначе говоря, в Нижнем, Потустороннем мире) в саду с золотыми яблоками, известном в мифо-эпическом, мифологическом, фольклорном предании столь многих народов.

Зе́мля (Гея) и Понт (бесплодное море) породили среди прочих Кето и Форкия, сестру и брата. Их единокровному союзу, союзу Нижнего мира с порождающими силами земли, обязаны своим существованием змей, обитающий глубоко в земле и хранящий золотые яблоки (видимо, сада Гесперид), и женщина-змея Ехидна, в любви с Тифоном произведшая на свет чудищ, от которых позднее, совершая победоносные подвиги славы, в великих трудах очищали землю греческие герои,— Лернейскую гидру, Немейского льва, трехглавую Химеру, пятидесятиглавого Аидова пса Кербера (Цербера), а также Сфинкса — крылатого человека-льва.

В свою очередь Тифон — последний, самый младший сын Земли, которого она родила от Тартара, после того как все другие ее дети, титаны, были сброшены с неба и заключены в Тартар новым победоносным поколением олимпийцев. Тифон — мощный бог, не знавший усталости, с сотней змеиных голов и многообразной божественно-зооморфной природой: бога, змея, быка, льва, пса — самовыявлениями хтонического (исходящего из земли) и природного начал, символикой слияния многих сил.

Одолей Тифон Зевса, он стал бы владыкой над людьми и богами Олимпа, но победа досталась не Тифону, и Зевс заключил его в Тартар.

Стоит обратить внимание: согласно «Теогонии» Гесиода все, так или иначе связанное с мраком, потусторонностью, исходит не только от союза Земли и Нижнего мира (Тартар, Понт), порождающих зооморфных чудищ, но и от Хаоса, предстающего как будто изначально сущим и по своей природе единым. С выделением из него вновь образовавшейся Земли и Тартара в ней, Хаос остается как бы неупо-

рядоченной самопорождающей стихией Верхнего мира. Однако со сменой мифо-сакральных систем, эстетико-религиозного видения мира Хаос уступает место Урану (как Тартар со временем — Аиду) и перемещается вместе с Тартаром в крайние пределы вселенной. И там он — угрюм и темен.

Уран, супруг Геи, ею же и рожденный,— упорядоченное небесное пространство, соразмерное Гее, прочное жилище богов. Потомство Геи и Урана, чудовищно огромной Земли и равновеликого ей Неба,— сверхмощные боги. У трех из них, «особо выдающихся между другими», «огромных» и «могучих», табуированные, «непроизносимые» имена: Котт, Бриарей, Гиес (Гнев, Сила, Пашня), что так или иначе, видимо, связано с пашней, гневом полдневного жара, силой родящей земли. С виду они великаны, в них — сила напора и неодолимая мощь, предстающая на этом этапе мифо-эпического освоения мира как прямое умножение качества: у каждого из них на плечах по сто рук, а между плечами по пятидесяти голов.

Трое других — киклопы Бронт (Гром), Стероп (Молния) и «могучий душой» Арг (Блеск), «сверхмогучий жизненной силой в сердце». У них, как и у великанов, «сила напора», «жизненная сила», но еще и сноровка в делах. Позже именно они дали гром и сделали молнию Зевсу, сыну Крона. Подобно великанам, киклопы антропоморфны: от остальных богов, по мысли эпоса, их отличает единственный круглый глаз, расположенный посередине лба.

Гея и Уран родили также Океан и титанов, тех четырех дочерей (Фея, Рея, Фемида, Мнемосина) и пятерых сыновей (Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Крон), которые восстали против отца, в страхе за свою власть заточившего их в недрах Земли.

Все дети Урана и Геи — «ужасные», «страшные», но самый страшный из них — «хитроумный» или «кривоумный», а точнее, «с умом, движущимся окольными, кривыми путями», Крон, ненавидящий своего «цветущего», «обильного» отца.

В эпических определениях, эпитетах божеств — отца и сына — заложена характеристика божественных поколений и обоснование их борьбы. Мощь Урана — сакральная мощь мужского начала, и потому, стремясь отнять у отца власть, Крон при попустительстве сестер и братьев и с согласия матери Земли совершает магический акт: оскопляет отца, лишает его детородной и вместе космической производящей силы, силы устроителя вселенной. Своей цели он достигает хитростью, обманом, кривым путем.

Воцарясь, Крон выпускает из земных недр титанов и, охраняя свою власть, начинает в браке с Реей ту же борьбу с нарождающимся потомством, что некогда вел его отец. Правда, каждого родившегося он теперь не заточает в недрах матери, а — так надежнее! — заглатывает сам. С Кроном приходит в мир известная переоценка ценностей, модификация мифо-эпического божественного идеала: не «голая»

физическая сила божества, но его хитрость, изворотливость ума выходит на поверхность, оказывается и новой, и особо важной.

История повторяется: сын Крона Зевс обманом побеждает родителя. Титаны и потомки Крона ведут между собой борьбу за власть, причем каждый со своей горы — персонификации Верхнего мира: с Офрийской горы титаны, с олимпийских высот Крониды.

С помощью трех великанов и трех киклопов титаны повержены и сброшены в Тартар, где их сторожат великаны; наступает время царствования олимпийцев. Но и теперь верховный владыка Зевс вынужден думать о незыблемости верховной власти и принять меры к тому, чтобы обещанный ему сын, мощью превосходящий своего отца, не появился на свет. А потому Зевс заглатывает свою супругу — богиню Метиду. Будучи озабоченным также тем, как бы не воцарились сыновья титана Иапета — Атлант, Менетий, Прометей — и не отняли у него власть, он избавляется от них, отсылая на край земли, в подземный мрак. Весь путь борьбы с титанами и титанидами Зевс прошел под знаком «кривого ума», хитрости, к которой прибегали его противники и в которой, правда в меньшей мере, был силен он сам. Новое же царство олимпийцев (там где Зевс — глава) — это царство упорядоченной силы и мудрого расчета, это гармоничный мир гомеровского эпоса.

Следует отметить, однако, что эпос Гесиода, вобравший мифоэпические предания греческой архаики, несравненно более глубокой, чем в эпосе Гомера, сохранил в детали, в намеке, в эпической формуле сведения о мифо-эпических представлениях, предшествующих «сотворению мира» из Хаоса, равно как и предания о богах, изначально чуждых греческому пантеону династической линии Уран — Крон — Зевс и вошедших в него, видимо, извне.

В эпосе Гесиода при описании Тартара дважды упомянуты (доказательство особой значимости) лежащие в нем рядом, друг за другом, неподвластные богам начала и концы Земли, самого Тартара, Понта и Урана, то есть изначально божественных сущностей, вышедших из Хаоса. Перед этими началами и концами «даже боги... трепещут» (ст. 739).

Начиная с царства Крона, боги получили каждый свое «дарение», свой «удел» и свою честь. С приходом к власти олимпийцев и владычеством Зевса совершился всеобщий «передел», но он не коснулся богини Гекаты — потомка титанов. При первом разделе ей выпали дары, «уделы» на земле, небе и море. Зевс, по не вполне ясной причине, прибавил к ним новые: Геката в царстве олимпийцев совмещает в себе традиционные функции советной Афины, Артемиды-охотницы, Гермеса-скотохранителя, равно как и покровительницы младенцев.

Объяснение хотелось бы видеть в чужеродности упомянутого божества, выполнявшего именно эти функции и обладавшего именно этими «уделами» в своем исконном, негреческом племенном божественном пантеоне, а по вхождении в круг греческих божеств объединившего свои специфические свойства и качества с такими же свойствами и качествами наиболее чтимых из них.

Мы не знаем окончательно, типологическое ли сходство, опосредованное ли заимствование сближает скифскую змееногую богиню с гесиодовой Ехидной, как не знаем, почему из трех Горгон — греческих божеств — одна Медуза оказалась смертной и почему обрели божественность супруга Зевса́ Семела и его сын Дионис. И было бы странно, если бы в античных мифо-эпических образах Семелы и Диониса не проскальзывали исконные черты иных, негреческих богов.

Эпос Гесиода в своем повествовании использует разнородные мифо-эпические традиции и в ряде случаев не согласовывает, но совмещает их. Так, в частности, в нем присутствуют две версии о происхождении Мойр. По одной, поздней, они — дочери Зевса, по другой, ранней,— дети Ночи.

Отношения богов и людей в преданиях, изложенных Гесиодом, соответствуют тем, какие мы находим у Гомера. Известно, например, что на первых порах боги-олимпийцы вовсе не стояли так высоко над людьми и не были столь недосягаемыми для них: по свидетельству Гесиода, они «препирались» с людьми в Меконе, когда Зевс позволил Прометею обмануть себя.

Предание о «препирательстве» не приводится полностью Гесиодом и отсутствует в изложении иных античных источников. Подобное «опущение» ряда центральных космологических и теогонических преданий, краткая ссылка на них, как на хорошо и повсеместно известные, характерны для архаического греческого эпоса, вобравшего в себя огромный материал и целиком построенного на отсылках, кратких пересказах, упоминаниях.

Смена систем видения мира, принятая эпосом Гесиода,— это смена поэтического, религиозного, исторического восприятия (от матриархата Гея — Уран к патриархату Крон — Рея, Зевс — Гера), а возможно, и отражение различных и вполне реальных этнических процессов, протекавших на Балканском полуострове в III—I тысячелетии до н. э.

В «Теогонии» Гесиода находим также отдельные этиологические мифо-эпические предания, в частности предание, объясняющее принятый состав жертвоприношения богам: покрытые жиром кости животных сжигают на «благовонных алтарях». В свою очередь этиологические предания, изложения обычаев, традиций, поданные как предписания, наполняют другой эпос Гесиода, его поэму «Труды и дни». В этом произведении, с точки зрения художественно-религиозного

сознания, важны все нравственные поучения, все приметы, связанные с космосом и отношением человека к космосу. Часть из них получает объяснение, лишь исходя из первобытной коллективной психологии и данных этнографии.

Особое место в поэме занимает предание о четырех веках, как времени жизни четырех поколений людей: золотом, серебряном, медном и железном. Между двумя последними мыслится еще век героев — тех самых детей богов, которым посвящены гомеровские поэмы. Это предание не является достоянием лишь греческой архаики, но типологически распространяется также по крайней мере на кавказскую и индейскую древность.

Мифо-эпическое предание о происхождении или определенном деянии некоего конкретного божества вместе с молитвенным обращением к нему составляют содержание так называемых гомеровых гимнов. Сакрально-художественная природа древнейших из них несомненна. Хронологически более поздние ориентированы на предыдущие. В гимнах «К Аполлону Делосскому», «К Аполлону Пифийскому», «К Гермесу», «К Афродите», «К Деметре», принадлежащих к VII—VI вв. до н. э., отношение к божеству не рознится от гомеровско-гесиодовского. Божество по-прежнему, будь то Аполлон или Афродита, Гермес или Деметра,— податель благ, милостивый и грозный, исполненный власти в космосе, но преимущественно в границах какого-то своего «удела» этого космоса.

Обращение к некоему божеству связано не только с его особой божественной функцией, но и с общей божественной сутью, с культом данного божества, принятым, установленным в том или ином месте. Гимн первый чтит Аполлона, культ которого был принят на острове Делос с его священным центром — храмом Аполлона Делосского, известным во всем греческом мире и за его пределами. Гимн второй славит Аполлона Пифийского, чей культ связан с убийством Аполлоном страшного дракона, губителя людей, и основанием храма Аполлона, его священного дома на земле, в Пифоне. То же прославление с экскурсом в языческую «священную историю» — в гимнах третьем, четвертом и пятом при обращении к Гермесу, Афродите, Деметре.

Важно отметить, что эти культовые песнопения-обращения, какими они, очевидно, некогда и были, дошли до нас в обработке аэдов-сказителей и рапсодов-исполнителей, иначе говоря, представляют собой великолепные образцы художественной словесности, построенные на фольклорно-сакральной основе. Вполне возможно, что подобные гимны служили зачином, предваряющим выступление сказителей. Гомеру они не принадлежат, даже по времени, хотя близки ему по лексике, стилю и общему жизнеотношению, общему взгляду на мир. Среди этого общего выделяются элементы древнейшего миропонимания и мировпредставления: боги ограничены в своих знаниях, за ними некая

сила, которая могущественнее их. У Гомера — это Судьба и жребии Рока, у Гесиода — начала и концы мироздания (концов страшатся сами боги!), в гимне к Гермесу — предсказания, знания о грядущем, лежащие за пределами божественных возможностей.

Таков вкратце мир богов и людей, мир бессмертных и смертных в греческом эпосе эпохи архаики.

Мир этот, как и всякое явление архаического эпоса, выстроен по особым законам этического вымысла, согласно которым истина факта бытия или факта общественного сознания срастается в эпосе с «ложью» фантазии.

В многопластовом всепроникающем единстве эпического повествования, вобравшего в себя знания многих мифо-сакральных преданий, подобный вымысел выявил нечто общее, стабильное для всего архаического греческого мира: само представление о вселенной и о месте человека в ней.

Именно этим объясняется огромная популярность Гомера и Гесиода в языческой древности и ориентир на их представление о мире, как некую прозорливо найденную истину. Недаром античные философы всех школ и направлений считали важным для себя так или иначе подчеркнуть свое отношение к эпическому мирозданию, солидаризируясь с ним или отрицая его.

Сведения об античном архаическом религиозном сознании, собранные в антологии, надо надеяться, окажутся интересными, важными и поучительными для современного читателя, и не только в смысле эстетическом. Религия древних — это память о прошлом в связи с настоящим, познание прошлого во имя будущего, постижение глубинной связи между человеком и космосом, в единении с которым жили древние. Это единение мы утратили, и его нам предстоит возродить.

* * *

В книгу вошли отдельные песни «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, поэмы Гесиода «О происхождении богов (Теогония)» и «Труды и дни», а также пять гомеровых гимнов, которые хронологически, по стилю и смыслу относятся в эпохе архаики.

Текст «Илиады» дан в переводе Н. И. Гнедича, тексты остальных произведений — в переводе В. В. Вересаева. Эти переводы, на наш взгляд, наиболее адекватны древнегреческому подлиннику как со стороны смысловой, так и лексико-семантической, а в конечном итоге — и эстетической. Переводы Гнедича и Вересаева — это слепок с древнегреческого оригинала по содержанию, форме и художественному впечатлению, это тончайшая передача мысли и образа. Недаром классический перевод Гнедича «Илиады» по сю пору остается непревзойденным, а перевод Вересаева поэм Гесиода «Труды и дни», «О проис-

хождении богов (Теогония)» отмечен в 1918 году Пушкинской премией Российской Академии наук.

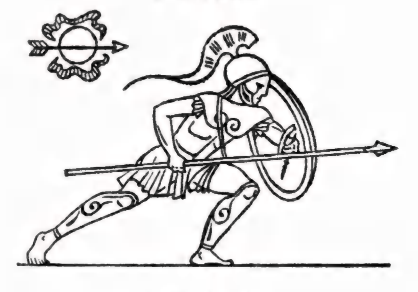
Не утратили по сей день своей научной и художественной ценности и примечания Вересаева к поэмам Гесиода и гомеровым гимнам. Поэтому составитель счел целесообразным привести эти примечания, дополнив их своими.

Звездочка с левой стороны стиха текста поэм отсылает читателя к примечаниям Вересаева, две звездочки с правой стороны стиха — к примечаниям составителя.

Имена собственные, введенные в текст примечаний В. В. Вересаевым, принадлежат крупнейшим филологам-классикам начала века, занимавшимся вопросами античной религии и культов.

И. В. Шталь,
доктор филологических наук

ГОМЕР

ИЛИАДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,**
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул**
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),—**
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов**
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие домы в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покоряся,
Идет, безмолвный, по брегу немолчношумящей пучины.
Там, от судов удалившися, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрыя Леты могущем сыну: **
«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,**
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов,— услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»**

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, бияся за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.**

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
В домы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,

Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?**
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахеян суда по морям предводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:
«Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?
Я возвещу; но и ты согласись, поклянись мне, что верно
Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.
Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты мне?»

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
«Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
Молишься ты, открывая данаям вещания бога:
Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,
Дщери не выдал ему и моленье и выкуп отринул.
Феб за него покарал и бедами еще покарает,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же то видите все — от меня отходит награда»**

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

Быстро, к нему обратяся, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятною сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим

И сведем Хрисеиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
Идоменей, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополчснье страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:**
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.**
Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней**
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вменяю в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу,— и в моем корабле, и с моею дружиной

Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

Рек он,— и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:
Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он,— явилась Афина,
С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратяся, познал несомненно
Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дщерь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»
Сыну Пелея рекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».

К ней обращаяся вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Рек, и на сребряном черене стиснул могучую руку
И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами

К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
«Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!
Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет,
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты,—
Или, Атрид, ты нанес бы обиду последнюю в жизни!
Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет,— на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору,— и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи,—
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.
Два поколенья уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.
Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю,—
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,**
Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушалися мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный
И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!

Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
Дальную Апии землю: меня они вызвали сами.**
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стязаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Мужеством ты знаменит, родила тебя матерь-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.
Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружьем в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»

Так воеводы, жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахеян.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
Все очищались они и нечистое в море метали.
После избрав совершенные Фебу царю гекатомбы
Коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря;
Туков воня́ до небес восходил с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудилися в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедывал, гневный:
«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
Если же он не отдаст, возвратитеся — сам я исторгну:
С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася к кущам и быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущей своею сидящим
В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
«Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!
Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
Он вас послал за наградой моей, за младой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
И пред царем сим неистовым,— ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;

Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»

Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.
За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеням ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезяся,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную матерь:
«Матерь! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»

Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерея.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,**
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей все, возвещать мне?
Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
Все меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.
Вскоре Хрис, престарелый священник царя Аполлона,
К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
Скоро молящемусь внял, Аполлону любезен был старец:
Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,

Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.
Первый советовал я укротить раздраженного бога.
Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
В Хрису священника дщерь быстроокие чада ахеян
В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дщерь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера и царь Посейдон и с ними Афина Паллада.
Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы не Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.**
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!
В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
Гнев на ахеян питай и от битв удержись совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о краснопоясанной деве,
Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей велемудрый
Хрисы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.
С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань,
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
Там они котвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону,
И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.
Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочерь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства».

Рек, и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают и соль и ячмень подымают.
Громко Хрис возмолился, горе воздевающий руки.
«Феб сребролукий, внемли мне! о ты, что хранящий обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских».

Так он взывал,— и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;

И когда питием и пищею глад утолили,
Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Целый ахеяне день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.**
Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.
Но, лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кущам.

Он между тем враждовал, при судах оставаяся черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось.
И на светлый Олимп возвратилися вечные боги
Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,**
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел! а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».

Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверенна будешь,— тебя я главой помаваю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все познала, увидя, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
«Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».

Гере паки ответствовал тучегонитель Кронион:
«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так,— без сомнения, мне то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:
«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный**
Матери милой подносит и снова так ей вещает:
«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!
Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,

Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно приняли».**

Рек; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок приняла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

Но, когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:
«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он,— и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,

К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался
Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник,
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч сребргвоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекалися быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
«Други! объятому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:

— Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются,
Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;**
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданьем:

Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.
Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседящим ахеям:
«Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Так,— но коликий позор об нас и потомкам услышать!
Мы, и толикая рать, и народ таковой, как данаи,
Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели,
Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца,—
Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!
Столько, еще повторяю, число превосходят ахейцы
В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил,— и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе и не слышавших речи советной.

Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Нот и Эвр, на водах Икарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалося; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах,
подымаясь,**
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымалися крики
Жаждущих в домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Так бы, судьбе вопреки, возвращение в домы свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
«Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
Или обратно в домы, в любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей
Столько данаев погибло, далеко от родины милой?
Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!
Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь:
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;
Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:
Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:
«Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!
Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реясь?
Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?
Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так провещала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.

Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
«Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом
Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель»

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,
С воплем: подобно как волны немолчношумящего моря,
В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный;**
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне

Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
«Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В домы свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссей устремился.
Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
Пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая: сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи
Слышали речи его и постигнули разум совета.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
Вечный позор перед племенем ясноглаголивых смертных,
Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады,—
Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.
Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
Путник, и месяц один находясь вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!
Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.**
Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,

Где, из-под корня древесного, била блестящая влага.
Там явилося чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
Страшный для взора, самим Олимпийцем на свет извлеченный,
Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листами таяся,
Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая матерь, недавно родившая пташек...
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
Матерь кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стенящую матерь.
Но, едва поглотил он и юных пернатых, и птицу,
Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
В камень его превращает сын хитроумного Крона;
Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо богов при священных явилося жертвах.
Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
— Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?
Знаменьем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая матерь пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою.—
Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.
Бодрствуйте же, други, останемся все, браноносцы данаи,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

Рек,— и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:
«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.
Что и моленья наши, и клятвы священные будут?
Или в огонь и советы пойдут, и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать,— не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.

Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и погибель.
Царь, предлагай ты совет, но внимай и другому совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;**
Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града
Или по слабости войск и неведенью ратного дела».

Сыну Нелея немедля ответствовал царь Агамемнон:
«Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!
Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!
Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.
Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,**
Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.
По́том зальется ремень на груди не единого воя,
Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
По́том покроется конь под своей колесницей блестящей.
Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Рек, — и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вдруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,**
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
Первого Нестора старца и критского Идоменея,
После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,
Зная любезного брата и как он в душе озабочен.
Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;
Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и кругом его многие други трояне
Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!»

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион:
Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них распростерли части сырые.
Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!

Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают,
Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
Сами пройдем, да скорее возбудим жестокую битву».

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.
Вестники подняли клич,— и они собирались поспешно.
Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.
С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.
Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных вершинах,
Лес беспредельный палит и далёко заревом светит,—
Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.
Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных
В злачном Азийском лугу, при Каистре широко текущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол под толпами
Страшно кругом застонал под ногами и коней и воев.
Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною.
Словно как мух несчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так несчетны против троян браноносцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею.**
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы, божества — вездесущи и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

* * *

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

* * *

Рек — и напал на него и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемоне граде

Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».

Так говорила,— и душу Елены в груди взволновала:
Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?
Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?
Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь им названа или супругою, или рабою!
Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!»

Так изрекла,— и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:

«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце;
Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
После и я побежду: покровители боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший;
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков».

Так Агамемнон вещал, — и в хвалу восклицали ахейцы.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Боги, у Зевса отца на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
«Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогения Алалкомена.**
Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки,
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».

Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».

Ей негодующей сердцем ответствовал Зевс тучеводец:
«Злобная: старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю

Град нисповергнуть, отчизну любезных тебе человеков,-
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает»

Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,— ты над бессмертными всеми царящий.
Но оставим вражду и, смиряясь друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву»

Так говорила,— и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
«Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву»

Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает**
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры,—
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;

Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?
В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай браноносный,
Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,**
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены».

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть; ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.
Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,

Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дщерь светлоокая Зевса:
Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
К телу касаться; ее отражает, как нежная матерь
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
Медь направляет богиня туда, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробила,
Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

* * *

Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев:
Снова данаи оружьем покрылись и вспыхнули боем.

* * *

Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену,—
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Стоя тьмочисленные и млеком наполняя дойницы,
Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев,—
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,

Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

* * *

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе**
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана,—
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях,— Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:
В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,

Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смутилися все: и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»

Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:**
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором**
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,**
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием,— и глубоко,

Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало:
С воплем он пал на колена, и падшего Смерть осенила.

Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахеян?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы,—
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелою
И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму
В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
Прямо вонзилась в плечо: оросилася кровию броня.
Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!**
Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней

Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».

Так он сказал,— и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюсь стрелу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
«Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает,—
В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:
«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.
Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних.
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад чрез высокую скачет ограду,—
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным

Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой,—
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
«Пандар! где у тебя и лук, и крылатые стрелы?
Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу возденъ и пусти ты пернатую в мужа,
Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!
Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!»

Быстро Энею ответствовал славный сын Ликаонов:
«Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетавшую быстро отринул.

Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;
Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
Подле стоят, утучняясь полбой и белым ячменем.
Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях в колеснице
Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.
Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий,—
Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
Противостав, не изведаем оба оружием нашим.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полем
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прийми ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
«Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.
Или они, оробевши, замнутся и с бранного поля
Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:
«Храбрый Тидит Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
Мощь обоих неизмерима: первый — стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь».

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
Мне даже леность всходить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;**
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно

Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
Шесть у Анхиза в дому родилося породы сей коней;
Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если сих коней похитим, стяжаем великую славу!»

Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
Близко враги принеслися, гонящие коней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу».
Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

Радуясь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, не долго
Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!»
Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Праздeн удар, ты обманут! но вы, я надеюся, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
Кровью своею насытить несытого бранью Арея!»

Так произнес — и поверг; и копье направляет Афина
Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.
Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули троские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть грозящий
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей,— но размахивал им и один он;
Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая

Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой:
Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
Около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет,
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»

Рек,— и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Ирида ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:
«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!»

Так изрекла,— и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ирида взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амброзию в пищу.
Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»

Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,
Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя.
Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.

Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эрибея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.**
Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил треконечною горькой стрелою.
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!
Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громоворжцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
Бога Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садяся, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера
Речью язвительной гнев возбуждали Кронионa Зевса;
Первая речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла**
Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»

Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.

Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»

Так провещал,— и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета, и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
«Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?
Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»

Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
«Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
Так, и ликийские долы, и ксанфские воды — далеки,
Где я оставил супругу любезную, сына-младенца
И сокровища многие, коих убогий алкает.
Но, невзирая на то, предвожу ликиян, и готов я
С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть аргивяне.
Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
Гектор, блюдись, да объяты, как всеувлекающей сетью,
Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
Скоро тогда супостаты разрушат ваш град велелепный!
Ты о делах сих заботиться должен и денно и нощно,
Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить».

Так говорил он, — и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю:
Острые копья колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распаляя сердца; и возжег он жестокую сечу!
Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевы рассевает по гумнам священным,
Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.

Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его вопросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
Ждали недвижные, тучам подобные, кои Кронион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу;
Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестным духом;
Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Рек — и стремительно ринул копье и переднего мужа
Деикоона уметил, Энеева храброго друга,
Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.
Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.
В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
Коего воды широко текут чрез пилийскую землю.
Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
И от сего Диоклеса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.
Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,

Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут,—
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай браноносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
Выступил сам за передних, страшася, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
Тою порою герои и руки, и острые копья
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух браноносцев увидя, один за другого стоящих.
Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
Сами, назад обратившися, между передних сражались.

Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.
Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в выю уметил;
Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимния: коней своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю,
Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;
Он, тяжело воздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает,—
Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
«Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»

Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.
В запон его поразил Теламониев сын многомощный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал победитель,
Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.
Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
Он окружения сильного гордых троян убоялся:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так браноносцы сии подвизалися в пламенной битве.
Тою порой Тлиполем Гераклид, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиполем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
«Ликии царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?
Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рожденьем!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человеков,

И каков, повествуют, великая сила Геракла
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!**
Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюся, ты обороной не будешь,
Ликию бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!»

Ликии царь Сарпедон Тлиполему ответствовал быстро:
«Так, Тлиполем, Геракл разорил Илион знаменитый,
Но царя Лаомедона злое безумство карая:
Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
Их от меня ты приймешь и, копьем сим поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу».

Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
Взнес Тлиполем; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида
В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона героя усердные други из битвы
Вынесть спешили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
Так озабочены были трудящиесь вкруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынесть из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напав на ликиян, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;

И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,
Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
«Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;
Друг, защити! и пускай уже в вашем приязненном граде
Жизнь оставит меня! не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемусь, в землю отечества, милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу, и юного сына!»

Так говорил, но ему не ответствовал Гектор великий,
Быстро пронесся вперед, нетерпеньем пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест коneборец,
Воин бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!»

Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильного, Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.

Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»

Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море,—
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симоис разостлал амброзию сладкую в паству.
Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.
И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима,—
Там, пред аргивцами став, возопила великая Гера,
В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:
«Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!
Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!»

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
«Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!
Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян

В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
Всех победил: таково я сама поборала Тидею!**
Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
Или связала робость бездушная! После сего ты
Сын ли героя Тидея, великого в бранях Инида?»

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
«О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренне все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою он управляет».

Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян,
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»

Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой,— и покорный мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.
Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охизия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этолиян вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней,
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но, рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер, —
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных,
Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьем на меня самого устремился, как демон!
Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
Там я простертый страдал, между страшными грудами
трупов,
Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!»

Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня воссидящий!**
Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.
Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

Рек,— и его врачевать повелел громовержец Пеану.
Язву Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничий сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший,—
С равной Пеан быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Крик неспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
«Что, благородный Махаон, из дел сих нерадостных будет?
Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю».
Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело

Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!
Словно как море великое зыбью немою чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет,—
Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: к рядам ли идти аргивян быстроконных
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
В сих волновавшемусь думах, сдалося полезнее старцу
К сыну Атрея идти. Между тем истребляли друг друга
Воины в битве; звучала ужасно вкруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдуконечных.

С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.
Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, все между мысов пространство.
Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираяся копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
Так он на сонме грозился,— и все совершается ныне!
Боги! Так все ополчения меднооружных данаев
Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!»

Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Агамемнон, свершается все! и уже не возмог бы
Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будет.

Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мятутся.
Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться».

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитою будут:
Нет сомнения, Зевсу всесильному видеть угодно
Здесь, от Эллады далеко, ахеян бесславно погибших!
Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!
Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
Первые наши суда, находящиесь близко пучины,
Двинем немедля и спустим их все на священное море;
Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит
Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападенье
Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.
Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!»

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!
Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,
Град, вкруг которого столько ужасных мы бед претерпели?
Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахеян
Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!
Замысел твой отвергаю я вовсе и что ты вещаешь!
Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы

Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
И твои нас советы погубят, правитель народа!»

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:
«О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким
Душу мою; но ахеянам я не даю повелений
Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.
Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
Юноша он или старец — равно мне приятен он будет».

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден**
Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь
Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.
Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;
Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
Агрий и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,
Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность!
Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
Только других поощрим на сражение: множество ратных,
Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь».

Так говорил,— и, внимательно слушав, цари покорились;
К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.

Тою порой не вотще соглядал Посейдон земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;
Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце

С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!
Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей».

Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно полем.
Словно как девять иль десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву,—**
Гласом из персей таким колебатель земли Посейдаон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала
Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узнала, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.
Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амброзической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме,
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.

Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши — прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие: прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
«Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».
Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремящий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вечно остануся я и любезной для них и почтенной».

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемощного Зевса».

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъясненья,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
Гере его подала и такие слова говорила:
«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
В нем заключается всё, и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».

Так изрекла, улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.**
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.
Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиерии холмы, Эмафии долы.
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:
«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,
В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,
Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».

Гере державной немедля ответствовал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилося.
К Кронову ж сыну, царю, и приближиться я не посмею,
В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,**
В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель:
В оный я день обаял Эгиоха всесильного разум,
Сладко разлившися; ты ж устрояла напасти Гераклу;
Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны,
Бросила к брегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
«Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь».

Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;**
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону:
Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных киминдой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,
Только увидел,— и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
«Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу».

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,

Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.
Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокие льющего воды».

Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:
«Гера супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,**
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дщерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;**
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо
Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!
Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».

Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Гера супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я

Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
Коего острое око всё проницает и видит».

Рек — и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого капала светлая влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.
Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
Радости весть возвестить черновласому Энносигею;
Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
«Ревностно, царь Посейдаон, теперь поборай за данаев!
Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
Гера склонила его насладиться любовью и ложем».

Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посейдона к защите ахеян.
Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
«Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?
Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?
Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.
Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решася стоять одному за другого!
Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
Перси оденем, шеломами крепкими чела покроем
И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!
Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим».

Так он вещал, — и с усердием пламенным все покорились.
Сами цари, забывая их язвы, строили ратных.
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым,

Так ополчившися пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посейдаон, колеблющий землю,
Меч долголезвенный, страшный неся во всемощной деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной,— смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
Бог Посейдон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.
Море восстало и волны до самых судов и до кущей
С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у брега,
Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борея;
Огнь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившися, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосым,
Если со всею свирепостью воет над ними, бушуя,—
Сколько гремел на побоище голос троян и ахеян,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступившего вдруг поразил Теламонид
Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи,
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружася.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса,—
Так ниспроверглася быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы младые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили

Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанесть, ни ударить; немедля его окружили
Вои храбрейшие: Полидамас, и Эней, и Агенор,
Ликии царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стенящего тяжко героя.

Но лишь примчалися к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным
Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами
И, на коленах держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

Рати ахеян, увидевши Гектора, сшедшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.
Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой, —
Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
Энопу, пастырю стад, родила на брегах Сатниона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
Мстителем вышел и, бросив, попал Профоенора в рамо,
Ветвь Ареилика: рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
«Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!
Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,**
Он, опираясь, пойдет в преисподние домы Аида!»

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
Подле него пораженный противником пал Профоенор.
Гевный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфоид едва от погибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги погибель;

Храброго дрот улучил в сочетании выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами
Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
«Взор обрати, Панфоид, и поведай, троянец, мне правду:
Пасть за вождя Профоенора сей не достоин ли воин?
Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода;
Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен».

Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян,— и пронзил Акамас беотийца Промаха,
Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
«Нет, аргивяне стрельцы, угроз расточители праздных!
Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!
Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,
Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!»

Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелей Илионея свергнул,
Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
Но от супруги имел одного Илионея сына.
Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
Вышиб зрачок, проколовшая пика и око и череп
Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В выю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
«Трои сыны, известите родителей славного сына,
Мать и отца Илионея; пусть его в доме оплачут!
Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
Мы в кораблях возвратимся, младые ахейские мужи!»

Рек он,— и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
В битве, на сторону их преклоненной царем Посейдоном?
Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;
Вождь мерион Гипотиона с Морисом храбрым низринул;
Тевкр низложил Профоона и мчавшегось в бег Перифета;
Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.
Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий,—
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
Страшно кругом берега загремели; упадшие с воплем
Плавали с места на место, крутяся по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшися с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они устрашенные падают в воду,—
Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
Ток наполняя гремучий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на бреге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,
С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;
Начал вокруг им рубить: поднялися ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы вспололошась

И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит,—
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сражениях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.**

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он
В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши: царевич смоковницы ветви младые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него нелетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продал: Эвней Ясонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Гээтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Арисбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было
В царство Аида низринуть — идти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю всё разбросал, из реки убегающий; по́том
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу!
Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.
Но нападем, и пускай острия моего Пелиаса
Днесь он отведает: видеть хочу и увериться сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных».

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять; несказанно желал он

Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулась дрожа, человеческой жадное крови.**
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
«Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
Я пред тобою стою как молитель, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.
После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчия цену;
Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Крониону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
Матерь меня Лаофоя, дочь престарелого Альта,—
Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.
Дочерь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;
Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приближил!
Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!

Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;
Сын отца знаменитого, матерь имею богиню!
Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».

Так произнес,— и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по черному праху
Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вкруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.
Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
Вы — убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
Вас не спасет ни могучий поток, сребристопучинный**
Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих;
Все вы изгибнете смертию лютой; заплатите вы мне
Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!»

Так говорил он,— и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
Ветвь Пелегона, которого Аксий широкотекущий
С юной родил Перибоею, Акессаменовой дщерью
Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
Вышел, двумя потрясающий копьями; дух пеонийцу
Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
Чуть соступились они, устремляясь друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:

«Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне выйти?
Дети одних несчастных встречаются с силой моею!»

И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
«Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,
Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают,
Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!»

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный:
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссаднил десную:
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.
Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав, Пелегонида, в берег высокий ударил
И вогнал до средины огромное дерево в берег.
Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прянул, а тот ахиллесовский ясень
Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но в четвертый он раз лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень,—
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
Ты от реки широкой своим величаешься родом;
Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.

Сколько Зевес многомощнее рек, убегающих в море,
Столько пред чадами рек многомощнее чада Зевеса!
Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет».

Рек — и из брега стремнистого вырвал огромную пику.
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого: там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
Там он убил Ферсилоха, Эния вождя и Мидона,
Сверг Астипила и Фразия, сверг Офелеста и Мнесса.
Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
«О Ахиллес! и могуществом сил, и грозою деяний
Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
Более в море священное волн проливать не могу я,
Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»

Ксанфу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
Я перестану троян истреблять, но не прежде как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
Он ли меня укротит иль надменного сам укрощу я».

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
«Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов
Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, Олимпиец,

Трои сынов защищать неотступно, пока не простреться
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала.
Коими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимися пышно водами.
Страшно вкруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лёта,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает,—
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет

Спасть из реки, злополучного? После и всё претерпел бы...
Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть;
Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;
Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебресть он!»

Так говорил,— и незапно ему Посейдон и Афина
Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посейдон, потрясающий землю:
«Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися: дадим мы тебе вожделенную славу».

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь всё поднималось.
Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченный в крепость Афиной.
Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:
«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!

Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
Лягут и черной покроются тиною, ляжет и сам он.
Я и его под песком погребу и громадою камней
Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!
Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»

Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;
Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;
И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный».

Так повелела,— и сын устремил пожирающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрятеля радует сердце,—
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных:
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигиея.
Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:

«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»

Так говорил и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,
Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью,—
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
«Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Трои сынов никогда не спасать от суровой годины,
Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»

Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро, богиня, к Гефесту, любезному сыну, вещала:
«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»

Так повелела,— и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиеся воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!

Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!»

Рек — и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром молневержца;
В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
«Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»

Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стенящего; в силу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:
«Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!
Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»

Так изрекла,— и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против меднооружных данаев,
Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!
О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»

Так говорила,— и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец:**
«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в меднозданный дом Олимпийца!
Феб, начинай; ты летами юнейший,— но мне неприлично:
Прежде тебя я родился, и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,
Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
Так удалилися мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Эннорсигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посейдаон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»

Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посейдону победу
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида

Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву».

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:
«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей**
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!»

Так лишь сказала и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И, наконец, убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врозь по песчаным зыбям разлетевшиесь легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:

«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»

Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного. Сын же Пелеев
В грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвизаем:
Всем он труды и печали несчетные многим наносит,—
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель.
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!»

Рек он,— и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.
Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчалися; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.
Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агенора мужа,
Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.
Феб ему сердце наполнил отвагой и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшися облаком темным.
Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:

«Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом, —
Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
Брошусь бежать по Илийскому полю, пока не достигну
Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
И, освежася, под сумраком вновь в Илион возвращуся.
Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
Сей человек несравненно могучее всех человеков!
Если ж ему самому перед градом я противостану?..
Тело его, как и всех, проницаемо острою медью;
Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным,
Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!»

Так произнес — и, уставясь на бой, нажидал Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
Прямо выходит на мужа-ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;
Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит или сам не простреется, —
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агенор,
С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.
Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
«Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?
Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель, —
Ты, и страшнейший в мужах, и душою отважнейший воин!»

Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая кована, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.

Тут Ахиллес на подобного богу Агенора прянул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украситься не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
Образ принявши Агенора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться.—
Тою порой, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,
Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа,
Чуть уходящего,— хитростью бог обольщал человека,
Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит,—
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал, за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

С ужасом в город вбежав, как олени младые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняяся; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам приклонивши.
Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
«Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?
Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
Скрылись они уже в стены; а ты здесь по полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти».

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Так обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
Землю зубами глодать до того, как сокрылися в Трою!
Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
Спас без труда, ничьего не страшася отмщения после...
Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!»

Так произнес он — и к граду с решимостью гордой понесся,
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю,—
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полем летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным,—
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъемлет и горестным голосом вопит,
Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
«Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины,
Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне: о, давно б уже труп его псы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет и нет Полидора;
Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофоей.
О! если живы они, но в плену,— из ахейского стана
Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
Много сокровищ за дочерью выдал мне Альт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!
Но народу троянскому горести менее будет,
Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнью ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:

Видеть сынов убиваемых, дщерей в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем**
Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью,—
Все у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

Так вопиял, и свои серебристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвигнул.
Матерь за ним на другой стороне возопила, рыдая;
Перси рукой обнажив, а другой на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!»

Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли,— но Гектора в персях души не подвигли:
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегось прямо.
Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваяся вкруг над пещерой,—
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
Первый Полидамас на меня укоризны положит:
Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.
Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
Так троянский народ погубил я своим безрассудством.

О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
— Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —
Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться
Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион,— роковое раздора начало! —
Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молитель! Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.
Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня**
Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девой:
Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
Славу кому между нас даровать Олимпиец рассудит!»

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече;
Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
Будто огнь распылавшийся, будто всходящее солнце.
Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, устрашенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.
Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить,—
Так он за Гектором, пламенный, гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убегал и быстро оборачивал ноги.
Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчалися, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.

Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная
влага.

Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
Там пропристали они, и бегущий, и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
Спорились бегом; обычная мзда то ногам бегоборцев;
Нет, об жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
Окрест меты беговой с быстротою чудесною скачут,—
Славная ждет их награда, младая жена иль треножник,—
Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиесь. Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».

Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти
печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»

Ей немедля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в
сердце
Я говорю и с тобою милостив быть я желаю.
Волю твори и желание сердца немедля исполни».

Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет,—
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами,—
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы, и быстрые ноги.
Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.
Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
«Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.
Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою
И сама преклоню; да противу тебя он сразится».

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом, и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:
«Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,

Около града Приамова бурным преследуя бегом.
Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!»

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
«О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются».

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
«Гектор, меня умоляли отец и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.
Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
К черным судам повлечет иль копьем он твоим укротится!»

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
«Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!
Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут
Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни».

Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца;
Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга,—
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен
Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!

Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!»

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
«Празден удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты,
Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!
Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
Если б тебя сокрушил я,— тебя, их, лютейшую гибель!»

Рек он — и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;
Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело,
Стал и очи потупил: копья не имел он другого.
Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
Требует нового дротика острого: нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
«Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
Возле меня — лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной!
Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!»

Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
С места, напрягшися, бросился, словно орел небопарный,

Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадает,
Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить,—
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
Зыблется светлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее,—
Так у Пелида сверкало копье изощренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна:
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
Грянулся в прах он,— и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
«Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне».

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;
Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь;
Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили».

Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
«Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твое пожирал бы я,— то ты мне сделал!
Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне

Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
Если тебя самого прикажет на золото взвесить
Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»

Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
«Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,**
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

Так говорящего, Гектора мрачная Смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
Крикнул еще: «Умирай! а мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!»

Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши:
«О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

Так не один говорил — и копьем прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахеян, и к ним устремил он крылатые речи:
«Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
Граждан троянских изведаем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,

Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Трои сыны величали, как бога!»

Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
Вся голова почернела под перстию. Мать увидала,
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавалися вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,
Рвавшегось в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
Он говорил, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть, дряхлой
Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная матерь!»

Так говорил он, рыдая; и с старцем стенали трояне.
Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
«Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей, и тебя, нам бесценного, смерть обымает!»

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.
Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огнь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.
Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирён светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:
«Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»

Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
Стала, со стен оглянулась кругом и его увидала
Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
Полем его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, дух испустила.
Спала с нее и далеко рассыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сеть и прекрасноплетеные тесмы;
Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,**

Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Этиона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала и так среди жен говорила:
«Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
Оба родилися: ты в Илионе, в Приамовом доме,
Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
В доме царя Этиона; меня возрастил он от детства,
Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супруг мой, в Аидовы домы, в подземные бездны
Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
В доме вдовою; а сын, злопоучными нами рожденный,
Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
В жизни отрадою, Гектор,— ты пал! — ни тебе он не будет!
Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
Труд беспрерывный его, бесконечное горе в грядущем
Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы,—
Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
— Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует с друзьями! —
Плачущий к матери, к бедной вдовице, дитя возвратится,
Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;
Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
Астианакс наш, которого так называют трояне,
Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
Гектор; а ныне у вражьих судов, далеко от родимых,
Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,
Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!

Сделал ты их бесполезными, в них и лежать ты не будешь!
В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

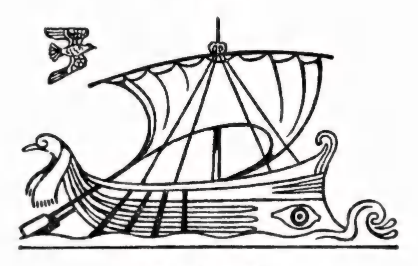
(Приам привозит Ахиллу выкуп за тело Гектора.— *И. Ш.)*

* * *

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище воспомним.
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:
Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут,—
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

* * *

ГОМЕР

ОДИССЕЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.
Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.
Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.
Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув погибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря.
Только его, по жене и отчизне болевшего сердцем,
Нимфа-царица Калипсо, богиня в богинях, держала
В гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом.
Но протекали года, и уж год наступил, когда было
Сыну Лаэрта богами назначено в дом свой вернуться.
Также, однако, и там, на Итаке, не мог избежать он
Многих трудов, хоть и был меж друзей. Сострадания полны
Были все боги к нему. Лишь один Посейдон непрерывно
Гнал Одиссея, покамест своей он земли не достигнул.

Был Посейдон в это время в далекой стране эфиопов,
Крайние части земли на обоих концах населявших:
Где Гиперион заходит и где он поутру восходит.
Там принимал он от них гекатомбы быков и баранов,
Там наслаждался он, сидя на пиршестве. Все ж остальные
Боги в чертогах Кронида-отца находилися в сборе.
С речью ко всем им родитель мужей и богов обратился;
На сердце, в памяти был у владыки Эгист безукорный,
Жизни Агамемнонидом лишенный, преславным Орестом.
Помня о нем, обратился к бессмертным Кронид со словами:
«Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных!
Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист,— не судьбе ль вопреки он супругу Атрида**
Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну?
Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго,
Зоркого аргоубийцу Гермеса послав, чтоб не смел он
Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены.
Месть за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши,
Он пожелает вступить во владенье своею страною.
Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он
Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился».
Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:
«О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!
Правду сказал ты,— вполне заслужил он подобную гибель.
Так да погибнет и всякий, кто дело такое свершил бы!
Но разрывается сердце мое за царя Одиссея:
Терпит, бессчастный, он беды, от милых вдали, на объятом
Волнами острове, в месте, где пуп обретается моря.
Остров, поросший лесами; на нем обитает богиня,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который надзор за столбами имеет:
Между землею и небом стоят они, их раздвигая.
Скорбью объятого, держит несчастного дочерь Атланта,
Мягкой и вкрадчивой речью все время его обольщая,
Чтобы забыл о своей он Итаке. Но страстно желая
Видеть хоть дым восходящий родимой земли, помышляет
Только о смерти одной Одиссей. Неужели не тронет
Милого сердца тебе, Олимпиец, судьба его злая?
Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской
Близ кораблей аргивян? Так на что же ты, Зевс, негодуешь?»

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Что за слова у тебя из ограды зубов излетели!
Как это смог бы забыть о божественном я Одиссее,
Так выдающемся мыслью меж смертных, с такою охотой
Жертвы богам приносящем, владыкам широкого неба?
Но Посейдон-земледержец к нему не имеющим меры
Гневом пылает за то, что циклоп Полифем богоравный
Глаза лишен им,— циклоп, чья сила меж прочих циклопов
Самой великой была; родился он от нимфы Фоосы,
Дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря,
В связь с Посейдоном-владыкой вступившей в пещере глубокой.
С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея
Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны.
Что же, подумаем все мы, кто здесь на Олимпе сегодня,
Как бы домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев свой: не сможет один он со всеми бессмертными спорить
И против воли всеобщей богов поступать самовластно».
Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:
«О наш родитель, Кронид, из властителей всех наивысший!
Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог Одиссей многоумный в отчизну, прикажем Гермесу
Аргоубийце, решений твоих исполнителю, к нимфе
В косах, красиво сплетенных, на остров Огигию тотчас
Мчаться и ей передать непреклонное наше решенье,
Чтобы на родину был возвращен Одиссей многостойкий.
Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну
Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце,
Чтоб, на собрание длинноволосых ахейцев созвавши,
Всех женихов он изгнал, убивающих в доме без счета
Кучей ходящих овец и рогатых быков тихоходных.
После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,
Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амбросиальные, всюду ее с дуновеньями ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
В руки взяла боевое копье, изостренное медью,—
Тяжкое, крепкое; им избивала Афина героев,
Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовной.
Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских,
Стала в итакской стране у двора Одиссеева дома

Перед порогом ворот, с копьем своим острым в ладони,
Образ приняв чужестранца, тафосцев властителя Мента.
Там женихов горделивых застала. Они перед дверью
Душу себе услаждали, с усердием в кости играя,
Сидя на шкурах быков, самими же ими убитых.
В зале же вестники вместе с проворными слугами дома
Эти — вино наливали в кратеры, мешая с водою,
Те,— ноздреватою губкой обмывши столы, выдвигали
Их на средину и клали на них в изобилии мясо.
Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.
Сердцем печалуясь милым, он молча сидел с женихами.
И представлялось ему, как явился родитель могучий,
Как разогнал бы он всех женихов по домам, захватил бы
Власть свою снова и стал бы владений своих господином.
В мыслях таких, с женихами сидя, он увидел Афину.
Быстро направился к двери, душою стыдясь, что так долго
Странник у входа стоять принужден; и, поспешно приблизясь,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос повысил и с речью крылатой к нему обратился:
«Радуйся, странник! Войди! Мы тебя угостим, а потом уж,
Пищей насытившись, ты нам расскажешь, чего тебе нужно».
Так он сказал и пошел. А за ним и Паллада Афина.
После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,
Гостя копье он к высокой колонне понес и поставил
В копьехранилище гладкое, где еще много стояло
Копий других Одиссея, могучего духом в несчастьях.
После богиню подвел он к прекрасноузорному креслу,
Тканью застлав, усадил, а под ноги придвинул скамейку.
Рядом и сам поместился на стуле резном, в отдаленьи
От женихов, чтобы гость, по соседству с надменными сидя,
Не получил отвращенья к еде, отягченный их шумом,
Также, чтоб в тайне его расспросить об отце отдаленном.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания; после расставила стол она гладкий.
Хлеб положила перед ними почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Кравчий поставил пред ними на блюда, подняв их высоко,
Разного мяса и кубки близ них поместил золотые;
Вестник же к ним подходил то и дело, вина подливая.
Шумно вошли со двора женихи горделивые в залу
И по порядку расселись на креслах и стульях; с водою

Вестники к ним подошли, и они себе руки умыли.
Доверху хлеба в корзины прислужницы им положили,
Мальчики влили напиток в кратеры до самого края.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Новым желаньем зажглися сердца женихов: захотелось
Музыки, плясок — услады прекраснейшей всякого пира.
Фемию вестник кифару прекрасную передал в руки:
Пред женихами ему приходилося петь поневоле.
Фемий кифару поднял и начал прекрасную песню.
И обратился тогда Телемах к совоокой Афине,
К ней наклонясь головой, чтоб никто посторонний не слышал:
«Ты не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что скажу я?
Только одно на уме вот у этих — кифара да песни.
Немудрено: расточают они здесь чужие богатства —
Мужа, чьи белые кости, изгнившие где-нибудь, дождик
Мочит на суше иль в море свирепые волны качают.
Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,
Все пожелали бы лучше иметь попроворнее ноги,
Чем богатеть, и одежду и золото здесь накопляя.
Злою судьбой он, однако, погублен, и нет никакого
Нам утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает:
Он еще будет. Но нет! Уж погиб его день возвращенья!
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какою дорогой
К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался.
Так же и это скажи откровенно, чтоб знал хорошо я:
В первый ли раз ты сюда приезжаешь иль давним отцовским
Гостем ты был? Приезжало немало в минувшие годы
В дом наш гостей, ибо много с людьми мой общался родитель».
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу:
Имя мне — Мент; мой отец — Анхиал многоумный, и этим
Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев
Весколюбивых, приехал в своем корабле со своими;
По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью
В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом.
Свой же корабль я поставил под склоном лесистым Нейона
В пристани Ретре, далеко от города, около поля.

С гордостью я заявляю, что мы с Одиссеем друг другу
Давние гости. Когда посетишь ты героя Лаэрта,
Можешь об этом спросить старика. Говорят, уж не ходит
Больше он в город, но, беды терпя, обитает далеко
В поле со старой служанкой, которая кормит и поит
Старца, когда, по холмам виноградника день пробродивши,
Старые члены свои истомив, возвращается в дом он.
К вам я теперь: говорили, что он уже дома, отец твой.
Видно, однако же, боги ему возвратиться мешают.
Но не погиб на земле Одиссей богоравный, поверь мне.
Где-нибудь в море широком, на острове волнообъятом,
Он задержался живой и томится под властью свирепых,
Диких людей и не может уйти, как ни рвется душою.
Но предсказать я берусь — и какое об этом имеют
Мнение боги и как, полагаю я, все совершится,
Хоть я совсем не пророк и по птицам гадать не умею.
Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке,
Если бы даже его хоть железные цепи держали.
В хитростях опытен он и придумает, как воротиться.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе пред собой Одиссеева сына?
Страшно ты с ним головой и глазами прекрасными сходен.
Часто в минувшее время встречались мы с ним до того, как
В Трою походом отправился он, куда и другие
Лучшие из аргивян на судах крутобоких поплыли.
После ж ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мною».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Я на вопрос твой, о гость наш, отвечу вполне откровенно:
Мать говорит, что я сын Одиссея, но сам я не знаю.
Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?
Счастлив я был бы, когда бы родителем мне приходился
Муж, во владеньях своих до старости мирно доживший.
Но — между всеми людьми земнородными самый несчастный —
Он мне отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты».
Снова сказала ему совоокая дева Афина:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб не был без славы в грядущем
Род твой, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.
Ты ж мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Что за обед здесь? Какое собранье? Зачем тебе это?
Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину ж он происходит.

Кажется только, что гости твои необузданно в доме
Вашем бесчинствуют. Стыд бы почувствовал всякий разумный
Муж, заглянувший сюда, поведенье их гнусное видя».
Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:
«Раз ты, о гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай же:
Некогда полон богатства был дом этот, был уважаем
Всеми в то время, когда еще здесь тот муж находился.
Нынче ж иное решенье враждебные приняли боги,
Сделав его между всеми мужами невидимым глазу.
Менее стал бы о нем сокрушаться я, если б он умер,
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Или, окончив войну, на руках у друзей бы скончался.
Был бы насыпан над ним всеахейцами холм погребальный,
Сыну б великую славу на все времена он оставил.
Ныне же Гарпии взяли бесславно его, и ушел он,
Всеми забытый, безвестный, и сыну оставил на долю
Только печаль и рыданья. Но я не об нем лишь едином
Плачу; другое мне горе жестокое боги послали:
Первые люди по власти, что здесь острова населяют
Зам, и Дулихий, и Закинф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку,— стремятся упорно
Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может
Их притязаньям конец положить, а они разоряют
Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат».
В негодованьи ему отвечала Паллада Афина:
«Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный
Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных пришельцев.
Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью домовой**
С парою копий в руке, со щитом своим крепким и в шлеме,—
Как я впервые увидел героя в то время, когда он
В доме у нас на пиру веселился, за чашею сидя,
К нам из Эфиры прибывши от Ила, Мермерова сына:
Также и там побывал Одиссей на судне своем быстром;
Яда, смертельного людям, искал он, чтоб мог им намазать
Медные стрелы свои. Однако же Ил отказался
Дать ему яду: стыдился душою богов он бессмертных.
Мой же отец ему дал, потому что любил его страшно.
Пред женихами когда бы в таком появился он виде,

Короткожизненны стали б они и весьма горькобрачны!
Это, однако же, в лоне богов всемогущих сокрыто,—
Он за себя отомстит ли иль нет, возвратившись обратно
В дом свой родной. А теперь я тебе предложил бы подумать,
Как поступить, чтобы всех женихов удалить из чертога.
Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем:
Завтра, граждан ахейских созвав на собранье, открыто
Все расскажи им, и боги тебе пусть свидетели будут.
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Мать же твоя, если дух ее снова замужества хочет,
Пусть возвратится к отцу многосильному, в дом свой родимый;
Пусть снаряжает он свадьбу, приданое давши большое,
Сколько его получить полагается дочери милой.
Что ж до тебя,— мой разумный совет ты, быть может, исполнишь:
Лучший корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься**
И об отце поразведай исчезнувшем; верно, из смертных
Кто-либо сможет о нем сообщить иль Молва тебе скажет
Зевсова — больше всего она людям известий приносит.
В Пилосе раньше узнаешь, что скажет божественный Нестор,
К русому после того Менелаю отправишься в Спарту;
Прибыл домой он последним из всех меднолатных ахейцев.
Если услышишь, что жив твой отец, что домой он вернется,
Год дожидайся его, терпеливо снося притесненья;
Если ж услышишь, что мертв он, что нет его больше на свете,
То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм ты насыплешь могильный, как следует справишь
Чин похоронный по нем и в замужество мать свою выдашь.
После того как ты все это сделаешь, все это кончишь,
В сердце своем и в уме хорошенько обдумай, какими
Средствами всех женихов в чертогах твоих изничтожить,
Хитростью или открыто. Ребячьими жить пустяками
Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой возраст.
Иль неизвестно тебе, что с божественным было Орестом,
Славу какую он добыл, расправясь с коварным Эгистом,
Отцеубийцей, отца его славного жизни лишившим?
Вижу я, друг дорогой мой, что ты и велик и прекрасен,
Ты не слабее его, ты в потомстве прославишься также;

Но уж давно мне пора возвратиться на быстрый корабль мой:
Спутники ждут и наверно в душе возмущаются мною.
Ты ж о себе позаботься и то, что сказал я, обдумай».
Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:
«Право же, гость мой, со мной говоришь ты с такою любовью,
Словно отец; никогда я твоих не забуду советов.
Но подожди, хоть и очень, как вижу, в дорогу спешишь ты.
Вымойся раньше у нас, услади себе милое сердце.
С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу».
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши».
Молвила и отошла совоокая дева Афина,
Как быстрокрылая птица, порхнула в окно. Охватила
Сила его и отвага. И больше еще он, чем прежде,
Вспомнил отца дорогого. И, в сердце своем поразмыслив,
В трепет душою пришел, познав, что беседовал с богом.
Тотчас назад к женихам направился муж богоравный.
Пел перед ними певец знаменитый, они же сидели,**
Слушая молча. Он пел о возврате печальном из Трои
Рати ахейцев, ниспосланном им Палладой Афиной.
В верхнем покое своем вдохновенное слышала пенье
Старца Икария дочь, Пенелопа разумная. Тотчас
Сверху спустилась она высокою лестницей дома,
Но не одна; с ней вместе спустились и двое служанок.
В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня средь женщин,
Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,
Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом
С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.
Плача, певцу вдохновенному так Пенелопа сказала:
«Фемий, ты знаешь так много других восхищающих душу
Песен, какими певцы восславляют богов и героев.
Спой же из них, пред собранием сидя, одну. И в молчаньи
Гости ей будут внимать за вином. Но прерви начатую
Песню печальную; скорбью она наполняет в груди мне
Милое сердце. На долю мне выпало злейшее горе.
Мужа такого лишась, не могу я забыть о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».

Матери так возразил рассудительный сын Одиссеев:
«Мать моя, что ты мешаешь певцу в удовольствие наше
То воспевать, чем в душе он горит? Не певец в том виновен,—
Зевс тут виновен, который трудящимся тягостно людям
Каждому в душу влагает, что хочет. Нельзя раздражаться,
Раз воспевать пожелал он удел злополучный данайцев.
Больше всего восхищаются люди обычно такою
Песнью, которая им представляется самою новой.
Дух и сердце себе укроти и заставь себя слушать.
Не одному Одиссею домой не пришлось воротиться,
Множество также других не вернулось домой из-под Трои.
Лучше вернись-ка к себе и займися своими делами —
Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за дело
Также взялись. Говорить же — не женское дело, а дело
Мужа, всех больше — мое; у себя я один повелитель».
Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.
Сына разумное слово глубоко ей в душу проникло.
Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго
Об Одиссее она, о супруге любимом, покуда
Сладостным сном не покрыла ей веки богиня Афина.
А женихи в это время шумели в тенистом чертоге;
Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«О женихи Пенелопы, надменные, гордые люди!
Будем теперь пировать, наслаждаться. Шуметь перестаньте!
Так ведь приятно и сладко внимать песнопеньям прекрасным
Мужа такого, как этот,— по пению равного богу!
Завтра же утром сойдемся на площадь, откроем собранье,
Там я открыто пред целым народом скажу, чтобы тотчас
Дом мой очистили вы. А с пирами устройтесь иначе:
Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно,—
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион:
Все вы погибните здесь же, и пени за это не будет!»
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым словам удивлялись, которые вдруг услыхали.
Тотчас к нему Антиной обратился, рожденный Евпейтом:

«Сами, наверное, боги тебя, Телемах, обучают
Так беззастенчиво хвастать и так разговаривать нагло.
Зевс нас избави, чтоб стал ты в объятой волнами Итаке
Нашим царем, по рожденью уж право имея на это!»
И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:
«Ты на меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что:
Если бы это мне Зевс даровал, я конечно бы принял.
Или, по-твоему, нет ничего уже хуже, чем это?
Царствовать — дело совсем не плохое; скопляются скоро
В доме царевом богатства, и сам он в чести у народа.
Но между знатных ахейцев в объятой волнами Итаке
Множество есть и других, молодых или старых, которым
Власть бы могла перейти, раз царя Одиссея не стало.
Но у себя я один останусь хозяином дома,
Как и рабов, для меня Одиссеем царем приведенных!»
Начал тогда говорить Евримах, рожденный Полибом:
«О Телемах, это в лоне богов всемогущих сокрыто,
Кто из ахейцев царем на Итаке окажется нашей.
Все же, что здесь, то твое, и в дому своем сам ты хозяин.
Вряд ли найдется, пока обитаема будет Итака,
Кто-нибудь, кто бы дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте:
Кто этот гость и откуда? Отечеством землю какую
Славит? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о возврате отца твоего он явился
Или по собственной нужде приехал сюда, на Итаку?
Сразу исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться с нами.
На худородного он человека лицом не походит».
И, отвечая ему, Телемах рассудительный молвил:
«На возвращенье отца, Евримах, я надежд не имею.
Я ни вестям уж не верю, откуда-нибудь приходящим,
Ни прорицаньям внимать не желаю, к которым, сзывая
Разных гадателей в дом, без конца моя мать прибегает.
Путник же этот мне гость по отцу, он из Тафоса родом,**
Мент, называет себя Энхиала разумного сыном
С гордостью, сам же владыка он веслолюбивых тафосцев».
Так говорил Телемах, хоть и знал, что беседовал с богом.
Те же, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.
Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.
Встали тогда и пошли по домам, чтоб покою предаться.

Сын же царя Одиссея прекрасным двором в свой высокий
Двинулся спальный покой, кругом хорошо защищенный.
Думая в сердце о многом, туда он для сна отправлялся.
С факелом в каждой руке впереди его шла Евриклея,
Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора.
Куплей когда-то Лаэрт достояньем своим ее сделал
Юным подросточком, двадцать быков за нее заплативши,
И наравне с домовитой женой почитал ее в доме,
Но, чтоб жену не гневить, постели своей не делил с ней.
Шла она с факелом в каждой руке. Из невольниц любила
Всех она больше его и с детства его воспитала.
Двери открыл Телемах у искусно построенной спальни,
Сел на постель и, мягкий хитон через голову снявши,
Этот хитон свой старухе услужливой на руки кинул.
Та встряхнула хитон, по складкам искусно сложила
И на колок близ точеной постели повесила. После
Вышла старуха тихонько из спальни, серебряной ручкой
Дверь за собой притворила, засов ремнем притянувши.
Ночь напролет на постели, покрывшись овчиною мягкой,
Он размышлял о дороге, в которую зван был Афиной.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Рядом с прекрасным Тифоном в постели проснулася Эос
И поднялась, чтобы свет принести и бессмертным и смертным.
На совещание боги сошлись. Восседал между ними
Зевс высокогремящий, могуществом самый великий.
Им рассказала Афина про все Одиссеевы беды:
Сильно ее он тревожил своим пребываньем у нимфы.
«Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,
Если никто Одиссея не помнит в народе, которым
Он управлял и с которым был добр, как отец с сыновьями.
Много страданий терпя, на острове дальнем, в жилище
Нимфы Калипсо живет он. Она его держит насильно,
И невозможно ему в дорогую отчизну вернуться.
Нет у него многовеслых судов и товарищей верных,
Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.

Нынче же милого сына его умертвить замышляют**
При возвращеньи домой. В песчанистый Пилос и в светлый
Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать».
Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели,
Милая дочь! Не сама ль ты в рассудке своем порешила,
Как им всем Одиссей отомстит, воротившись в отчизну.
И проводи половчей Телемаха,— ты это ведь можешь,—
Чтобы вполне невредимым он прибыл в отцовскую землю,
А женихи бы вернулись назад, ничего не достигнув».
Так сказав, обратился он к милому сыну Гермесу:
«Ты и всегда ведь, Гермес, посланником служишь, так вот что:
Нимфе скажи пышнокосой про твердое наше решенье,
Чтоб возвращен был домой Одиссей боестойкий,— однако
Чтобы никто из богов иль людей ему спутником не был.
Морем, на крепком плоту, перенесши немало страданий,
В день двадцатый до Схерии он доплывет плодородной,
Где обитают феаки, родные бессмертным; и будет
Ими оказана почесть ему, как бессмертному богу.
На корабле отошлют его в милую землю родную,
Меди и золота дав ему кучи и кучи одежды,
Сколько б он ввек не привез из-под Трои, свою получивши
Долю добычи, когда бы домой невредимым вернулся.
Да! Суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную».
Так он сказал, и вожатый послушался Аргоубийца.
Тотчас к быстрым ногам привязал золотые подошвы
Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
Жезл захватил он, которым глаза усыпляет у смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся
И, миновав Пиерию, с эфира низринулся к морю.
Низко потом над волнами понесся крылатою чайкой,
Жадно хватающей рыб в провалах ревущего моря,
Смело во влаге соленой мочащей крепкие крылья.
Чайке подобный, понесся над сильно волнистым он морем.
После того как на остров далеко лежащий он прибыл,
Вышел на сушу Гермес с фиалково-темного моря.
Шел он, пока не достиг просторной пещеры, в которой
Пышноволосая нимфа жила. Ее там застал он.
На очаге ее пламя большое пылало, и запах
От легкоколкого кедра и благовоний горящих
Остров охватывал весь. С золотым челноком обходила

Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным.
Густо разросшийся лес окружал отовсюду пещеру,
Тополем черным темнея, ольхой, кипарисом душистым.
Между зеленых ветвей длиннокрылые птицы гнездились —
Копчики, совы, морские вороны с разинутым клювом.
Пищу они добывают себе на морском побережьи.
Возле пещеры самой виноградные многие лозы
Пышно росли, и на ветках тяжелые гроздья висели.
Светлую воду четыре источника рядом струили
Близко один от другого, туда и сюда разбегаясь.
Всюду на мягких лужайках цвели сельдерей и фиалки.
Если б на острове этом и бог появился бессмертный,
Он изумился бы, глядя, и был бы восторгом охвачен.
Стал в изумленьи на месте и Аргоубийца-вожатый.
После того как на все с изумленьем Гермес нагляделся,
В грот он пространный вошел. И как только на гостя взглянула
Нимфа, свет меж богинь, его она тотчас узнала:
Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разделяло пространство.
Но не застал он внутри Одиссея, отважного духом.
Он на скалистом обрыве сидел, как обычно, и плакал,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
В ярко блестящее кресло меж тем усадила Гермеса
Нимфа, свет меж богинь, и к нему обратилась с вопросом:
«Что это? Входит сюда Гермес златожезленный, в дом мой,
Чтимый всегда, дорогой! Ты не часто меня навещаешь!
Что тебе нужно, скажи: исполнить велит мое сердце,
Если исполнить могу и если исполнить возможно.
Милости просим, войди, чтоб могла тебя угостить я».
Так сказавши, поставила стол перед гостем богиня,
Полный амвросии; нектар ему замешала багряный.
Пил тут и ел, усевшись за стол, убийца Аргоса.
После того как поел и дух укрепил себе пищей,
С речью ответной такою к богине Гермес обратился:
«Бога, богиня, меня о приходе моем вопрошаешь.
Все я правдиво тебе сообщу: ведь сама мне велишь ты.
Зевс приказал мне явиться сюда, хоть сам не желал я.
Кто ж добровольно помчится по этакой шири бескрайной
Моря соленого, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтящего нас, приносящего нам гекатомбы!
Но невозможно веленье эгидодержавного Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь дерзновенно.

Он говорит, что находится здесь злополучнейший самый
Муж из героев, что девять годов осаждали упорно
Трою, в десятый же, город разрушив, отплыли в отчизну,
При возвращеньи, однако, они раздражили Афину;
Ветер зловредный и волны большие она им послала.
Все его спутники в море погибли, его самого же
К этому острову ветер принес и волны пригнали.
Этого мужа велит он тебе отослать поскорее,
Ибо ему не судьба в отдаленьи от близких погибнуть,
Но суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную».
Так он ответил. Калипсо, богиня богинь, ужаснулась
И со словами к нему окрыленными так обратилась:
«Как вы жестоки, о боги, как завистью всех превзошли вы!
Вы допускать не хотите, чтоб ложем законным богини
Соединялись с мужами, чтоб женами им они были.
Так розоперстая Эос себе избрала Ориона.
Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали, пока златотронной и чистою он Артемидой
Нежной стрелою внезапно в Ортигии не был застрелен.
Так с Язионом Деметра на трижды распаханной нови
Соединилась любовью и ложем, послушавшись сердца.
Очень недолго об этом в неведеньи Зевс оставался.
Молнией он Язиона убил ослепительно белой.
Так же и мне не даете вы, боги, остаться со смертным.
Я его в море спасла, когда одиноко сидел он
На опрокинутом киле. Корабль его молнией белой
Надвое Зевс расколол посреди винно-чермного моря.
Все остальные его товарищи в море погибли,
А самого его ветер и волны сюда вот пригнали.
Я любила его и кормила, надеялась твердо
Сделать бессмертным его и бесстаростным в вечные веки.
Так как, однако, нельзя повеленье великого Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь, то пускай же,
Раз того требует этот,— пускай в беспокойное море
Едет. Но спутников дать ему никаких не могу я:
Нет у меня многовеслых судов и товарищей верных,
Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.
Что ж до советов, охотно я дам их ему и не скрою,
Как ему невредимым вернуться в отцовскую землю».
Аргоубийца-вожатый на это богине ответил:
«Значит, его отпусти! Трепещи перед Зевсовым гневом.
Иначе тяжко тебе почувствовать гнев тот придется».

Аргоубийца могучий, сказав это ей, удалился.
Нимфа-владычица, только Зевесов приказ услыхала,
Тотчас направила шаг к Одиссею, отважному духом.
Он на обрыве над морем сидел, и из глаз непрерывно
Слезы лилися. В печали по родине капля за каплей
Сладкая жизнь уходила. Уж нимфа не нравилась больше.
Ночи, однако, в постели он с ней проводил поневоле
В гроте глубоком ее,— нежелавший с желавшею страстно.
Все же дни напролет на скалах и у моря сидел он,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
Близко свет меж богинь к нему подошла и сказала:
«Будет, злосчастный, тебе у меня горевать неутешно!
Не сокращай себе жизни. Охотно тебя отпускаю.
Вот что ты сделаешь: бревен больших нарубивши, в широкий
Плот их сколотишь, помост на плоту там устроишь высокий,
Чтобы нести тебя мог через мглисто-туманное море.
Я ж тебя хлебом, водою и красным вином на дорогу
Щедро снабжу, чтобы голод они от тебя отвращали.
В платье одену тебя и пошлю тебе ветер попутный,
Чтобы вполне невредимым ты прибыл в отцовскую землю,
Если того пожелают царящие в небе широком
Боги, которые выше меня и в решеньи и в деле».
Так говорила. И в ужас пришел Одиссей многостойкий.
Голос повысив, он к ней обратился со словом крылатым:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а что-то другое, богиня!
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный,
Радуясь Зевсову ветру, ее нелегко проплывает;
Раз ты сама не желаешь, на плот ни за что не взойду я,
Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,
Что никакого другого несчастия мне не замыслишь».
Так он сказал. И в ответ улыбнулась пресветлая нимфа,
Гладя рукою, его назвала и так говорила:
«Ну, и хитер же ты, милый, и тонко дела понимаешь,
Раз обратиться ко мне с такою надумался речью!
Пусть мне свидетели будут земля и широкое небо,
Стиксовы воды, подземно текущие,— клятва, ужасней
И нерушимей которой не знают блаженные боги,—
Что никакого другого несчастья тебе не замыслю,
Что о тебе непрерывно заботиться буду и думать,
Как о самой бы себе, если б это со мной приключилось.

Не лишено и мое справедливости сердце, и, право,
Дух в груди у меня не железный и ведает жалость».
Кончив, свет меж богинь пошла впереди Одиссея,
Быстро шагая, за нею же следом и он устремился.
В грот они оба глубокий вошли — богиня и смертный.
Он уселся на кресло, какое недавно оставил
Аргоубийца-вожатый, а нимфа пред ним разложила
Всякую пищу, какою питаются смертные люди.
Села сама пред равным богам Одиссеем, и нимфе
Подали в пищу служанки амвросию с нектаром сладким.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как питьем и едою вполне насладились,
Нимфа, свет меж богинь, начала говорить Одиссею:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Значит, теперь же, сейчас, ты желаешь домой воротиться
В землю родную... Ну, что ж! Пусть боги пошлют тебе радость!
Если бы сердцем, однако, ты ведал, какие напасти
До возвращенья домой перенесть суждено тебе роком,
Здесь бы вместе со мною ты в этом жилище остался,
Стал бы бессмертным! Но рвешься ты духом в родимую землю,
Чтобы супругу увидеть, по ней ты все время тоскуешь.
Право, могу похвалиться,— нисколько ни видом, ни ростом
Не уступлю я супруге твоей. Да и можно ль с богиней
Меряться женщине смертной земною своей красотою?»
Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю
Сам хорошо я, насколько жалка по сравненью с тобою
Ростом и видом своим разумная Пенелопея.
Смертна она — ни смерти, ни старости ты не подвластна.
Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно
Снова вернуться домой и день возвращенья увидеть:
Если же кто из бессмертных меня сокрушит в винно-чермном
Море, я вытерплю то отверделою в бедствиях грудью.
Много пришлось мне страдать, и много трудов перенес я
В море и в битвах. Пускай же случится со мною и это!»
Так говорил он. А солнце зашло, и сумрак спустился.
Оба в пещеру вошли, в уголок удалились укромный
И насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Тотчас плащ и хитон надел Одиссей богоравный,
Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,

Тонкое, мягкое,— пояс прекрасный на бедра надела
Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.
После того занялась отправкою в путь Одиссея.
Медный вручила топор, большой, по руке его точно
Сделанный, острый с обеих сторон, насаженный плотно
На топорище из гладкой оливы, прекрасное видом;
Также топор для тесанья дала и потом Одиссея
В дальнее место свела, где были большие деревья —
Черные тополи, ольхи, до неба высокие сосны —
Давний все сухостой, чтобы легки для плаванья были.
Место ему указавши, где были большие деревья,
Нимфа Калипсо, свет меж богинями, в дом воротилась.
Начал рубить он деревья. И быстро свершалося дело.
Двадцать стволов он свалил, очистил их острою медью,
Выскоблил гладко, потом уравнял, по шнуру обтесавши.
Нимфа Калипсо меж тем бурав принесла Одиссею.
Бревна он все просверлил и приладил одно ко другому,
Брусьями бревна скрепил и клинья забил между ними.
Точно такого размера, какого обычно готовит
Дно корабля грузового кораблестроитель искусный,—
Сделал такой ширины свой плот Одиссей многоумный.
После того над плотом помост он устроил, уставив
Часто подпорки и длинные доски на них постеливши.
Мачту в средине поставил, искусно к ней рею привесил,
Чтобы плотом управлять, и руль к нему крепкий приладил.
Сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев,
Чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал.
Нимфа, свет меж богинь, холста принесла, чтобы сделать
Парус на плот. Одиссей изготовил прекрасно и это.
К парусу брасы потом подвязал, и фалы, и шкоты,
Плот потом рычагами спустил на священное море.
День четвертый пришел, и кончено было с работой.
В пятый день Одиссея отправила нимфа в дорогу,
Платьем одевши его благовонным и вымывши в ванне.
Мех один ему с черным вином на плот положила,
Больших размеров другой — с водою, в мешке же из кожи —
Хлеба, а также в большом изобильи различных припасов.
Ветер попутный послала ему, не вредящий и мягкий.
С радостным духом он ветру свой парус подставил и поплыл.
Сидя на крепком плоту, искусной рукою все время
Правил рулем он, и сон на веки ему не спускался.
Зорко Плеяд наблюдал он и поздний заход Волопаса,

Также Медведицу — ту, что еще называют Повозкой.
Ходит по небу она, и украдкой следит Ориона,
И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.
С нею Калипсо, свет меж богинь, Одиссею велела
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Целых семнадцать уж дней он по морю путь совершал свой.
На восемнадцатый день показались тенистые горы
Края феаков, совсем невдали от пловца. Походили
В море мглисто-туманном на щит боевой эти горы.
От эфиопов меж тем возвращался Земли Колебатель.
Издалека уж, с Солимских он гор заприметил, как море
Переплывал Одиссей. Сильней он разгневался сердцем
И, покачав головой, обратился с такой к себе речью:
«Что это значит? Ужели решили насчет Одиссея
Боги иначе, как только в страну эфиопов я отбыл?
Он уже близок к земле феакийской, где должен избегнуть
Крепкой петли тех несчастий, которые терпит все время.
Но еще досыта горя надеюсь ему я доставить».
Быстро он тучи собрал и море до дна взбудоражил,
В руки трезубец схватив. И разом воздвигнул порывы
Самых различных ветров и тучами землю и море
Густо окутал. Глубокая ночь ниспустилася с неба,
Евр столкнулись и Нот, огромные волны вздымая,
И проясняющий небо Борей, и Зефир быстровейный.
У Одиссея расслабли колени и милое сердце,
В сильном волненьи сказал своему он отважному духу:
«Горе, несчастному мне! О, чем же все кончится это?
Страшно боюсь я, что всю сообщила мне правду богиня,
Мне предсказавши, что множество бед претерплю я на море,
Прежде чем дома достигну. И все исполняется нынче.
Сколькими тучами вдруг обложил беспредельное небо
Зевс! Возмутил он все море, сшибаются яро друг с другом
Вихри ветров всевозможных. Моя неизбежна погибель!
Трижды блаженны данайцы — четырежды! — те, что в пространном
Крае троянском нашли себе смерть, угождая Атридам!
Лучше бы мне умереть и судьбу неизбежную встретить
Было в тот день, как в меня неисчетные толпы троянцев**
Сыпали медные копья над трупом Пелеева сына!
С честью б я был погребен, и была б от ахейцев мне слава.

Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне
погибнуть».
Так говорил он. Внезапно волна исполинская сверху
С страшным обрушилась шумом на плот и его закрутила.
Сам он далеко упал от плота, из руки ослабевшей
Выпустив руль. Пополам разломилась на самой средине
Мачта от страшного вихря различных сшибавшихся
ветров.
В море далеко снесло и помост и разорванный парус.
Сам Одиссей под водой очутился. Мешал ему сильно
Вынырнуть тотчас напор вздымавшихся волн исполинских.
Сильно одежда мешала, ему подаренная нимфой.
Вынырнул он наконец из пучины, плюясь непрерывно
Горько-соленой водою, с его головы нистекавшей.
Как ему ни было трудно, но все ж о плоте не забыл он.
Вплавь через волны за ним погнался, за него ухватился
И в середине уселся плота, убегая от смерти.
Плот волна и туда и сюда по теченью носила.
Так же, как северный ветер осенний гоняет равниной
Стебли колючие трав, сцепившихся крепко друг с другом, —
Так же и плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.
Кадмова дочь Левкотея, прекраснолодыжная Ино,**
Тут увидала его. Сначала была она смертной,
Нынче же в безднах морских удостоилась божеской чести.
Стало ей жаль Одиссея, как, мучась, средь волн он
носился.
Схожая лётом с нырком, с поверхности моря вспорхнула,
Села на плот к Одиссею и слово такое сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так
ужасно
Зол на тебя, что так много несчастий тебе посылает?
Но совершенно тебя не погубит он, как ни желал бы.
Вот как теперь поступи — мне не кажешься ты неразумным.
Скинувши эту одежду, свой плот предоставь произволу
Ветров, и, бросившись в волны, работая крепко руками,
Вплавь доберися до края феаков, где будет спасенье.
На! Расстели на груди покрывало нетленное это.
Можешь с ним не бояться страданье принять иль погибнуть.
Только, однако, руками за твердую схватишься землю,
Тотчас сними покрывало и брось в винно-чермное море,
Сколько возможно далеко, а сам отвернися при этом».
Так сказавши, ему отдала покрывало богиня
И погрузилась обратно в волнами кипевшее море,

Схожая видом с нырком. И волна ее черная скрыла.
Начал тогда размышлять про себя Одиссей многостойкий.
Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
«Горе мне! Очень боюсь я, не ткет ли мне новую хитрость
Кто из бессмертных богов, мне советуя плот мой оставить.
Нет, не послушаюсь я! Еще далеко, я заметил,
Берег земли, где, сказала она, мне прибежище будет.
Дай-ка, я так поступлю,— и будет всего это лучше:
Время, пока еще крепко в плоту моем держатся бревна,
Буду на нем оставаться и все выносить терпеливо.
После того же как волны свирепые плот мой разрушат,
Вплавь я пущусь: ничего уж тогда не придумаешь лучше!»
Но между тем как и сердцем и духом об этом он думал,
Поднял большую волну Посейдаон, земли колебатель,
Страшную, с верхом нависшим, и в плот Одиссея ударил.
Так же, как вихрь, налетевший на кучу сухую соломы,
В разные стороны мигом разносит по воздуху стебли,
Так весь плот раскидала волна. За бревно уцепившись,
Как на коня скакового, верхом на него он уселся.
Скинул одежду с себя, что ему подарила Калипсо,
Грудь себе быстро одел покрывалом богини и, руки
Вытянув, вниз головой в бушевавшее кинулся море,
Плыть собираясь. Увидел его Земледержец-владыка,
И головою повел, и сказал про себя, усмехаясь:
«Плавай теперь, настрадавшись, по бурному морю, покуда
К людям, питомцам Зевеса, в конце ты концов не прибудешь.
Тем, что случилось, и так не останешься ты недоволен!»
Так он сказал и, хлестнувши бичом лошадей длинногривых,
В Эги вернулся к себе, где дворец у него знаменитый.
Новая мысль тут пришла Афине, рожденной Зевесом.
Загородила богиня дороги ветрам бушевавшим,
Всем приказала им дуть перестать и спокойно улечься,
Только Борея воздвигла. И спереди срезала волны,
Чтоб наконец Одиссей, от богов происшедший, достигнул
Весполюбивых феаков, и Кер избежавши и смерти.
Долго, два дня и две ночи, по сильной волне он носился,
Сердцем смущенным не раз пред собою уж видя погибель.
Третий день привела за собой пышнокосая Эос.

Ветер тогда прекратился, и море безветренной гладью
Пред Одиссем простерлось. Высоко взнесенный волною,
Зорко вперед заглянул он и землю вблизи вдруг увидел.
С радостью точно такою, с какою относятся дети
К выздоровленью отца, который в тяжелой болезни,
Богом враждебным сраженный, лежал и чах все сильнее,
После же боги, на радость им всем, исцеляют больного,—
Радость такую же вызвали лес и земля в Одиссее.
Поплыл быстрей он, ступить торопяся на твердую землю.
Столько, однако, проплывши, за сколько кричащего мужа
Можно услышать, он шум услыхал у прибрежных утесов.
Волны прибоя кипели, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь был он облит соленою пеной.
Не было заводи там — защиты судов — иль залива,
Всюду лишь кручи виднелись, суровые скалы и рифы.
У Одиссея ослабли колени и милое сердце.
В сильном волненьи сказал своему он отважному духу:
«Горе великое! Дал мне увидеть нежданную землю
Зевс, переплыл невредимо я эту пучину морскую,
Но никакого мне выхода нет из моря седого.
Острые скалы повсюду. Бушуют вокруг, расшибаясь,
Волны, и гладкой стеной возвышается берег высокий.
Море у берега очень глубоко; никак невозможно
Дна в нем ногами достать и гибели грозной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то волны, меня подхвативши,
Бросят на твердый утес, и окажется тщетной попытка.
Если ж вдоль берега я поплыву и найти попытаюсь
Где-нибудь тихую заводь морскую иль берег отлогий,—
Сильно боюсь я, чтоб буря, внезапно меня подхвативши,**
Не унесла в многорыбное море, стенящего тяжко,
Иль чтоб не выслало мне божество одного из огромных
Чудищ из моря, питаемых в нем Амфитритою славной.
Знаю ведь я, как сердит на меня Посейдон-земледержец».
Но между тем как рассудком и духом он так колебался,
Вдруг понесен был огромной волной он на берег скалистый.
Кожу бы всю там содрал он и кости себе раздробил бы,
Если бы вот чего в сердце ему не вложила Афина:
Прыгнув, рукам обеими он за скалу ухватился.
Там он со стоном висел, покамест волна не промчалась.
Так он ее избежал. Но вдруг, отразившись обратно,
Снова его она сшибла, далеко отбросивши в море.
Если полипа морского из домика силою вырвать,
Видно на щупальцах много приставших к ним камней мельчайших;

Так же и к твердому камню утеса пристала вся кожа
С рук Одиссея. Его же волна с головою покрыла.
Тут бы, судьбе вопреки, и погиб Одиссей несчастливый,
Если б присутствия духа в него не вложила Афина.
Вынырнув вбок из ревущей волны, набегавшей на скалы,
Поплыл вдоль берега он и на землю глядел, не найдется ль
Где-нибудь тихая заводь морская иль берег отлогий.
Вдруг, плывя, добрался он до устья реки светлоструйной.
Самым удобным то место ему показалось: свободно
Было оно и от скал и давало защиту от ветра.
Сразу узнал он впаденье потока и духом взмолился:
«Кто бы ты ни был, владыка, внемли мне! Молюсь тебе жарко,
От Посейдоновых страшных угроз убегая из моря.
Даже в глазах у бессмертных достоин почтения странник,
Их о защите молящий,— вот так, как теперь, пострадавший,
Я к теченьям твоим и коленям твоим припадаю!
Сжалься, владыка! Горжусь, что тебя о защите молю я!»
Тотчас теченье поток прекратил и волну успокоил.
Гладкою сделал поверхность пред ним и спас его этим
Около устья реки. Подкосились колени и руки
У Одиссея. Совсем его бурное море смирило.
Все его тело распухло; морская вода через ноздри
И через рот вытекала, а он без сознанья, безгласный
И бездыханный лежал: в усталости был он безмерной.
После того как очнулся, и дух в его сердце собрался,
Прежде всего отвязал он с себя покрывало богини
И покрывало пустил по реке, впадающей в море.
Быстро оно на волнах понеслось по теченью, и в руки
Ино его приняла. И выбрался он из потока,
Лег в тростнике и к земле плодоносной припал поцелуем.
Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
«Что ж это будет со мной? И чем все кончится это?
Если возле реки тревожную ночь проведу я,
Сгибну я здесь, укрощенный холодной росою и вредным
Инеем: обморок сделал совсем нечувствительным дух мой.
Воздухом веет холодным с реки с приближением утра.
Если ж на холм я взойду и в этой вон роще тенистой
В частых лягу кустах, и прозяблость меня и усталость
Там покинут, и сон усладительный мной овладеет,—
Как бы, боюсь я, не стать для зверей мне добычей и пищей!»
Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
К роще направил свой путь. Она на пригорке открытом
Близко лежала от речки; пробрался под куст он двойной там

Сросшихся крепко друг с другом олив — благородной и дикой.
Не продувала их сила сырая бушующих ветров,
Не пробивало лучами палящими яркое солнце,
Не проникал даже до низу дождь, до того они густо
Между собою ветвями сплелись. Одиссей погрузился
В эти кусты и под ними нагреб себе тотчас руками
Мягкое ложе из листьев опавших, которых такая
Груда была, что и двое и трое б могли в ней укрыться
В зимнюю пору, какою суровой она ни была бы.
В радость пришел, увидавши ее, Одиссей многостойкий.
Листья он в кучу нагреб и сам в середину забрался.
Так же как в черную золу пастух головню зарывает
В поле далеком, где нет никого из людей по соседству,
Семя спасая огня, чтоб огня не просить у другого.
В листья так Одиссей закопался. Паллада Афина
Сон на него излила, чтоб его от усталости тяжкой
Освободил он скорей, покрыв ему милые веки.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

(После длительных странствий Одиссей и его спутники прибывают на остров богини Кирки (Цирцеи). В «Одиссее» она изображается как волшебница, обратившая спутников Одиссея в свиней. Лишь с помощью Гермеса Одиссей смог заставить Кирку вернуть им всем человеческий облик. Год провел Одиссей в гостях у богини, а затем попросил помочь ему и его товарищам вернуться домой.— *И. Ш.)*

* * *

Я же, к Цирцее взойдя на прекрасное ложе, колени
Обнял ее и молил. И слух преклонила богиня.
Так со словами крылатыми я обратился к Цирцее:
— Данное мне обещанье исполни, Цирцея,— в отчизну
Нас отошли. Уже рвуся я духом домой возвратиться,
Как и товарищи все, которые сердце мне губят,
Тяжко горюя вокруг, как только ты прочь удалишься.—
Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!

Нет, пусть никто против воли в моем не останется доме.
Раньше, однако, другую дорогу свершить вам придется,—
Съездить в жилище Аида и Персефонеи ужасной.
Должен ты там вопросить Тиресия Фивского душу,—
Старца слепого, провидца, которого ум сохранился.
Разум удержан ему Персефоной и мертвому. Души
Прочих умерших порхают в жилище Аида, как тени.—
Так сказала — и мне мое милое сердце разбила.
Плакал я, сидя в постели, и сердце мое не желало
Больше жить на земле и видеть сияние солнца.
Долго в постели катался и плакал я. Этим насытясь,
Я, отвечая Цирцее, такое ей слово промолвил:
— Кто же меня, о Цирцея, проводит такою дорогой?
Не достигал еще царства Аида корабль ни единый.—
Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!
Не беспокойся о том, кто вас через море проводит.
Мачту только поставь, распусти паруса и спокойно
Можешь сидеть. Дуновенье Борея корабль понесет ваш.
Переплывешь наконец теченья реки Океана.
Берег там низкий увидишь, на нем Персефонина роща
Из тополей чернолистных и ветел, теряющих семя.
Близ Океана глубокопучинного судно оставив,
Сам ты к затхлому царству Аидову шаг свой направишь.
Там впадает Пирифлегетон в Ахеронтовы воды
Вместе с Коцитом, а он рукавом ведь является Стикса.
Соединяются возле скалы два ревущих потока.
Слушай с вниманьем: как только туда ты, герой, доберешься,
Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиною,
И на краю ее всем мертвецам соверши возлиянье —
Раньше медовым напитком, потом вином медосладким
И напоследок — водой. И ячной посыпь все мукою.
Главам бессильным умерших мольбу принеси с обещаньем,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принесть им и много в костер драгоценностей бросить.
Старцу ж Тиресию — в жертву принесть одному лишь, отдельно,
Черного сплошь, наиболе прекрасного в стаде барана.
Славное племя умерших молитвой почтивши, овцу ты
Черную вместе с бараном над ямою в жертву зарежь им,
Поворотив их к Эребу и в сторону сам отвернувшись

По направленью к теченьям реки Океана. Тотчас же
Множество явится душ мертвецов, распрощавшихся с жизнью.
Ты немедля тогда товарищам дай приказанье,
Чтобы тот скот, что лежит там, зарезанный гибельной медью,
Шкуры содравши, сожгли и молитвы свои вознесли бы
Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.
Сам же вытащи меч медноострый и, севши у ямы,
Не позволяй ни одной из бессильных теней приближаться
К крови, покуда ответа не даст на вопросы Тиресий.
Явится он пред тобой, повелитель народов, немедля.
Все он тебе про дорогу расскажет, и будет ли долог
Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю.—
Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.
Плащ мне Цирцея тогда подала и хитон, чтоб одеться.
Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,
Тонкое, мягкое,— пояс прекрасный на бедра надела,
Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.
Встал я, пошел через дом и начал товарищей спящих
Мягко будить ото сна, становясь возле каждого мужа:
— Будет храпеть вам, друзья, сладчайшему сну отдаваясь!
В путь нам пора. Мне Цирцея царица дала указанья! —
Так им сказал я. И духом отважным они подчинились.
Но и оттуда не всех невредимыми вывести смог я.
Юноша был на моем корабле, Ельпенор, не чрезмерно
Храбрый в бою и умом средь других выдававшийся мало.
Сильно подвыпивши, он, удалясь от других, для прохлады
Спать улегся на крыше священного дома Цирцеи.
Сборы услышав в дорогу, товарищей говор и крики,
На ноги он ошалело вскочил, позабывши, что должно
Было назад ему, к спуску на лестницу, шаг свой направить;
Он же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.
После того как из дома товарищи вышли, сказал я:
— Вы полагаете, ехать отсюда домой нам придется,
В землю родную? Цирцея другой предназначила путь нам:
Едем мы в царство Аида и Персефонеи ужасной.
Душу должны вопросить мы Тиресия, фивского старца.—
Так я сказал. И разбилось у спутников милое сердце.
Сели на землю они, и рыдали, и волосы рвали.
Не получили, однако, от слез проливаемых пользы.

Тою порою, как шли к кораблю мы и к берегу моря
С тяжкой печалью на сердце, роняя обильные слезы,
Пред кораблем нашим черным внезапно явилась Цирцея
И близ него привязала барана и черную овцу,
Мимо легко, незаметно пройдя. Если бог не желает,
Кто его может увидеть глазами, куда б ни пошел он?

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

После того как пришли к кораблю мы и к берегу моря,
Прежде всего мы корабль на священное море спустили,
Мачту потом с парусами в корабль уложили наш черный,
Также овцу погрузили с бараном, поднялись и сами**
С тяжкой печалью на сердце, роняя обильные слезы.
Был вослед кораблю черноносому ветер попутный,
Парус вздувающий, добрый товарищ, нам послан Цирцеей
В косах прекрасных, богиней ужасною с речью людскою.
Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы
Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Мы наконец Океан переплыли глубоко текущий.
Там страна и город мужей киммерийских. Всегдашний
Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце
Не освещает лучами людей, населяющих край тот,
Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо,
Или спускается с неба, к земле направляясь обратно.
Ночь зловещая племя бессчастных людей окружает.
К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана,
Двинулись вдоль по теченью реки Океана, покуда
К месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея.
Жертвенный скот я держать Тримеду велел с Еврилохом,
Сам же, медный отточенный меч свой извлекши из ножен,
Выкопал яму. Была шириной и длиной она в локоть.
Всем мертвецам возлиянье свершил я над этою ямой —
Раньше медовым напитком, потом — вином медосладким
И напоследок — водой. И ячной посыпал мукою.
Главам бессильных умерших молитву вознес я с обетом,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принесть им и много в костер драгоценностей бросить,

Старцу ж Тиресию — в жертву принесть одному лишь, отдельно,
Черного сплошь, наиболе прекрасного в стаде барана.
Давши обет и почтивши молитвами племя умерших,
Взял я барана с овцой и над самою ямой зарезал.
Черная кровь полилась. Покинувши недра Эреба,
К яме слетелися души людей, распрощавшихся с жизнью.
Женщины, юноши, старцы, немало видавшие горя,
Нежные девушки, горе познавшие только впервые,
Множество павших в жестоких сраженьях мужей, в нанесенных
Острыми копьями ранах, в пробитых кровавых доспехах.
Все это множество мертвых слеталось на кровь отовсюду
С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас. Тотчас же
Я приказание бывшим со мною товарищам отдал,
Чтоб со скота, что лежал зарезанный гибельной медью,
Шкуры содрали, а туши сожгли, и молились бы жарко
Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.
Сам же я, вытащив меч медноострый и севши у ямы,
Не позволял ни одной из бессильных теней приближаться
К крови, покуда ответа не дал на вопросы Тиресий.
    Первой душа Ельпенора-товарища к яме явилась.
Не был еще похоронен в земле он широкодорожной:
Тело оставили мы неоплаканным, непогребенным
Там у Цирцеи в дому: тогда не до этого было.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.
Я, обратившись к нему, слова окрыленные молвил:
    — Как ты успел, Ельпенор, сойти в этот сумрак подземный?
Пеший, скорее ты прибыл, чем я в корабле моем черном.—
    Так я сказал. И прорвавшись рыданьями, он мне ответил:
    — Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Божеской злою судьбой и чрезмерным вином я погублен.
Спавши на крыше Цирцеи, совсем позабыл я, что должно
Было обратно мне, к спуску на лестницу, шаг свой направить.
Я же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.
Ради тех, кто отсутствует здесь, кто дома остался,
Ради отца твоего, что вскормил тебя, ради супруги,
Ради сына, который один в твоем доме остался!
Знаю ведь я, что отсюда, из дома Аида, уехав,

Прочный корабль ты обратно на остров Ээю направишь.
Вспомни же там обо мне, умоляю тебя, повелитель!
Не оставляй меня там неоплаканным, непогребенным,
В путь отравляясь домой,— чтобы божьего гнева не вызвать.
Труп мой с доспехами вместе, прошу я, предайте сожженью,
Холм надо мною насыпьте могильный близ моря седого,
Чтоб говорил он и дальним потомкам о муже бессчастном.
Просьбу исполни мою и весло водрузи над могилой
То, которым живой я греб средь товарищей милых.—
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Все, несчастливец, о чем попросил ты, свершу и исполню.—
Меч протянув обнаженный над ямой, кровь охранял я,
Призрак же все продолжал говорить, за ямою стоя.
Вдруг ко мне подошла душа Антиклеи умершей,
Матери милой моей, Автоликом отважным рожденной.
В Трою в поход отправляясь, ее я оставил живою.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз покатились.
Все же, хотя и скорбя, ей первой приблизиться к крови
Я не позволил, покамест Тиресий не дал мне ответа.
В это время душа Тиресия старца явилась,
Скипетр держа золотой; узнала меня и сказала:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
О несчастливец, зачем ты сияние солнца покинул,
Чтобы печальную эту страну и умерших увидеть?
Но отойди же от ямы, свой меч отложи отточенный,
Чтобы мне крови напиться и всю тебе правду поведать.—
Так говорил он. И в ножны вложивши свой меч среброгвоздный,
В сторону я отошел. Когда безупречный провидец
Черной крови напился, такие слова мне сказал он:
— О возвращении сладком домой, Одиссей, ты мечтаешь.**
Трудным тебе его сделает бог. Забыть он не может,
Что причинил ты ему, и гневом пылает жестоким,
Злобясь, что милого сына его ослепил ты. Однако
Даже при этом, хоть много страдавши, домой вы вернетесь,
Если себя и товарищей ты обуздаешь в то время,
Как, переплыв на своем корабле винно-чермное море,
К острову ты Тринакрии пристанешь и, выйдя на сушу,**
На поле жирных увидишь овец и коров Гелиоса,
Светлого бога, который все видит на свете, все слышит.
Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,
Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.

Если же тронешь стада — и тебе предвещаю я гибель,
И кораблю, и товарищам всем. Ты смерти избегнешь,
Но после многих лишь бед, потерявши товарищей, в дом свой
Поздно в чужом корабле вернешься и встретишь там горе:
Буйных мужей, добро у тебя расточающих нагло;
Сватают в жены они Пенелопу, сулят ей подарки.
Ты, воротившись домой, за насилия их отомстишь им.
После того как в дому у себя женихов перебьешь ты
Гибельной медью, — открыто иль хитростью, — снова отправься
Странствовать, выбрав весло по руке, и странствуй, доколе
В край не прибудешь к мужам, которые моря не знают,
Пищи своей никогда не солят, никогда не видали
Пурпурнощеких судов, не видали и сделанных прочно
Весел, которые в море судам нашим крыльями служат.
Признак тебе сообщу я надежнейший, он не обманет:
Если путник другой, с тобой повстречавшийся, скажет,
Что на блестящем плече ты лопату для веянья держишь, —
Тут же в землю воткни весло свое прочной работы,
И кабана, что свиней покрывает, быка и барана
Жертвой прекрасной зарежь колебателю недр Посейдону, —
И возвращайся домой, и святые сверши гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким,
Всем по порядку. Тогда не средь волн разъяренного моря
Тихо смерть на тебя низойдет. И, настигнутый ею,
В старости светлой спокойно умрешь, окруженный всеобщим
Счастьем народов твоих. Все сбудется так, как сказал я. —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Жребий этот, Тиресий, мне сами назначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Вижу я тут пред собою скончавшейся матери душу.
Молча она возле крови сидит и как будто не смеет
Сыну в лицо посмотреть и завесть разговор с ним. Скажи же,
Как это сделать, владыка, чтоб мать моя сына узнала? —
Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:
— Легкое слово тебе я скажу, и его ты запомни.
Тот из простившихся с жизнью умерших, кому ты позволишь
К крови приблизиться, станет рассказывать все, что ни спросишь,
Тот же, кому подойти запретишь, удалится обратно. —
Так мне сказала душа владыки Тиресия старца
И, прорицание дав, удалилась в обитель Аида.
Я же на месте остался у ямы и ждал, чтобы к черной
Крови приблизилась мать и испила ее. Напилася
Крови она и печально ко мне обратилася с речью:

— Сын мой, как ты добрался сюда, в этот сумрак подземный,
Будучи жив? Нелегко живому все это увидеть.
Реки меж вами и нами велики, теченья ужасны,
Прежде всего — Океан; чрез него перебраться не может
Пеший никак, если прочного он корабля не имеет.
Или из Трои теперь лишь, так долго в морях проскитавшись,
Прибыл сюда ты с своими людьми и судном? Неужели
Ты еще не был в Итаке, жены своей, дома не видел? —
Так говорила она. И, ей отвечая, сказал я:
— Милая мать, приведен я в обитель Аида нуждою.
Мне вопросить надо было Тиресия Фивского душу.
Не приближался еще я к ахейской стране, на родную
Землю свою не ступал. Все время в страданьях скитаюсь
С самой поры, как повел Агамемнон божественный всех нас
В конебогатую Трою сражаться с сынами троянцев.
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:
Что за Кера тебя всех печалящей смерти смирила?
Долгой болезнью ль была ты настигнута, иль Артемида
Нежной стрелою своею, приблизясь, тебя умертвила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною,
Всё ли в руках их находится власть иль теперь обладает
Ею другой уж, и думают все, что домой не вернусь я?
О настроеньях и мыслях законной жены расскажи мне:
Дома ль она остается близ сына и все охраняет
Или на ней уж ахеец какой-нибудь знатный женился? —
Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:
— Держится стойко и твердо супруга твоя Пенелопа
В доме твоем. В бесконечной печали, в слезах непрерывных
Долгие дни она там и бессонные ночи проводит.
Не перешел ни к кому еще сан твой прекрасный. Спокойно
Сын твой владеет уделом своим, принимает участье
В пиршествах общих, как мужу, творящему суд, подобает.
Все приглашают его. Отец же твой больше не ходит
В город, в деревне живет у себя. Ни хорошей кровати,
Ни одеяла старик не имеет, ни мягких подушек.
В зимнюю пору он в доме ночует с рабами своими
В тепле, вблизи очага, покрывшись убогой одеждой.
В теплую ж пору, как лето придет иль цветущая осень,
Он в виноградном саду, где попало, на склоне отлогом
Кучу листьев опавших себе нагребет для постели,—
Там и лежит. И вздыхает, печали своей отдаваясь,
Все ожидая тебя. Безотрадно он старость проводит.
Так же и я вот погибла, и час поразил меня смертный.
Но не в доме моем Артемида, стрелок дальнозоркий,

Нежной стрелою своей, подошедши, меня умертвила.
Не от болезни я также погибла, которая часто,
Силы людей истощая, из членов их дух изгоняет.
Нет, тоска по тебе, твой разум и мягкая кротость
Отняли сладостный дух у меня, Одиссей благородный! —
Так говорила. Раздумался я, и пришло мне желанье
Душу руками обнять скончавшейся матери милой.
Трижды бросался я к ней, обнять порываясь руками.
Трижды она от меня ускользала, подобная тени
Иль сновиденью. И все становилось острей мое горе.
Громко позвал я ее и слова окрыленные молвил:
— Мать, что бежишь ты, как только тебя я схватить собираюсь,
Чтоб и в жилище Аида, обнявши друг друга руками,
Оба с тобою могли насладиться мы горестным плачем?
Иль это призрак послала преславная Персефонея
Лишь для того, чтоб мое усугубить великое горе? —
Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:
— Сын дорогой мой, меж всеми людьми наиболе несчастный!
Зевсова дочь Персефона тебя обмануть не желает.
Но такова уж судьба всех смертных, какой бы ни умер:
В нем сухожильями больше не связано мясо с костями;
Все пожирает горящего пламени мощная сила,
Только лишь белые кости покинутся духом; душа же,
Вылетев, как сновиденье, туда и сюда запорхает.
Но постарайся вернуться на свет поскорее и помни,
Что я сказала, чтоб все рассказать при свиданьи супруге. —
Так мы беседу вели. Предо мною явились внезапно
Женщины. Выслала их Персефона преславная. Были
Жены и дочери это давно уж умерших героев.
К яме они подбежали и черную кровь обступили.
Я же раздумывал, как бы мне всех расспросить их отдельно.
Вот наилучшим какое решение мне показалось:
Вынув из ножен с бедра мускулистого меч медноострый,
Я не позволил им к крови приблизиться всею толпою.
Поочередно они подходили и все о потомстве
Мне сообщали своем. Я расспрашивал их по порядку.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро**
И про себя рассказала, что на свет она родилася
От Салмонея, сама же — жена Эолида Крефея.
Страсть зародил Енипей в ней божественный, самый прекрасный
Между потоков других, по земле свои воды струящих.
Часто она приходила к прекрасным струям Енипея.

Образ принявши его, Земледержец, Земли Колебатель,
В устьи потока того, водоворотью богатого, лег с ней.
Воды пурпурные их обступили горой и, нависши
Сводом над ними, и бога и смертную женщину скрыли.
Девушку в сон погрузив, развязал он ей девственный пояс.
После того как свое вожделенье на ней утолил он,
Бог ее за руку взял, и по имени назвал, и молвил:
— Радуйся, женщина, нашей любви! По прошествии года
Славных родишь ты детей, ибо ложе бессмертного бога
Быть не может бесплодным. А ты воспитай и вскорми их.
В дом свой теперь воротись, но смотри, называть опасайся
Имя мое! Пред тобой Посейдон, сотрясающий землю.—
Так сказав, погрузился в волнами кипевшее море.
Пелия Тиро, зачавши, на свет родила и Нелея.
Сделались оба они слугами могучими Зевса.
Пилос песчаный достался Нелею. Богатый стадами
Пелий Иолком владел, хоровыми площадками славным.
Кроме того, родила царица средь жен и Крефею,
Амифаона, бойца с колесницы, Эсона, Ферета.
После нее Антиопу увидел я, дочерь Асопа.
Мне хвалилась она, что объятия Зевса познала
И родила ему двух сыновей, Амфиона и Зефа.
Первые были они основатели Фив семивратных
И обнесли их стеной: хоть, могучие, жить без прикрытья
В Фивах они не могли, хоровыми площадками славных.
Амфитрионову после жену я увидел Алкмену.
Ею Геракл был рожден дерзновеннейший, львиное сердце,
После того как с Зевесом она сочеталась в объятьях.
Дочь Креонта бесстрашного с ней я увидел, Мегару.
Мужем был ей Геракл, могучестью всех превзошедший.
После того Епикасту, прекрасную матерь Эдипа,**
Видел я. Страшное дело она по незнанью свершила:
Вышла замуж за сына. Отца умертвил он и в жены
Мать свою взял. Но тотчас же об этом людей повестили
Боги. Но все ж, и страданья терпя, в возлюбленных Фивах
Царствовать он продолжал губительным божьим решеньем.
Мать же в обитель Аида-привратника, мощного бога,
Собственной волей сошла, на балке повесившись в петле,
Взятая горем. Ему же оставила беды, какие
От материнских Эринний в обильи людей постигают.
Также Хлориду прекрасную там я увидел. Когда-то
За красоту ее взял себе в жены Нелей, заплативши
Выкуп несчетный. Была она младшая дочь Амфиона,
Сына Иасия; царствовал он в Орхомене минийском.

В Пилосе ставши царицей, детей родила она славных —
Нестора, Хромия, Периклимена, бесстрашного в битвах.
Мощную также Перо родила она, диво меж смертных.
Сватались к ней все соседи. Однако Нелей соглашался
Только тому ее дать, кто сумеет угнать из Филаки
Стадо коров круторогих Ификла, славного силой.
Трудно их было угнать. Лишь один безупречный гадатель**
Их обещался добыть. Но настигла его при попытке
Злая судьба божества — пастухи и тяжелые узы.
Месяц один за другим протекал, и дни убегали,
Год свой круг совершил, и снова весна воротилась.
Тут на свободу его отпустила Ификлова сила:
Все он ему предсказал, и решение Зевса свершилось.
После того я и Леду увидел, жену Тиндарея.
От Тиндарея у ней родилися два сына могучих —
Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевком.
Оба землею они жизнедарною взяты живыми
И под землею от Зевса великого почесть имеют:
День они оба живут и на день потом умирают.
Честь наравне им с богами обоим досталась на долю.
Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел.
Мне рассказала она, что сошлась с Посейдоном-владыкой.
Два у ней сына на свет родились — кратковечные оба,—
Славный везде Эфиальт и От, на бессмертных похожий.
Щедрая почва обоих вскормила высокими ростом.
Славному лишь Ориону они в красоте уступали.
Только девять им минуло лет — шириной они были
В девять локтей, в вышину ж девяти саженей достигали.
Даже бессмертным богам грозили они дерзновенно
Весь заполнить Олимп суматохой войны многобурной.
Оссу они на Олимп взгромоздить собирались, шумящий
Лесом густым Пелион — на Оссу, чтоб неба достигнуть.
Если б успели они возмужать, то и сделали б это.
Но умертвил их обоих рожденный Лето пышнокудрой
Зевсов сын до того, как зацвел под висками у братьев
Легкий пушок, подбородки же их волосами покрылись.
Федру, Прокриду прекрасную я увидал, Ариадну,**
Дочь козводея Миноса, которую с Крита когда-то
Вез с собою Тезей на священный акрополь афинский.
Но не успел насладиться — убила ее Артемида
По обвиненью ее Дионисом на острове Дие.**
Мэру я видел, Климену с ужасной для всех Эрифилой,**
Ценное золото в дар принявшей за гибель супруга.
Всех же не смог бы решительно я ни назвать, ни исчислить,
Сколько там дочерей и супруг я увидел героев,—

Прежде бессмертная б кончилась ночь. И давно уж пора мне
Спать,— на корабль ли пошедши к товарищам, здесь ли оставшись.
Мой же отъезд пусть будет заботою божьей и вашей».
Так он закончил. В глубоком молчании гости сидели.
Все в тенистом чертоге охвачены были восторгом.
Тут белорукая так начала говорить им Арета:
«Как вам, скажите, феаки, понравился этот пришелец
Видом и ростом высоким, внутри же — умом благородным?
Гость хотя он и мой, но все вы к той чести причастны.
Вот почему не спешите его отправлять и не будьте
Скупы в подарках. Ведь в них он нуждается очень. У вас же
Много накоплено дома богатств изволеньем бессмертных».
К ним обратился потом и старик Ехепей благородный,
Всех остальных феакийских мужей превышавший годами.
«Нет ничего, что бы шло против помыслов наших и целей,
В том, что сказала царица. Друзья, согласимся же с нею.
А порешить все и сделать — на то Алкиноева воля».
Вот что тогда Алкиной, ему отвечая, промолвил:
«Все, что сказано, будет на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что я феакийцами правлю.
Гость же пускай наш потерпит. Хоть очень в отчизну он рвется,
Все же до завтра придется ему подождать, чтоб успел я
Все приношенья собрать. Об его ж возвращеньи подумать —
Дело мужей, всех прежде — мое, ибо я здесь властитель».
И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Если б еще мне и на год вы тут приказали остаться,
Чтобы поездку устроить и славных набрать мне подарков,
Я б согласился охотно: намного мне выгодней было б
С более полными в землю отцов возвратиться руками.
Был бы я боле тогда уважаем и был бы милее
Всем, кто увидит меня, когда я в Итаку вернусь».
Тотчас царь Алкиной, ему отвечая, промолвил:
«Смотрим мы на тебя, Одиссей,— и никак не возможно
Думать, что лжец, проходимец пред нами, каких в изобильи
Черная кормит земля средь густо посеянных смертных,
Нагло сплетающих ложь, какой никому не распутать.
Прелесть в словах твоих есть, и мысли твои благородны.
Что ж до рассказа о бедах твоих и о бедах ахейцев,—
Словно певец настоящий, искусный рассказ свой ведешь ты!
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:

Видел кого-либо ты из товарищей там богоравных,
Бившихся также под Троей и участь свою там принявших?
Ночь эта очень длинна, без конца. И еще нам не время
Спать. Продолжай же рассказ о чудесных твоих приключеньях.
Я до зари здесь божественной рад оставаться все время,
Если про беды свои мне рассказывать ты пожелаешь».
И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Время для длинных рассказов одно, для сна же — другое.
Если, однако, еще ты послушать желаешь, охотно
И про другое тебе расскажу, что гораздо плачевней,—
Про злоключенья товарищей тех, что позднее погибли:
Из многостонных боев с троянцами целыми вышли,
При возвращеньи ж погибли стараньями женщины гнусной.
После того как рассеяла души всех жен слабосильных
Чистая Персефонея туда и сюда, появилась
Передо мною душа Агамемнона, сына Атрея,
Глядя печально. Вокруг собралися товарищей души —
Всех, кто смертную участь с ним принял в Эгистовом доме.
Тотчас меня он узнал, как только увидел глазами.
Громко заплакал Атрид, проливая обильные слезы,
Руки простер он, меня заключить порываясь в объятья.
Больше, однако же, не было в нем уж могучей и крепкой
Силы, какою когда-то полны были гибкие члены.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.
Громко к нему со словами крылатыми я обратился:
— Славный герой Атреид, владыка мужей Агамемнон!
Что за Кера тебя всех печалящей смерти смирила?
Или тебя Посейдон погубил в кораблях твоих быстрых,
Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров?
Или на суше тебя враги погубили в то время,
Как ты отрезать старался коровьи стада и овечьи
Или как женщин и город какой захватить домогался? —
Так говорил я. Тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Не Посейдон мне погибель послал в кораблях моих быстрых,
Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров,
И не враждебные люди меня погубили на суше.
Смерть и несчастье готовя, Эгист пригласил меня в дом свой
И умертвил при пособьи супруги моей окаянной:
Стал угощать — и зарезал, как режут быка возле яслей.
Так печальнейшей смертью я умер. Зарезаны были

Тут же вокруг и товарищи все, как свиньи, которых
Много могущий себе разрешить, богатейший хозяин
К свадьбе, к пирушке обычной иль к пиру роскошному режет.
Видеть, конечно, немало убийств уж тебе приходилось —
И в одиночку погибших и в общей сумятице боя.
Но несказанной печалью ты был бы охвачен, увидев,
Как меж кратеров с вином и столов, переполненных пищей,
Все на полу мы валялись, дымившемся нашею кровью.
Самым же страшным, что слышать пришлось мне, был голос Кассандры,
Дочери славной Приама. На мне Клитемнестра-злодейка
Деву убила. Напрасно слабевшей рукою пытался
Меч я схватить, умирая,— рука моя наземь упала.
Та же, бесстыжая, прочь отошла, не осмелившись даже
Глаз и рта мне закрыть, уходившему в царство Аида.
Нет ничего на земле ужаснее, нет и бесстыдней
Женщины, в сердце своем на такое решившейся дело!
Что за дело она неподобное сделать решилась,
Мужу законному смерть приготовив коварно! А я-то
Думал, что в дом я к себе ворочуся на радость и детям
И домочадцам! Такое позорное дело свершивши,
И на себя она стыд навлекла и навек осрамила
Племя и будущих жен слабосильных, пускай и невинных.—
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Горе! Поистине, Зевс протяженно гремящий издавна
Возненавидел потомков Атрея, которым погибель
Шлет через женщин. Убито нас много мужей за Елену,
Ныне ж тебе издалека устроила смерть Клитемнестра.—
Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Вот почему на жену полагаться и ты опасайся.
Не раскрывай перед нею всего, что в мыслях имеешь.
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, чрез жену не опасна погибель:
Слишком разумна она и хорошие мысли имеет,—
Старца Икария дочь, благонравная Пенелопея.
Мы, на войну отправляясь, ее молодою женою
Дома оставили, был у груди ее малым младенцем
Мальчик, который теперь меж мужей заседает в собраньи.
Счастлив твой сын! Воротившись, отец его до̀ма увидит,
Так же и сам он прижмется к отцу, как обычно бывает.
Мне же супруга моя не позволила даже на сына
Всласть наглядеться. Я был во мгновение ею зарезан.
Слово другое скажу, и обдумай его хорошенько.

Скрой возвращенье свое и пристань кораблем незаметно
К родине милой твоей. Ибо женщинам верить опасно.
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:
Слышать вам не пришлось ли о сыне моем, не живет ли
Он где-нибудь в Орхомене, иль в Пилосе, крае песчаном,
Или же в Спарте пространной у дяди его Менелая.
Ибо не умер еще Орест божественный — жив он! —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Что ты об этом, Атрид, выспрашивать вздумал? Не знаю.
Жив ли еще он иль умер. На ветер болтать не годится.—
Так, меж собою печальный ведя разговор, мы стояли,
Горем объятые тяжким, обильные слезы роняя.
Тут ко мне подошла душа Ахиллеса Пелида,
Следом — Патрокла душа, Антилоха, отважного духом,
Также Аякса, который всех лучше и видом и ростом
После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев.
Сразу узнала меня душа Эакида героя.
Скорбно со словом она окрыленным ко мне обратилась:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Дерзостный, что еще больше, чем это, придумать ты мог бы?
Как ты решился спуститься в обитель Аида, где только
Тени умерших людей, сознанья лишенные, реют? —
Так говорил он. И я, отвечая Пелиду, промолвил:
— Сын благородный Пелея, храбрейший меж всеми ахеец!
За прорицаньем пришел я к Тиресию, чтобы совет мне
Подал он, как в каменистую мне воротиться Итаку.
Не приближался еще я к ахейской стране, на родную
Землю свою не ступал. Беда за бедою приходит.
Ты же — не было мужа счастливей тебя и не будет!
Прежде тебя наравне почитали с богами живого
Все мы, ахейцы, теперь же и здесь, меж умерших, царишь ты.
Так не скорби же о том, что ты умер, Пелид благородный! —
Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!
Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.
Ну, а теперь расскажи мне о сыне моем достославном,—

К Трое отправился ль он или нет, чтоб сражаться меж первых?
О безупречном Пелее что слышать тебе довелося?
Все ль еще в прежней чести он у нас в городах мирмидонских
Или же в пренебреженьи живет на Элладе и Фтии,
Так как руками его и ногами уж старость владеет?
Если б на помощь ему под сияние яркое солнца
Мог я явиться таким, каким на равнине троянской
Я избивал наилучших бойцов, аргивян защищая,—
Если б таким я в отчизну явился хотя б не надолго.
Страшными б сделал я силу мою и могучие руки
Всем, кто теснит старика и почести должной лишает.—
Так говорил Ахиллес. И, ему отвечая, сказал я:
— О безупречном Пелее, по правде сказать, ничего мне
Слышать нигде не пришлось. О твоем же возлюбленном сыне
Неоптолеме всю правду тебе, как ты просишь, скажу я.
В стан корабельный его к ахейцам красивопоножным
С острова Скироса сам я привез в корабле равнобоком.
Если вокруг Илиона, бывало, совет мы держали,
Первым всегда выступал он со словом полезным и дельным.
Нестор, подобный богам, и я лишь его побеждали.
Но на равнине троянской, когда мы сражалися медью,
Он никогда не хотел в толпе средь других оставаться.
Рвался далеко вперед, с любым состязаясь в отваге.
Много мужей умертвил он в ужаснейших сечах кровавых.
Всех я, однако, тебе не смогу ни назвать, ни исчислить,
Столько избил он мужей, выступая в защиту ахейцев.
Так Еврипила героя, Телефова сына, убил он**
Острою медью, и много кетейцев-товарищей пало
Возле него из-за принятых женщиной ценных подарков.
Только Мемнон богоравный его превышал красотою.**
Ну, а когда мы входили в коня работы Епея,—**
Мы, вожди аргивян,— и было поручено двери
Мне отмыкать и смыкать в запиравшейся крепко засаде,
Все остальные вожди и советчики войска ахейцев
Слезы стирали со щек, и у каждого члены тряслися.
Что ж до него, то все время ни разу увидеть не мог я,
Чтобы прекрасная кожа его побледнела иль слезы
Он утирал бы с лица. Напротив, меня умолял он,
Чтоб его выпустил я из коня, и хватался за пику,
За рукоятку меча, погибель врагам замышляя.
После того же как взяли мы город высокий Приама,
С долей своей и с богатой наградой поплыл он оттуда
На корабле — невредимый, не раненный острою медью
Ни врукопашную, ни издалека, как это обычно

В битвах бывает: Арес ведь свирепствует в них без разбора.
Так я сказал. И душа быстроногого сына Эака
Лугом пошла от меня асфодельным, широко шагая,
Радуясь вести, что славою сын его милый покрылся.
Горестно души других мертвецов опочивших стояли.
Все домогались услышать о том, что у каждой лежало
На сердце. Только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, даровавшую мне пред судами доспехи
Сына Пелеева. Мать состязанье сама учредила.
Суд же тот дети троян решили с Палладой Афиной.
О, для чего в состязаньи таком одержал я победу!
Что за муж из-за этих доспехов погиб несравненный.—
Сын Теламонов Аякс,— и своими делами и видом
После Пелида бесстрашного всех превышавший данайцев!
С мягкой и ласковой речью к душе его я обратился:
Сын Теламонов, бесстрашный Аякс! Неужели и мертвый
Гневаться ты на меня никогда перестать не желаешь
Из-за проклятых доспехов, так много нам бед причинивших!
Ты, оплот наш всегдашний, погиб. О тебе непрестанно
Все мы, ахейцы, скорбим, как о равном богам Ахиллесе,
Раннюю смерть поминая твою. В ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, который к войскам копьеборных данайцев
Злую вражду проявил и час ниспослал тебе смерти.
Ну же, владыка, приблизься, чтоб речь нашу мог ты и слово
Слышать. Гнев непреклонный и дух обуздай свой упорный! —
Так я сказал. Ничего мне Аякс не ответил и молча
Двинулся вслед за другими тенями умерших к Эребу.
Все же и гневный он стал бы со мной говорить или я с ним,
Если б в груди у меня не исполнился дух мой желаньем
Души также других скончавшихся мертвых увидеть.
Я там увидел Миноса, блестящего Зевсова сына.
Скипетр держа золотой, над мертвыми суд отправлял он,—
Сидя. Они же, его окруживши,— кто сидя, кто стоя,
Ждали суда пред широковоротным жилищем Аида.
После того увидал я гигантскую тень Ориона.
По асфодельному лугу преследовал диких зверей он,—
Тех же, которых в горах он пустынных когда-то при жизни
Палицей медной своею избил, никогда не крушимой.
Тития также я видел, рожденного славною Геей.
Девять пелетров заняв, лежал на земле он. Сидело
С каждого бока его по коршуну; печень терзая,
В сальник въедались ему. И не мог он отбиться руками.

Зевсову он обесчестил супругу Лето, как к Пифону
Чрез Панопей она шла, хоровыми площадками славный.
Я и Тантала увидел, терпящего тяжкие муки.
В озере там он стоял. Достигала вода подбородка.
Жаждой томимый, напрасно воды захлебнуть он старался.
Всякий раз, как старик наклонялся, желая напиться,
Тотчас вода исчезала, отхлынув назад; под ногами
Черную землю он видел,— ее божество осушало.
Много высоких деревьев плоды наклоняло к Танталу —
Сочные груши, плоды блестящие яблонь, гранаты,
Сладкие фиги смоковниц и ягоды маслин роскошных.
Только, однако, плоды рукою схватить он пытался,
Все их ветер мгновенно подбрасывал к тучам тенистым.
Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки.
Камень огромный руками обеими кверху катил он.
С страшным усильем, руками, ногами в него упираясь,
В гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень
Перевалиться чрез гребень, назад обращалася тяжесть.
Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину
Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился
Пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась.
После того я увидел священную силу Геракла,—
Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе
В счастьи живет и имеет прекраснолодыжную Гебу,
Златообутую Герой рожденную дочь Громовержца.
Мертвые шумно метались над ним, как мечутся в страхе
Птицы по воздуху. Темной подобяся ночи, держал он
Выгнутый лук, со стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вкруг озирался, как будто готовый спустить ее тотчас.
Страшная перевязь блеск издавала, ему пересекши
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Огненноокие львы, медведи и дикие свиньи,
Схватки жестокие, битвы, убийства изваяны были.
Сделавший это пускай ничего не работает больше,—
Тот, кто подобный ремень с таким изукрасил искусством!
Тотчас узнавши меня, лишь только увидел глазами,
Скорбно ко мне со словами крылатыми он обратился:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Что, злополучный, и ты, как я вижу, печальную участь
Терпишь,— подобную той, какую под солнцем терпел я?
Был я сыном Зевеса Кронида. Страданий, однако,
Я испытал без конца. Недостойнейший муж надо мною**
Властвовал, много трудов на меня возложил тяжелейших.

Был я им послан сюда, чтобы пса привести. Полагал он,
Неисполнимее подвига быть уж не может другого.
Подвиг свершил я и пса из жилища Аидова вывел.
Помощь мне оказали Гермес с совоокой Афиной.—
Так сказавши, обратно в обитель Аида пошел он.
Я же на месте остался и ждал, не придет ли, быть может,
Кто еще из героев, погибших в минувшее время.
Я б и увидел мужей стародавних, каких мне хотелось,-
Славных потомков богов, Пирифоя, владыку Тезея.
Раньше, однако, слетелись бессчетные рои умерших
С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас, что вышлет
Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны,
Славная Персефонея богиня из недр преисподней.
Быстро взойдя на корабль, товарищам всем приказал я,
Следом взошедши за мной, развязать судовые причалы.
Тотчас они на корабль поднялись и к уключинам сели.
Вниз по высоким волнам Океана-реки понеслись мы,—
Первое время на веслах, потом — под ветром попутным».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

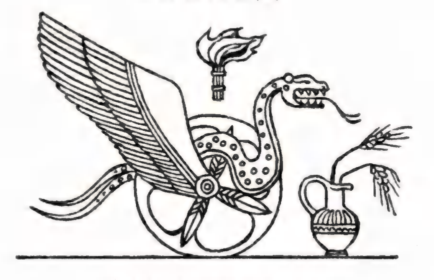
Вызвал души мужей женихов, Одиссеем убитых,
Бог Гермес килленийский. В руках золотой и прекрасный
Жезл держал он, которым глаза усыпляет у смертных,**
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Двинув им, души повел он, и с писком они полетели.
Так же, как в темном пространстве пещеры летучие мыши
Носятся с писком, когда с каменистого свода, где густо
Все теснятся они, одна упадет вдруг на землю,—
С писком таким же и души неслись. Их вел за собою
Темным и затхлым путем Гермес, исцеленье несущий.
Мчались они мимо струй океанских, скалы левкадийской,
Мимо ворот Гелиоса и мимо страны сновидений.
Вскоре рой их достиг асфодельного луга, который
Душам — призракам смертных уставших — обителью служит.
Там они душу нашли Ахиллеса, Пелеева сына,
Встретили душу Патрокла вместе с душой Антилоха,
Душу Аякса, который всех лучше и видом и ростом
После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев.
Все стояли они вокруг Ахиллеса героя.
К ним душа подошла Агамемнона, сына Атрея,
Глядя печально. Вокруг него были друзей его души —

Всех, кто смертную участь с ним принял в Эгистовом доме.
Первой к нему обратилась душа Ахиллеса Пелида:
«Думали мы, Атреид, что ты молнелюбцу Крониду
Между героев других всех более мил неизменно,
Ибо владыкою множества был ты мужей многомощных
В дальнем троянском краю, где так мы, ахейцы, страдали.
Все же случилось, что вот и тебя раньше срока постигла
Смертная участь, которой никто не избег из рожденных.
Должен ты был, наслаждаясь почетом, тебе подобавшим,
Смерть и жребий принять в стране конеборных троянцев.
Там над тобой всеахейцы насыпали б холм погребальный,
Сыну б великую славу на все времена ты оставил.
Но суждено тебе было погибнуть плачевнейшей смертью!»
Так на это ему душа отвечала Атрида:
«О блаженный Пелид, Ахиллес, на бессмертных похожий!
Умер в троянском краю ты, вдали от отчизны, но много
Было убито храбрейших троянских сынов и ахейских
В битве за труп твой. А ты, забыв о боях колесничных,
В вихре пыли лежал на огромном пространстве, огромный.
Мы же сражались весь день напролет. И не кончили битвы
Мы б ни за что, но Кронион ее прекратил ураганом.
Вынесши труп твой к судам из сумятицы боя, на ложе
Мы положили тебя, очистив прекрасное тело
Теплой водою и маслом. Толпились данайцы вкруг тела,
Слезы горячие лили и кудри себе обрезали.
Весть услыхавши, из моря с бессмертными нимфами вышла
Мать твоя. Крик несказанный, ужасный пронесся над морем.
В трепет великий ахейцы пришли, этот крик услыхавши.
Все бы они повскакали и к полым судам убежали,
Не удержи человек их, знаньем большим умудренный, —
Нестор; советы всегда наилучшие всем подавал он.
Благожелательства полный, сказал он собранью ахейцев:
— Стойте, ахейцы! Не бойтесь, сыны аргивян, не бегите!
Мать его это из моря с бессмертными нимфами вышла
На берег, чтобы увидеть погибшего милого сына! —
Так он ахейцам сказал, и бегство они прекратили.
Дочери старца морского, тебя обступив отовсюду,
С горькой печалью в одежды бессмертные труп твой одели;
Музы — все девять — подряд голосами прекрасными пели
Песнь похоронную. Так потрясающе песнь их звучала,
Что не в слезах никого не увидел бы ты из ахейцев.
Целых семнадцать и дней и ночей над тобой непрерывно
Все мы — бессмертные боги и смертные люди — рыдали.
На восемнадцатый день мы предали огню. И забили

Множество в жертву и жирных овец и быков тяжконогих.
Был сожжен ты в одежде богов, умащенный обильно
Сладким медом и маслом. И много героев ахейских
В ярко сверкавших доспехах пылавший огонь обходили —
Пешие, конные. Шум поднимался от них несказанный.
После того как с тобою покончило пламя Гефеста,
Белые кости твои, Ахиллес, мы с зарею собрали
И в золотой положили сосуд, наполненный маслом
И неразбавленным, чистым вином. Дала его мать нам —
Дар Диониса, сказала она, а работа Гефеста.
Белые кости твои там лежат, Ахиллес многославный,
Вместе с костями Патрокла умершего, Менетиада,
Но от костей Антилоха отдельно, которого чтил ты
Более всех остальных товарищей после Патрокла.
Холм большой и прекрасный насыпали мы над костями,—
Все мы, могучее войско ахейских сынов копьеборных,—
Над Геллеспонтом широким, на мысе, вдающемся в море,
Так, чтобы издали с моря все люди могли его видеть,
Все — и живущие ныне и те, кто позднее родится.
Мать, у богов испросивши призы красоты необычной,
Их положила на место ристаний для знатных ахейцев.
Много ты раз, Ахиллес, в похоронных участвовал играх
При погребеньи царей и героев, когда, к состязаньям
Разным готовя себя, молодежь пояса надевает.
Сильно б, однако же, ты изумился, когда бы увидел
Эти призы, что тогда в твою честь приготовлены были
Сереброногой Фетидой. Богами был очень любим ты!
Так, и умерши, ты имя свое сохранил. Никогда уж
Светлая слава твоя, Ахиллес, меж людьми не погибнет»...

* * *

ГЕСИОД

ТРУДЫ И ДНИ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ПОЭМА

Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
Я призываю,— воспойте родителя вашего Зевса!
Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье,—
Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,
Счастье отнять у счастливца, безвестного вдруг возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сгорбить —
Очень легко громовержцу Крониду, живущему в вышних.
Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай справедливость,
Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.
*Знай же, что две существует различных Эриды на свете,
А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный
К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.
Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:
Эта способна понудить к труду и ленивого даже;

Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.
Перс! Глубоко себе в душу сложи, что тебе говорю я:
Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжеб.
Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в дому годовые запасы
Вызревших зерен Деметры, землей посылаемых людям.
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка. Тебе же совсем не пристало б
Сызнова так поступать: но давай-ка рассудим сейчас же
Спор наш с тобою по правде, чтоб было приятно Крониду.
Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
*Силой забравши, унес ты и славишь царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе, рассудивших.

*Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина,
*Что на великую пользу идут асфодели и мальва.

Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый бы год, не трудяся, имел пропитанье.
Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,
Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко Громовержец источники пищи запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он...

* * *

Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемудрого Зевса-Кронида,
*В нарфекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.
В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!
Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколеньям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных.
Славному отдал приказ он Гефесту, как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,
А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучащей страстью, грызущею члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу.

Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги.
Зевсов приказ исполняя: подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обеногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы Хариты с царицей Пейфо золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
(Все украшенья на теле оправила дева Афина.)
Аргоубийца ж, вожатый, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
*Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих домы Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебоядным мужам на погибель.
Хитрый, губительный замысел тот приводя в исполненье,
Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок
К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь, как зло получил, догадался.

В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная их трудной работы,
*Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда
В крепком осталась своем обиталище,— вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса.
Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.

К людям болезни,— которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страданья, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
Замыслов Зевса, как видишь, избегнуть никак невозможно.

Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно
*Повесть другую теперь. И запомни ее хорошенько.
Создали прежде всего поколенье людей золотое
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства,—
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того, как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
*Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.

После того поколенье другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А, наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землею
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.
После того, как земля поколенье и это покрыла,
Дали им люди названье подземных смертных блаженных.
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.

Третье родитель Кронид поколенье людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколеньем несхожее прежним.

С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали
И необорные руки росли на плечах многомощных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
В затхлую область они леденящего душу Аида
Все низошли безымянно; и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

После того, как земля поколенье и это покрыла,
Снова еще поколенье, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше,—
Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
*Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит.

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться,
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
(Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.
Зевс поколенье людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться седыми.)
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет

Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных бессчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
*Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такою к нему обратился:

«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно.
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
Разума тот не имеет, кто меряться хочет с сильнейшим:
Не победит он его,— к униженью лишь горе прибавит!»

Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица.

Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,
С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.

*Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.
Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища.
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка.
И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
*Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.
Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою.
Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобильи. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых поспеет
Тем воздает по заслугам владыка Кронид дальнозоркий.
Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион,
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглою туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Правосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде.

Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.
Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит,— и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдется внутри государства любого.
Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да заказал бы и сыну: ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:
Слушайся голоса правды и думать забудь о насильи,
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды,
Людям же правду Кронид даровал,— высочайшее благо.
Если кто, истину зная, правдиво дает показанья,—
Счастья тому посылает Кронион широкоглядящий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,
Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
А доброклятвенный муж и потомков оставит хороших.

С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить, сколько хочешь,— весьма немудреное дело.
Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата в начале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.
Тот — наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего, и чужого совета
К сердцу не хочет принять,— совсем человек бесполезный.

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов,— чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,

Сам не трудяся, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвеньем.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься,— скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитаньи подумай.

Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,—
*Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.
Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком,— как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством,—
Боги легко человека такого унизят, разрушат
Дом,— и лишь краткое время он тешиться будет богатством.
То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его,— что весьма непристойно! —
Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает,—
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжкой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!

Этого ты избегай безрассудной своею душою.
Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку,
*Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие.

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится,— когда еще пояс подвяжет
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.
Точно отмерив, бери у соседа взаймы; отдавая,
Меряй такою же мерой, а можешь, — так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.
Выгод нечистых беги: нечистая выгода — гибель.
Тех, кто любит, люби; если кто нападет, - защищайся.
Только дающим давай; ничего не давай не дающим.
Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет.
Дать — хорошо; но насильно берущего смерть ожидает
Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много,—
Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится.
Если же кто своевольно берет, повинуясь бесстыдству,—
Пусть и немного он взял,— но печалит нам милое сердце.
Если и малое даже прикладывать к малому будешь,
Скоро большим оно станет; прикладывай только почаще.
Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился.
Если что заперто дома, об этом заботы немного.
*Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Брать хорошо из того, что имеешь. Но гибель для духа
Рваться к тому, чего нет. Хорошенько подумай об этом.
Пой себе вволю, когда начата иль кончается бочка,
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость.
Другу всегда обеспечена будь договорная плата.
С братом — и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях делай.
Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.
Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит, по истине, вору ночному, кто женщине верит!
Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством
Пусть он умрет стариком, и опять одного лишь оставит
Впрочем, Крониду легко осчастливить богатством и многих:
Больше о многих заботы, однако, и выгоды больше.

Если к богатству в груди твоей сердце стремится, то делай,
Как говорю я, свершая работу одну за другою.

*Лишь на востоке начнут восходить Атлантиды-Плеяды,
*Жать поспешай; а начнут заходить — за посев принимайся.
*На сорок дней и ночей совершенно скрываются с неба
Звезды-Плеяды, потом же становятся видными глазу

*Снова в то время, как люди железо точить начинают.
*Всюду таков на равнинах закон,— и для тех, кто у моря
Близко живет, и для тех, кто в ущелистых горных долинах,
От многошумного моря седого вдали, населяет
Тучные земли. Но сеешь ли ты, или жнешь, или пашешь,—
*Голым работай всегда! Только так приведешь к окончанью
Вовремя всякое дело Деметры. И вовремя будет
Все у тебя возрастать. Недостатка ни в чем не узнаешь
И по чужим безуспешно домам побираться не будешь.
Так ведь ко мне ты теперь и пришел. Но тебе ничего я
Больше не дам, не отмерю: работай, о Перс безрассудный!
Вечным законом бессмертных положено людям работать.
Иначе вместе с детьми и женою, в стыде и печали,
По равнодушным соседям придется тебе побираться.
Разика два или три подадут вам, но если наскучишь,
То ничего не добьешься, напрасно лишь речи потратишь.
Пастбище слов твоих будет без пользы. Подумай-ка лучше,
Как расплатиться с долгами и с голодом больше не знаться.

В первую очередь — дом и вол работящий для пашни,
Женщина, чтобы волов подгонять: не жена,— покупная!
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого; откажет он,— как обернешься?
Нужное время уйдет, и получится в деле заминка.
И не откладывай дела до завтрева, до послезавтра:
Пусты амбары у тех, кто работать ленится и вечно
Дело откладывать любит: богатство дается стараньем.
Мешкотный борется с бедами всю свою жизнь непрерывно.

В позднюю осень, когда ослабляет палящее солнце
Жгучий свой зной потогонный, и льется на землю дождями
Зевс многомощный, и снова становится тело людское
Быстрым и легким,— недолго тогда при сиянии солнца
Над головами рожденных для смерти людей совершает
Сириус путь свой, но больше является на небе ночью.
Леса, который теперь ты подрубишь, червяк не источит.
*Сыплются листья с деревьев, побеги свой рост прекращают.
Самое время готовить из дерева нужные вещи.
*Срезывай ступку длиной в три стопы, а пестик — в три локтя;
Ось — длиною в семь стоп,— всего это будет удобней;
*Если ж и в восемь, то выйдет еще из куска колотушка.
Режь косяки по три пяди к колесам в десять ладоней.
*Режь и побольше суков искривленных из падуба; всюду
В поле ищи и в горах и, нашедши, домой относи их:

Нет превосходнее скрепы для плуга, чем скрепа такая,
*Если рабочий Афины, к рассохе кривую ту скрепу
Прочно приладив, гвоздями прибьет ее к плужному дышлу.
*Два снаряди себе плуга, чтоб были всегда под рукою,—
Цельный один, а другой составной; так удобнее будет:
Если сломаешь один, остается другой наготове.
Дышло из вяза иль лавра готовь,— не точат их черви;
Скрепу из падуба делай, рассоху — из дуба. Быков же
Девятилетних себе покупай ты, вполне возмужалых:
Сила таких немала, и всего они лучше в работе.
Драться друг с другом не станут они в борозде, не сломают
Плуга тебе, и в работе твоей перерыва не будет.
Сорокалетний за ними да следует крепкий работник,
Съевший к обеду четыре куска восьмидольного хлеба,
Чтобы работал усердно и борозду гнал бы прямую,
Вбок на приятелей глаз не косил бы, но душу в работу
Вкладывал. Лучше его никогда молодой не сумеет
Поля засеять, чтоб не было нужды в посеве вторичном.
Кто помоложе, тот больше на сверстников в сторону смотрит.

Строго следи, чтобы вовремя крик журавлиный услышать,
Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
Знак он для сева дает, провозвестником служит дождливой
Зимней погоды и сердце кусает мужам безволовным.
Дома корми у себя в это время волов криворогих.
*Слово нетрудно сказать: «одолжи мне волов и телегу!»
Но и нетрудно отказом ответить: «волы, брат, в работе!»
Самонадеянно скажет иной: «сколочу-ка телегу!»
Но ведь в телеге-то сотня частей! Иль не знает он, дурень?
Их бы вот загодя он на дому у себя заготовил!

Только что время для смертных придет приниматься за вспашку,
Ревностно все за работу берись,— батраки и хозяин.
Влажная ль почва, сухая ль,— паши, передышки не зная,
С ранней вставая зарею, чтоб пышная выросла нива.
*Вспашешь весною, а летом вздвоишь,— и обманут не будешь.
Передвоив, засевай, пока еще борозды рыхлы.
*Пар вздвоенный детей от беды защитит и утешит.

Жарко подземному Зевсу молись и Деметре пречистой,
Чтоб полновесными вышли священные зерна Деметры.
В самом начале посева молись им, как только, за ручку

Плужную взявшись рукой, острием батога прикоснешься
К спинам волов, на ярмо налегающих. Сзади с мотыгой
Мальчик-невольник пускай затруднение птицам готовит,
*Семя землей засыпая. Для смертных порядок и точность
В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
Склонятся так до земли наливные колосья на ниве,—
Только бы добрый конец пожелал даровать Олимпиец!
От паутины очисти сосуды. И будешь, надеюсь,
Всею душой веселиться, припасы из них доставая.
В полном достатке до светлой весны доживешь, и не будет
Дела тебе до соседей,— в тебе они будут нуждаться.

Если священную почву засеешь при солнювороте,
Жать тебе сидя придется, помалу горстями хватая;
Пылью покрытый, не очень-то радуясь, свяжешь колосья
И понесешь их в корзине; никто на тебя и не взглянет
Впрочем, изменчивы мысли у Зевса-эгидодержавца,
Людям, для смерти рожденным, в решенья его не проникнуть.
Если посеешься поздно, то вот что помочь тебе может·
*В пору, когда куковать начинает кукушка в дубовой
Темной листве, услаждая людей на земле беспредельной,
К третьему дню пусть Кронид задождит и струится, доколе
В уровень станет с воловьим копытом,— не выше, не ниже.
Так — и посеявший поздно сравняется с сеявшим рано.
Все это в сердце своем сбереги и следи хорошенько
За наступающей светлой весной, за дождливыми днями.

*Не заходи ни в корчму, разогретую жарко, ни в кузню
Зимней порою, когда человеку работать мешает
Холод: прилежный работу найдет и теперь себе дома.
Бойся, чтоб бедность жестокой зимою тебя не настигла:
*Будешь ты тискать рукой исхудалой опухшие ноги.
Часто лентяй, исполненья надежды пустой ожидая,
Впавши в нужду, на дела нехорошие сердцем склонялся.
Трудно тому бедняку, кто в корчмах заседает, надеждой
Тешиться доброй, когда он и хлеба куска не имеет.
Предупреждай домочадцев, когда еще лето в разгаре:
«Помните, лето не вечно продлится,— готовьте запасы!»

*Месяц очень плохой — Ленеон, для скотины тяжелый.
Бойся его и жестоких морозов, которые почву
Твердою кроют корой под дыханием ветра Борея:
К нам он из Фракии дальней приходит, кормилицы коней,
Море глубоко взрывает, шумит по лесам и равнинам.

Много высоковетвистых дубов и раскидистых сосен
Он, налетев безудержно, бросает на тучную землю
В горных долинах. И стонет под ветром весь лес неисчетный.
Дикие звери, хвосты между ног поджимая, трясутся,—
Даже такие, что мехом одеты. Пронзительный ветер
Их продувает теперь, хоть и густо-косматы их груди.
Даже сквозь шкуру быка пробирается он без задержки,
Коз длинношерстых насквозь продувает. И только не может
Стад он овечьих продуть, потому что пушисты их руна,—
Он, даже старцев бежать заставляющий силой своею.
Не продувает он также и девушки с кожею нежной;
Дома сидеть остается она подле матери милой,
Чуждая мыслей пока о делах многозлатной Киприды;
Тщательно нежное тело омывши и смазавши жирно
Маслом, во внутренней комнате спать она мирно ложится
В зимнюю пору, когда в своем доме холодном и темном
*Грустно безкостый ютится и сам себе ногу кусает;
Солнце не светит ему и не кажет желанной добычи:
Ходит оно далеко-далеко, над страной и народом
Черных людей, и приходит к всеэллинам много позднее.
Все обитатели леса, без рог ли они иль с рогами,
Щелкая жалко зубами, скрываются в чащи лесные.
Всем одинаково душу тревожит им та же забота:
Как бы в лесистом ущельи каком иль скалистой пещере
*Скрыться от холода. Выглядят люди тогда, как триногий
С сгорбленной круто спиной, с головою, к земле обращенной:
Бродят, подобно ему, избегая блестящего снега.

В эту бы пору советовал я, для укрытия тела,
Мягкий плащ надевать и хитон, до земли доходящий,
Вытканный густо уточною нитью по редкой основе.
В них одевайся, чтоб волосы кожи твоей не дрожали
И не стояли по телу торчмя, не ерошились зябко.
На ноги — обувь из кожи быка, что не сдох, а зарезан;
В пору тебе чтоб была и выстлана войлоком мягким.
Шкуры козлят перворoдных, лишь холод осенний наступит,
Сшей сухожильем бычачьим и на спину их и на плечи,
Если под дождь попадешь, накидывай. Голову сверху
Войлочной шляпой искусной покрой, чтобы уши не мокли.
*Холодны зори в то время, как наземь Борей упадет.
Зорями с звездного неба на землю туман благодатный
Сходит и нивам владельцев блаженных несет плодородье.
С рек непрерывно текущих набравши воды изобильно
И высоко от земли унесенный дыханием ветра,

То он вечерним дождем проливается, то улетает,
Если подует фракийский Борей, разгоняющий тучи.
Раньше тумана работу кончай и домой отправляйся,
Чтоб непроглядный туман тот, спустившись, тебя не окутал,
Не промочил бы одежды и влажным не сделал бы тела.
Этого ты избегай. Тяжелейший за целую зиму
Названный месяц; тяжел для людей он, тяжел для скотины.
*Корму довольно волам половины теперь, человеку ж
*Больше давай: тут поможет сама долгота благосклонной.
Строго за этим следи, и до самого нового года
*Ночи выравнивай с днями, пока не родит тебе снова
Общая матерь земля пищевых всевозможных припасов.

Только лишь царственный Зевс шестьдесят после
солнцеворота
Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
*Из океанских священных течений Арктур светоносный
И в продолжение ночи все время сверкает на небе.
Следом за ним, с наступившей весною, является к людям
*Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью;
Лозы подрезывать лучше всего до ее появленья.

*В пору, когда, от Плеяд убегая, с земли на растенья
*Станет всползать домоносец, не время окапывать лозы.
Нужно серпы навострять и рабочих будить спозаранку;
Долгого сна по утрам избегай и тенистых местечек
В жатву, когда иссыхает от солнца и морщится кожа.
Утром пораньше вставай и старайся домой поскорее
Весь урожай увезти, чтобы пищей себя обеспечить.
Добрую треть целодневной работы заря совершает.
Путь ускоряет заря, ускоряет и всякое дело.
Только забрезжит заря,— и выводит она на дорогу
Много людей, и на многих волов ярмо налагает.

*В пору, когда артишоки цветут, и, на дереве сидя,
Быстро, размеренно льет из-под крыльев трескучих цикада
Звонкую песню свою средь томящего летнего зноя,—
*Козы бывают жирнее всего, а вино всего лучше,
Жены всего похотливей, всего слабосильней мужчины:
Сириус сушит колени и головы им беспощадно,
*Зноем тела опаляя. Теперь для себя отыщи ты
*Место в тени под скалой и вином запасися библинским.
Сдобного хлеба к нему, молока от козы некормящей,
Мяса кусок от телушки, вскормленной лесною травою,
Иль первородных козлят. И вино попивай беззаботно,

Сидя в прохладной тени и насытивши сердце едою,
Свежему ветру Зефиру навстречу лицо повернувши,
Глядя в прозрачный источник с бегущею вечно водою.
Часть лишь одну ты вина наливай, воды же три части.

*Только начнет восходить Орионова сила, рабочим
Тотчас вели молотить священные зерна Деметры
На округленном и ровном току, не закрытом от ветра.
Тщательно вымерив, ссыпь их в сосуды. А после того как
Кончишь работу и дома припасы готовые сложишь,
Мой бы совет,— батраком раздобудься бездомным, да бабой,—
Но чтоб была без ребят! С сосунком неудобна прислуга.
Псом заведись острозубым, да с кормом ему не скупися,—
*Спящего днем человека ты можешь тогда не бояться.
Сена к себе наноси и мякины, чтоб на год хватило
Мулам твоим и волам. И тогда пусть рабочие отдых
Милым коленям дадут и волов отпрягут подъяремных.

*Вот высоко середь неба уж Сириус стал с Орионом,
*Уж начинает Заря розоперстая видеть Арктура:
Режь, о Перс, и домой уноси виноградные гроздья.
*Десять дней и ночей непрерывно держи их на солнце,
Дней на пяток после этого в тень положи, на шестой же
Лей уже в бочки дары Диониса, несущего радость.
После ж того как Плеяды, Гиады и мощь Ориона
Станут на западе,— помни, что время посева настало.
Вот как дели полевые работы в течение года.

Если же по морю хочешь опасному плавать, то помни:
После того, как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд, и падут они в мглисто-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабля в это время.
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду
Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу;
Вытащи втулку,— иначе сгниет он от зевсовых ливней;
После того отнесешь к себе в дом корабельные снасти,
Да поладнее свернешь корабля мореходного крылья;
Прочно сработанный руль корабельный повесишь над дымом,—
И дожидайся, пока не настанет для плаванья время.
В море тогда свой корабль быстроходный спускай и такою
Кладью его нагружай, чтоб домой с барышом воротиться,

Как это делал отец наш с тобою, о Перс безрассудный,
В поисках добрых доходов на легких судах разъезжая.
Некогда так и сюда вот на судне заехал он черном
Длинной дорогой морской, эолийскую Киму покинув.
Не из избытка, богатства иль счастья оттуда бежал он,
Но от жестокой нужды, посылаемой людям Кронидом.
Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной.
В памяти сроки держи, и ко времени всякое дело
Делай, о Перс. В мореходстве особенно все это важно.
Малое судно хвали, но товары грузи на большое:
Больше положишь товару,— и выгоды больше получишь;
Только бы ветры сдержали дурные свои дуновенья!

Если же в плаванье вздумаешь ты безрассудно пуститься,
Чтоб от долгов отвертеться и голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря законы,
Хоть ни в делах корабельных, ни в плаваньи я неискусен.
В жизнь я свою никогда по широкому морю не плавал,—
Раз лишь в Евбею один из Авлиды, где некогда зиму**
Пережидали ахейцы, сбирая в Элладе священной
Множество войск против славной прекрасными женами Трои,

*На состязание в память разумного Амфидаманта
Ездил туда я в Халкиду; заране объявлено было
Призов немало сынами его большедушными. Там-то,
Гимном победу стяжав, получил я ушатый треножник.
Этот треножник в подарок я Музам принес Геликонским,
Где они звонкому пенью впервые меня обучили.
Вот лишь насколько я ведаю толк в кораблях многогвоздных.
Все ж и при этом тебе сообщу я, что в мыслях у Зевса,
Ибо обучен я Музами петь несравненные гимны.

Вот пятьдесят уже минуло дней после солноворота,
И наступает конец многотрудному, знойному лету.
Самое здесь-то и время для плаванья: ни корабля ты
Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская,
Разве нарочно кого Посейдон, сотрясающий землю,
Или же царь небожителей Зевс погубить пожелают.
Ибо в руке их кончина людей и дурных, и хороших.
Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха теперь свой корабль быстроходный,
В море спускай и товаром его нагружай всевозможным.

Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
Не дожидайся вина молодого, и ливней осенних,
*И наступленья зимы, и дыханья ужасного Нота;
Яро вздымает он волны, и зевсовым их поливает
Частым осенним дождем, и тягостным делает море.

Плавают по морю люди нередко еще и весною.
Только что первые листья на кончиках веток смоковниц
Станут равны по длине отпечатку вороньего следа,
Станет тогда же и море для плаванья снова доступным.
В это-то время весною и плавают. Но не хвалю я
Плаванья этого; очень не по сердцу как-то оно мне:
Краденым кажется. Трудно при нем от беды уберечься.
Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
Ныне богатство для смертных самою душою их стало.
Страшно в волнах умереть. Не забудь же моих увещаний,
Все хорошенько обдумай в уме, что тебе говорю я.
И на чреватое судно всего не грузи, что имеешь;
Большую часть придержи, нагрузи же лишь меньшую долю:
Страшно несчастью подпасть на волнах многобурного моря.
Страшно, когда на телегу чрезмерную тяжесть наложишь,
И переломится ось под телегой, и груз твой погибнет.
Меру во всем соблюдай, и дела свои вовремя делай.

---

*В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь подходящий.
До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:
Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.
*Года четыре пусть зреет невеста, женитесь на пятом.
Девушку в жены бери,— ей легче внушить благонравье.
Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.
Все огляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.
Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,
Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа
Высушит пуще огня и до времени в старость загонит.

Кару блаженных бессмертных навлечь на себя опасайся.

Также не ставь никогда наравне товарища с братом.
Раз же, однако, поставил, то зла ему первым не делай
И не обманывай, чтобы язык потрепать. Если ж сам он
Первый тебя обижать или словом начнет, или делом,
Это попомнив, вдвойне отплати ему. Если же снова

В дружбу с тобой он захочет вступить и обиду загладить,
Не уклоняйся: друзей то и дело менять не годится.
Только чтоб видом наружным не ввел он тебя
в заблужденье!

Слыть нелюдимым не надо, не надо и слыть хлебосолом;
Бойся считаться товарищем злых, ненавистником добрых.
Также людей не дерзай попрекать разрушающей душу
Гибельной бедностью: шлют ее людям блаженные боги.

Лучшим сокровищем люди считают язык не болтливый.
Меру в словах соблюдешь,— и всякому будешь приятен;
Станешь злословить других,— о себе еще хуже услышишь.

На многолюдном, в складчину устроенном пире
не хмурься;
Радостей очень он много дает, а расход пустяковый.

Также, не вымывши рук, не твори на заре возлияний
Черным вином ни Крониду, ни прочим блаженным
бессмертным;
Так они слушать не станут тебя и молитвы отвергнут.

Стоя, и к солнцу лицом обратившись, мочиться негоже.
Даже тогда на ходу не мочись, как зайдет уже солнце,
Вплоть до утра,— все равно, по дороге ль идешь, без
дороги ль;
Не обнажайся при этом: над ночью ведь властвуют боги.
Мочится чтущий богов, рассудительный муж либо сидя,
Либо,— к стене подойдя на дворе, огороженном прочно.

Совокупившись, не стой неодетый, с ....
Перед огнем очага, но держись в это время подальше.

Также, не с похорон грустно-зловещих домой
воротившись,
Сей потомство свое, а с пира пришедши бессмертных.

Прежде, чем в воду струистую рек непрерывно текущих
Ступишь ногой, помолись, поглядев на прекрасные струи,
И многомилою, светлой водою умой себе руки.
Рук не умывши, души не очистив, пойдешь через реку,—
Боги тебя покарают, несчастье пославши вдогонку.

*На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши.

*Также, в то время, как пьют, черпака на кратерную крышку
Не помещай никогда: не весельем окончится это.

Дом себе строить начав, приводи к окончанью постройку,
Чтобы не каркала, сидя на доме, болтушка ворона.

Также не ешь и не мойся из тех горшконогов, в которых
Не приносилося жертв: и за это последует кара.

Мало хорошего, если двенадцатидневный ребенок
Будет лежать на могиле, лишится он мужеской силы;
Или двенадцатимесячный: это нисколько не лучше.
Также не мой себе тело водою, которою мылась
Женщина: ибо придет и за это со временем кара
Тяжкая. Если увидишь горящую жертву, не смейся
Над непонятною тайной: воздаст тебе бог и за это.
Также, смотри, не мочись никогда ни в истоки, ни в устье
В море впадающих рек,— берегись и подумать об этом!
Не опоражнивай в них и желудка,— то будет не лучше.

Так поступай: от ужасной молвы человеческой бегай.
Слава худая мгновенно приходит, поднять ее людям
Очень легко, но нести тяжеленько и сбросить не просто.
И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там ни как,— и Молва ведь богиня.

Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты
*И обучай домочадцев. Тридцатое — день наилучший
Для обозренья свершенных работ, для дележки припасов.
Вот что различные дни у Кронида всемудрого значат,
Если в сужденьях народов об этом содержится правда.
*Дни священные: день перед первым числом и четвертый,
День седьмой,— в этот день родился Аполлон златолирный,—
Также восьмой и девятый. Особенно ж в месяце два есть
Дня при растущей луне, превосходных для смертных свершений,
День одиннадцатый и двенадцатый; оба счастливы
Для собиранья плодов и для стрижки овец густорунных
Но между ними двоими — двенадцатый много счастливей.
Ткет паутину высоко парящий паук в это время
*Летом,— в ту пору, когда запасливый кучу готовит.
Женщина пусть в этот день к тканью на станке приступает

Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно;
Но для посадки растений тринадцатый день превосходен.

В среднем десятке шестое число для растений опасно,
Но хорошо для зачатия мальчика. Девочке вредно
Замуж идти в этот день, равно как и на свет рождаться.
Также и в первом десятке шестое число для рожденья
Девочек мало полезно; козлят вылегчать и баранов
В это число хорошо и поскотину строить для стада.
День недурен для зачатия мальчика: будет любить он
Шутки, лукавые речи, обманы и шепот любовный.

В день восьмой кабанов подрезай и протяжно мычащих,
Крепких быков, а в двенадцатый день — выносливых мулов.

День наиболее длинный меж чисел двадцатых рождает
Мужа искусного,— будет весьма он умом выдаваться.
День недурной мужеродный — десятый; а день женородный —
В среднем десятке четвертый; овец и собак острозубых,
Тяжелоногих, рогатых быков и выносливых мулов
В этот же день хорошо приручать. Берегися в четвертый
День после новой иль полной луны допускать себе в сердце
Скорби, грызущие дух: ибо день этот очень священный.

Также в четвертый вводи к себе в дом молодую супругу,
Птиц перед тем вопросив, наилучших для этого дела.

Пятых же дней избегай, тяжелы эти дни и ужасны;
В пятый день, говорят, Эринии пестуют Орка,
Клятвопреступным на гибель рожденного на свет Эридой.

В среднем десятке седьмого священные зерна Деметры
Вей на току округленном, душою отдавшись работе.
В этот же день лесорубы пусть рубят домовые бревна
И деревянные части для стройки судов быстроходных.
А за постройку саму приниматься четвертого надо.

В среднем десятке девятка лишь к вечеру лучше бывает.
Что же до первой девятки — вреда не несет она людям:
День для посадки растений хорош, для рожденья ребенка,—
Мальчика ль, девочки ль. Очень он плох никогда не бывает.

Мало кто знает, как в месяце третья девятка полезна:
Бочку ль с вином начинать, налагать ли ярмо на затылки
Мулам, быкам и коням быстроногим, спускать ли на воду
Многоскамейчатый, быстрый корабль — в этот день превосходно.
Мало, однако, таких, кто про день этот правильно скажет.

Винную бочку вскрывай четвертого; самый священный
День меж четвертыми — средний; про тот, что идет за двадцатым,
Мало кто знает, что утром хорош он, но к вечеру хуже.

Эти вот дни для людей земнородных — великая польза.
Прочие все — ничего не несущие дни, без значенья.
Каждый различное хвалит. Но толком лишь мало кто знает:
То, словно мачеха, день, а другой раз,— как мать, человеку.

Тот меж людьми и блажен, и богат, кто, все это усвоив,
Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

ГЕСИОД

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ

ТЕОГОНИЯ

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высоком, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
*Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...

* * *

*Нежное тело свое искупавши в теченьях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,
Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
Ночью они приходили и пели чудесные песни,
Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
Города Аргоса мощной царицею златообутой,
Зевса великую дочь, синеокую деву Афину,
И Аполлона-царя с Артемидою стрелолюбивой,
И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,
И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду,
*Златовенчанную Гебу-богиню с прекрасной Дионой,
С ними — Лето, Иапета и хитроразумного Крона,
Эос-Зарю и великого Гелия с светлой Селеной,
Гею-мать с Океаном великим и черною Ночью,
Также и все остальное священное племя бессмертных.

Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:
«Эй, пастухи полевые,— несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»

Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
Вырезав посох чудесный из пышно-зеленого лавра,
Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули.
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно...
*Впрочем, ну, как я могу говорить о скале или дубе?**

С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,
Хором согласно звучащим. Без устали сладкие звуки
Льют их уста. И смеются палаты родителя Зевса
Тяжко гремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя
Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
Зевса вторым после них,— отца и бессмертных, и смертных,—
В самом начале и в самом конце воспевают богини,—
Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.
Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы.
Семя во чрево приняв от Кронида-отца, в Пиерии
Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
Чтоб улетали заботы и беды душа забывала.
Девять ночей сопрягался с богинею Зевс-промыслитель,
К ней вдалеке от богов восходя на священное ложе.
После ж того как исполнился год, времена обернулись,
Месяцы круг совершили, и дней унеслося немало,—
Единомысленных девять она дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом,
Близ высочайшей вершины одетого снегом Олимпа.

Светлые там хороводы у них и прекрасные домы.
Рядом жилища имеют Хариты и Гимер-Желанье,
В празднествах жизнь проводя. Голосами прелестными Музы
Песни поют о законах, которые всем управляют,
Добрые нравы богов голосами прелестными славят.

Песнью бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны,
Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
Как возвращались богини к родителю. В небе царит он,
Громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей,
Силою верх одержавший над Кроном-отцом. Меж богами
Все хорошо поделил он и каждому почесть назначил.

Это вот пели в дворцах олимпийских живущие Музы,
Девять богинь, дочерей многославного Зевса-владыки,—
Девы Клио, и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
И Каллиопа,— меж всеми другими она выдается:
Шествует следом она за царями, достойными чести.
Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он,—
То орошают счастливцу язык многосладкой росою.
Речи приятны с уст его льются тогда. И народы
Все на такого глядят, как в суде он выносит решенья,
С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
Если к суду обратятся они, без труда возмещенье
Полное дать, убеждая обидчиков мягкою речью.
Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди,
Как на собранье пойдет он: меж всеми он там выдается.
Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят, и лирники-мужи.
Все же цари от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
Песню услышать служителя Муз, песнопевца о славных**
Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.

Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно,—
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите,— как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилося шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы.
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
*Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший,— Эрос.
Сладкоистомный,— у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
*Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
Горы потом народила,— приятный приют для бессмертных
Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море бесплодное Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболе ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомощного он ненавидел.

Также Киклопов с душою надменною Гея родила,—
Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнию сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился.
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

А также другие еще родилися у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных,—
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес,— надменные чада.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появлялся,
Каждого в недрах Земли немедлительно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробою тяжко стонала Земля-великанша.
Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп, и его показала возлюбленным детям,
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:
«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля ответствовал матери милой:
«Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный
Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их земля приняла. А когда обернулися годы,
Мощных Эринний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,

Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою,—
Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще «Киферееей» прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Киферееей зовут потому, что к Киферам пристала,
*«Кипророжденной»,— что в Кипре, омытом волнами, родилась.
К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.
*Детям, на свет порожденным Землею, названье Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
Руку,— сказал он,— простерли они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это.

Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
К мрачной богине на ложе никто не всходил перед этим.
*Мома потом родила и Печаль, источник страданий,
И Гесперид,— золотые, прекрасные яблоки холят
За океаном они на деревьях, плоды приносящих.
Мойр родила она также и Кер, беспощадно казнящих.
(Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Антропос. Людям
Определяют они при рожденьи несчастье и счастье.)
Тяжко карают они и мужей, и богов за проступки,
И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился
Раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит.
Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,
Страшная Ночь родила, а за нею — Обман, Сладострастье,
Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.

Грозной Эридою Труд порожден утомительный, также
Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных,
Схватки жестокие, Битва, Убийства, мужей Избиенья,
Полные ложью слова, Словопренья, Судебные Тяжбы,
И Ослепленье души с Беззаконьем,— родные друг другу,—

И, наиболее горя несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно при клятве.

Понт же Нерея родил,— ненавистника лжи, правдолюбца,
Старшего между детьми. Повсеместно зовется он старцем,
Ибо душою всегда откровенен, беззлобен, о правде
Не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах.
Вслед же за этим Тавманта великого с Форкием храбрым
Понту Земля родила, и прекрасноланитную Кето,
И Еврибию, имевшую в сердце железную душу.

Многожеланные дети богинь родились у Нерея
В темной морской глубине от Дориды прекрасноволосой,
Дочери милой отца Океана, реки совершенной.
Дети, рожденные ею: Плото, Сао и Евкранта,
И Амфитрита с Евдорой, Фетида, Галена и Главка,
Дальше — Спейо, Кимофоя, и Фоя с прелестной Галией,
И Эрато с Пасифеей и розоворукой Евникой,
Дева Мелита, приятная всем, Евлимена, Агава,
Также Дото, и Прото, и Феруса, и Динамена,
Дальше — Несея с Актеей и Протомедея с Доридой,
Также Пано́пейя и Галатея, прелестная видом,
И Гиппофоя, и розоворукая с ней Гиппоноя,
И Кимодока, которая волны на море туманном
И дуновения ветров губительных с Киматолегой
И с Амфитритой прекраснолодыжной легко укрощает.
Дальше — Кимо, Эиона, в прекрасном венке Галимеда,
И Главконома улыбколюбивая, Понтопорея,
И Леагора, еще Евагора, и Лаомедея,
И Пулиноя, а с ней Автоноя и Лисианасса,
Ликом прелестная и безупречная видом Еварна,
Милая телом Псамата с божественной девой Мениппой,
Также Несо и Евпомпа, еще Фемисто и Проноя,
И, наконец, Немертея с правдивой отцовской душою.
Вот эти девы, числом пятьдесят, в беспорочных работах
Многоискусные, что рождены беспорочным Нереем.

Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру,
Взял себе в жены Тавмант. Родила она мужу Ириду
Быструю и Аэлло с Окипетою, Гарпий кудрявых.
Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.

Граий прекрасноланитных от Форкия Кето родила.
Прямо седыми они родились. Потому и зовут их
*Граями боги и люди. Их двое: одета в изящный
Пеплос одна, Пемфредо, Энио же, другая,— в шафранный.
Также Горгон родила, что за славным живут Океаном
Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов
Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.
Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстрастны были
*Обе другие. Сопрягся с Медузою той Черновласый
На многотравном лугу, средь весенних цветов благовонных
После того, как Медузу могучий Персей обезглавил,
Конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий.
*Имя Пегас — оттого, что рожден у ключей океанских,
Имя Хрисаор,— что с луком в руках золотым он родился.
Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся
К вечным богам. Обитает теперь он в платах у Зевса
И Громовержцу всемудрому молнию с громом приносит.
Этот Хрисаор родил трехголового Гериопея,
Соединившись в любви с Каллироею Океанидой.
Гериопея того умертвила Гераклова сила
Возле ленивых коров на омытой водой Ерифее.
В тот же направился день к Тиринфу священному с этим
Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана,
Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
За Океаном великим и славным, в обители мрачной.

Кето ж в пещере большой разрешилась чудовищем новым,
Ни на людей, ни на вечно живущих богов не похожим,—
Неодолимой Ехидной,— божественной, с духом могучим,
Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазою нимфой,
Наполовину — чудовищным змеем, большим, кровожадным,
В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным.
Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою,
И от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленьи:
В славном жилище ей там обитать предназначили боги.
Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна,
Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах.

Как говорят, с быстроглазою девою той сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
Вслед же за ней — несказанного Цербера, страшного видом,

Медноголосого адова пса, кровожадного зверя,
Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.
Третьей потом родила она злую Лернейскую Гидру.
Эту вскормила сама белорукая Гера-богиня,
Неукротимою злобой пылавшая к силе Геракла.
Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын Кронида,
Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,
Руководимый советом добычницы мудрой Афины.
Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.
Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.
Грозного Сфинкса еще родила она в гибель Кадмейцам,
Также Немейского льва, в любви сочетавшися с Орфом.
Лев этот, Герой вскормленный, супругою славною Зевса,
Людям на горе в Немейских полях поселен был богиней.
Там обитал он и племя людей пожирал земнородных,
Царствуя в области всей Апесанта, Немеи и Трета.
Но укротила его многомощная сила Геракла.

Форкию младшего сына родила владычица Кето,—
Страшного змея: глубоко в земле залегая и свившись
В кольца огромные, яблоки он сторожит золотые.
Это — потомство, рожденное на свет от Форкия с Кето.

От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным,
Также Стримон и Меандр с прекрасноструящимся Истром,
Фазис и Рес, Ахелой серебристопучинный и быстрый,
Несс, Галиакмон, а следом за ними Гептапор и Родий,
Греник-река с Симоентом, потоком божественным, Эсеп,
Реки Герм, и Пеней, и прекраснострующийся Каик,
И Сангарийский великий поток, и Парфений, и Ладон,
Быстрый Эвен, и Ардекс с рекою священной Скамандром.

Также и племя священное дев народила Тефия.
Вместе с царем Аполлоном и с Реками мальчиков юных
Пестуют девы,— такой от Кронида им жребий достался.
Те Океановы дщери: Адмета, Пейто и Электра,
Янфа, Дорида, Примно и Урания с видом богини,
Также Гиппо и Климена, Родеия и Каллироя,
Дальше — Зейксо и Клития, Идийя и с ней Пасифоя,

И Галаксавра с Плексаврой, и милая сердцу Диона,
Фоя, Мелóбосис и Полидора, прекрасная видом,
И Керкеида с прелестным лицом, волоокая Плуто,
Также еще Персеида, Янира, Акаста и Ксанфа,
Милая дева Петрея, за ней — Менесфо и Европа,
Полная чар Калипсó, Телестó в одеянии желтом,
Азия, с ней Хрисеида, потом Еврипома и Метис,
Тиха, Эвдора и с ними еще — Амфиро, Окироя,
Стикс, наконец: выдается она между всеми другими.
Это — лишь самые старшие дочери, что народились
От Океана с Тефией. Но есть и других еще много.
Ибо всего их три тысячи, Океанид стройноногих.
Всюду рассеявшись, землю они обегают, а также
Бездны глубокие моря,— богинь знаменитые дети.
Столько же есть на земле и бурливо текущих потоков,
Также рожденных Тефией,— шумливых сынов Океана.
Всех имена их назвать никому из людей не под силу.
Знает названье потока лишь тот, кто вблизи обитает.
Фейя — великого Гелия с яркой Селеной и с Эос,
Льющею сладостный свет равно для людей земнородных
И для бессмертных богов, обитающих в небе широком,
С Гиперионом в любви сочетавшись, на свет породила.
    С Крием в любви сочетавшись, богиня богинь Еврибия
На свет родила Астрея великого, также Палланта
И между всеми другими отличного хитростью Перса.
Эос-богиня к Астрею взошла на любовное ложе,
И родились у нее крепкодушные ветры от бога,—
Быстролетящий Борей, и Нот, и Зефир белопенный.
Также звезду Зареносца и сонмы венчающих небо
Ярких звезд родила спозаранку рожденная Эос.

    Стикс, Океанова дочерь, в любви сочетавшись с Паллантом,
Зависть в дворце родила и прекраснолодыжную Нике.
Силу и Мощь родила она также, детей знаменитых.
Нет у них дома отдельно от Зевса, пристанища нету,
Нет и пути, по которому шли бы не следом за богом;
Но неотступно при Зевсе живут они тяжкогремящем.
*Так это сделала Стикс, нерушимая Океанида,
В день тот, когда на великий Олимп небожителей вечных
Созвал к себе молневержец Кронид, олимпийский владыка,
И объявил им, что тот, кто пойдет вместе с ним на Титанов,
Почестей прежних не будет лишен и удел сохранит свой,
Коим дотоле владел меж богов бесконечно живущих.
Если же кто не имел ни удела, ни чести при Кроне,

Тот и удел, и почет подобающий ныне получит.
Первой тогда нерушимая Стикс на Олимп поспешила
Вместе с двумя сыновьями, совету отца повинуясь.
Щедро за это ее одарил и почтил Громовержец:
Ей предназначил он быть величайшею клятвой бессмертных,
А сыновьям приказал навсегда у него поселиться.
Также и данные всем остальным обещанья сдержал он,
Сам же с великою властью и силой царит над вселенной.

Феба же к Кою вступила на многожеланное ложе
И, воспринявши во чрево,— богиня в объятиях бога,—
Черноодежной Лето разрешилася,— милою вечно,
Милою искони, самою кроткой на целом Олимпе,
Благостной к вечно живущим богам и благостной к людям.
Благоименную также она родила Астерию,—
Ввел ее некогда Перс во дворец свой, назвавши супругой.

Эта, зачавши, родила Гекату,— ее перед всеми
Зевс отличил Громовержец и славный удел даровал ей:
Править судьбою земли и бесплодно-пустынного моря.
Был ей и звездным Ураном почетный удел предоставлен,
Более всех почитают ее и бессмертные боги.
Ибо и ныне, когда кто-нибудь из людей земнородных,
Жертвы свои принося по закону, о милости молит,
То призывает Гекату: большую он честь получает
Очень легко, раз молитва его принята благосклонно.
Шлет и богатство богиня ему: велика ее сила.
Долю имеет Геката во всяком почетном уделе
Тех, кто от Геи-Земли родился и от Неба-Урана.
Не причинил ей насилья Кронид и не отнял обратно,
Что от Титанов, от прежних богов, получила богиня.
Все сохранилось за ней, что при первом разделе на долю
Выпало ей из даров на земле, и на небе, и в море.
Чести не меньше она, как единая дочь, получает,—
Даже и больше еще: глубоко она чтима Кронидом.
Пользу богиня большую, кому пожелает, приносит.
Хочет,— в народном собраньи любого меж всех возвеличит.
Если на мужегубительный бой снаряжаются люди,
Рядом становится с теми Геката, кому пожелает
Дать благосклонно победу и славою имя украсить.
Возле достойных царей на суде восседает богиня.
Очень полезна она, и когда состязаются люди:
Рядом становится с ними богиня и помощь дает им.
Мощью и силою кто победит,— получает награду,
Радуясь в сердце своем, и родителям славу приносит.

Конникам также дает она помощь, когда пожелает,
Также и тем, кто, средь синих, губительных волн промышляя,
Станет молиться Гекате и шумному Энносигею.
Очень легко на охоте дает она много добычи,
Очень легко, коль захочет, покажет ее — и отнимет.
Вместе с Гермесом на скотных дворах она множит скотину;
Стадо ль в разброску пасущихся коз иль коров круторогих,
Стадо ль овец густорунных, душой пожелав, она может
Самое малое сделать великим, великое ж — малым.
Так-то,— хотя и единая дочерь у матери,— все же
Между бессмертных богов почтена она всяческой честью.
Вверил ей Зевс попеченье о детях, которые узрят
После богини Гекаты восход многовидящей Эос.
Искони юность хранит она. Вот все уделы богини.

Рея, поятая Кроном, детей родила ему светлых,—
Деву Гистию, Деметру и златообутую Геру,
Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея,
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных,
Громы которого в трепет приводят широкую землю.
Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
Новорожденный младенец из матерна чрева святого:
Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана
Царская власть над богами другому кому не досталась.
Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
Как он сам ни могуч,— умышленьем великого Зевса.
Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.
Но наконец, как родить собралась она Зевса-владыку,
Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея,
К Гее великой, Земле, и к звездному Небу-Урану,—
Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши,
Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейство
Крону-владыке, детей поглотивших, ею рожденных.
Вняли молениям дщери возлюбленной Гея с Ураном
И сообщили ей точно, какая судьба ожидает
Мощного Крона-царя и его крепкодушного сына.
В Ликтос послали ее, плодородную критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприяла Земля-великанша,
Чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.

Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.
Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался
Сын невредимым его, в безопасности полной, что скоро
Верх над отцом ему взять предстояло руками и силой,
С трона низвергнуть и стать самому над богами владыкой.

Начали быстро расти и блестящие члены, и сила
Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами.
Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:**
Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,
Хитростью сына родного и силой его побежденный.
Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.
Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил
В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом,
Чтобы всегда там стоял он, как памятник, смертным на диво.

Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно
Вверг в заключенье отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша.
Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.

Океаниду прекраснолодыжную, деву Климену,
В дом свой увел Иапет и всходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта,
Также Менетия, славой затмившего всех, Прометея
С хитрым, искусным умом и недальнего Эпиметея.
С самого этот начала несчастьем явился для смертных:
Первый от Зевса он девушку, им сотворенную, принял
В жены. Менетия ж наглого Зевс протяженногремящий
В мрачный отправил Эреб, ниспровергнувши молнией дымной
За нечестивость его и чрезмерную, страшную силу.
Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо

Там, где граница земли, где певицы живут Геспериды.
Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.
А Прометея, на выдумки хитрого, к средней колонне
В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
И длиннокрылого выслал орла: бессмертную печень
Он пожирал у титана, но за ночь она вырастала
Ровно настолько же, сколько орел пожирал ее за день.
Сыном могучим Алкмены прекраснолодыжной, Гераклом,
Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
От жесточайших страданий и тяжко-мучительной скорби,—
Не против воли высокоцарящего Зевса-Кронида:
Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле.
Честью великой решив отличить знаменитого сына,
Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометею
Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом сверхмощным.
*Ибо в то время, как боги с людьми препирались в Меконе,
Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха отложил он, и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши бычачьим желудком,
Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл ослепительным жиром.
Тут обратился к титану родитель бессмертных и смертных:
«Сын Иапета, меж всеми владыками самый отличный!
Очень неровно, мой милый, на части быка поделил ты!»

Так насмехался Кронид, многосведущий в знаниях вечных.
И, возражая, ответил ему Прометей хитроумный,—
Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши:
«Зевс, величайший из вечноживущих богов и славнейший!
Выбери то для себя, что в груди тебе дух твой укажет!»

Так он сказал. Но Кронид, многосведущий в знаниях вечных,
Сразу узнал, догадался о хитрости. Злое замыслил
Против людей он, и замысел этот исполнить решился.
Правой и левой рукою блистающий жир приподнял он,—
И рассердился душою, и гнев ворвался ему в сердце,
Как увидал он искусно прикрытые кости бычачьи.
С этой поры поколенья людские во славу бессмертных
На алтарях благовонных лишь белые кости сжигают.
В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, меж всех наиболе на выдумки хитрый!
Козней коварных своих, мой любезный, еще не забыл ты!»

Так говорил ему Зевс, многосведущий в знаниях вечных.
В сердце великом навеки обман совершенный запомнив,
Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают.
Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета:
Неутомимый огонь он украл, издалека заметный,
*Спрятавши в нарфексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
Как увидал у людей свой огонь, издалека заметный.
Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:
Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обеногий,
Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой;
Пояс на ней застегнула Афина, в серебристое платье
Деву облекши; руками держала она покрывало
*Ткани тончайшей, с главы ниспадавшее,— диво для взоров.
Голову девы венцом золотым увенчала богиня.
Сделал венец этот сам знаменитый хромец обеногий
Ловкой рукою своей, угождая родителю Зевсу.
Много на нем украшений он вырезал,— диво для взоров,—
Всяких чудовищ, обильно питаемых сушей и морем.
Много их тут поместил он, сияющих прелестью многой,
Дивных: казалось, что живы они и что голос их слышен.

После того как создал он прекрасное зло вместо блага,
Деву привел он, где боги другие с людьми находились,—
Гордую блеском нарядов Афины могучеотцовной.
Диву бессмертные боги дались и смертные люди,
*Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.

Женщин губительный род от нее на земле происходит
Нам на великое горе, они меж мужчин обитают,
В бедности горькой не спутницы,— спутницы только в богатстве.
Так же вот точно в покрытых ульях хлопотливые пчелы
Трутней усердно питают, хоть пользы от них и не видят;
Пчелы с утра и до ночи, покуда не скроется солнце,
Изо дня в день суетятся и белые соты выводят;
Те же все время внутри остаются под крышею улья
И пожинают чужие труды в ненасытный желудок.
Так же высокогремящим Кронидом, на горе мужчинам,
Посланы женщины в мир,— причастницы дел нехороших.
Но и другую еще он беду сотворил вместо блага:
Кто-нибудь брака и женских вредительных дел избегает
И не желает жениться: приходит печальная старость,—
И остается старик без ухода! А если богат он,

То получает наследство какой-нибудь родственник дальний!
Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
Если жена попадется ему сообразно желаньям,
Все же немедленно зло начинает с добром состязаться
Без передышки. А если жену из породы зловредной
Он от судьбы получил, то в груди его душу и сердце
Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!
Не обойдет, не обманет никто многомудрого Зевса!
Сам Иапетионид Прометей, благодетель великий,
Тяжкого гнева его не избег. Как разумен он ни был,
Все же,— хотел, не хотел,— а попал в неразрывные узы.
К Обриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.
В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгой и тяжкой скорбью в душе, в жесточайших страданьях.
Всех их, однако, Кронид и другие бессмертные боги,
Реей прекрасноволосой рожденные на свет от Крона,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи;
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получат и громкую славу.
Ибо уж долгое время сражалися друг против друга
В ярых, могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги-Титаны и боги, рожденные на свет от Крона:
Славные боги-Титаны — с Офрийской горы высочайшей,
Боги, рожденные Реей прекрасноволосой от Крона,
Всяких податели благ,— с вершин многоснежных Олимпа.
Гневом, душе причиняющим боль, пламенея друг к другу,
Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья
Не приходило, и не было видно конца межусобью.
Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
Нектар с амбросией,— пищу, которой питаются сами.
И преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной.
После того как амбросией с нектаром те напитались,
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам:
«Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном!
Слово скажу я, какое душа мне в груди приказала.
Очень уж долгое время, сражаясь друг против друга,
Бьемся мы все эти дни непрерывно за власть и победу,—
Боги-Титаны и мы, рожденные на свет от Крона.

Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
Страшную силу свою и свои необорные руки.
Вспомните нашу любовь к вам, припомните, сколько страданий
Вы претерпели, пока мы вам тягостных уз не расторгли
И из подземного мрака сырого не вывели на свет».

Так он сказал. И ответил тотчас ему Котт безупречный:
«Мало, божественный, нового нам говоришь ты: и сами
Ведаем мы, что и духом, и мыслью ты всех превосходишь.
Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?
И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких,
Вынесши столько великих мучений, владыка, сын Крона?
Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
И беспощадной, ужасной войною пойдем на Титанов».

Так он сказал. И одобрили слово, его услыхавши,
Боги, податели благ. И войны возжелали их души
Пламенней даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
Все они в этот же день, — мужчины, равно как и жены, —
Боги-Титаны и те, что от Крона родились, а также
Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли, —
Мощные, ужас на всех наводящие, силы чрезмерной.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.

Вышли навстречу Титанам они для жестокого боя,
В каждой из рук многомощных держа по скале крутобокой.
Также Титаны с своей стороны укрепили фаланги
С бодрой душою. И подвиги силы и рук проявили
Оба врага. Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стенящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходилися боги на битву.

Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же
Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу

Он проявил. И немедленно с неба, а также с Олимпа,
Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела,
И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный.
Почва кипела кругом, Океана кипели теченья
И многошумное море. Титанов подземных жестокий
Жар охватил, и дошло до эфира священного пламя
Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел
Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал,
Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху
Наземь обрушилось,— ибо с подобным же грохотом страшным
Небо упало б на землю, ее на куски разбивая.
Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки.
С ревом от ветра крутилася пыль, и земля содрогалась;
Полные грома и блеска, летели на землю перуны,
Стрелы великого Зевса. Из гущи бойцов разъяренных
Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный
От ужасающей битвы, и мощь проявилась деяний.
Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг с другом,
Долго они и упорно сражалися в схватках могучих.

В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сраженьях Гиес.
Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли, и на них наложили
Тяжкие узы, могучестью рук победивши надменных.
Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба.
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.

Медной оградою Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги-Титаны
Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных
В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
Выхода нет им оттуда,— его преградил Посидаон
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы, и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда, и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.

Сын Иапета пред ними бескрайно-широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
В месте, где с Ночью встречается День: через высокий ступая
Медный порог, меж собою они перебросятся словом —
И разойдутся; один поспешает наружу, другой же
Внутрь в это время нисходит: совместно обоих не видит
Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома.
Землю обходит один, а другой остается в жилище
И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься.
К людям на землю приходит один с многовидящим светом,
С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая,—
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.

Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью,— ужасные боги. Лучами своими
Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он, иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен.
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной —
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

Там же стоят невдали многозвонкие гулкие домы
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом,
С злою, коварной повадкой: встречает он всех приходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.
Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает
И пожирает, кто только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

Там обитает богиня, будящая ужас в бессмертных,
Страшная Стикс,— Океана, текущего кругообразно,
Старшая дочь. Вдалеке от бессмертных живет она в доме.
Скалы нависли над домом. Вокруг же повсюду колонны
Из серебра, и на них высоко он вздымается к небу.
Быстрая на ноги дочерь Тавманта Ирида лишь редко
С вестью примчится сюда по хребту широчайшему моря.
Если раздоры и спор начинаются между бессмертных,
Если солжет кто-нибудь из богов, на Олимпе живущих,
С кружкою шлет золотою отец-молневержец Ириду,
Чтобы для клятвы великой богов принесла издалека
Многоимянную воду холодную, что из высокой
И недоступной струится скалы. Под землею пространной
Долго она из священной реки протекает средь ночи,
Как океанский рукав. Десятая часть ей досталась:
Девять частей всей воды вкруг земли и широкого моря
В водоворотах серебряных вьется и в море впадает.
Эта ж одна из скалы вытекает, на горе бессмертным.
Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой
Кто из богов поклянется, живущих на снежном Олимпе,
Тот бездыханным лежит в продолжение целого года.
Не приближается к пище,— к амвросии с нектаром сладким,
Но без дыханья и речи лежит на разостланном ложе.
Сон непробудный, тяжелый и злой его душу объемлет.
Медленный год протечет,— и болезнь прекращается эта.
Но за одною бедою другая является следом:
Девять он лет вдалеке от бессмертных богов обитает,
Ни на собранья, ни на пиры никогда к ним не ходит.
Девять лет напролет. На десятый же год начинает
Вновь посещать он собранья богов, на Олимпе живущих.
Так-то вот клясться богами положено ненарушимой
Стиксовой древней водою, текущей меж скал каменистых.
Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы, и начала,—
Страшные, мрачные; даже и боги пред ними трепещут.
Там же — ворота из мрамора, медный порог самородный,
Неколебимый, в земле широко утвержденный корнями.

Перед воротами теми снаружи, вдали от бессмертных,
Боги-Титаны живут, за Хаосом угрюмым и темным.
Там же, от них невдали, в глубочайших местах Океана,
В крепких жилищах помощники славные Зевса-владыки,
Котт и Гиес живут. Бриарея ж могучего сделал
Зятем своим Колебатель земли протяженногремящий,
Кимополею отдав ему в жены, любезную дочерь.

После того, как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.
Силою были и жаждой деяний исполнены руки
Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами
Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
Взглянет любой головою,— и пламя из глаз ее брызнет.
Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали
Невыразимые, самые разные: то раздавался
Голос, понятный бессмертным богам, а за этим,— как будто
Яростный бык многомощный ревел оглушительным ревом;
То вдруг рыкание льва доносилось, бесстрашного духом,
То, к удивлению, стая собак заливалася лаем,
Или же свист вырывался, в горах отдаваяся эхом.
И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа,
Если б остро́ не удумал отец и бессмертных, и смертных.
Загрохотал он могуче и глухо, повсюду ответно
Страшно земля зазвучала и небо широкое сверху,
И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.
Тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул,
Только лишь с места Кронид поднялся. И земля застонала.
Жаром сплошным отовсюду и молния с громом, и пламя
*Чудища злого объяли фиалково-темное море.
Все вкруг бойцов закипело — и почва, и море, и небо.
С ревом огромные волны от яростной схватки бессмертных
Бились вокруг берегов, и тряслася земля непрерывно.
В страхе Аид задрожал, повелитель ушедших из жизни,
Затрепетали Титаны под Тартаром около Крона
От непрерывного шума и страшного грохота битвы.
Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружье схватился,—
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
И укротил его Зевс, полосуя ударами молний.

Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанша.
После того как низвергнул перуном его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расселин
Этны, скалистой горы. Загорелась Земля-великанша
От несказанной жары и, как олово, плавиться стала,
В тигле широком умело нагретое юношей ловким.
Так же совсем и железо,— крепчайшее между металлов,—
В горных долинах лесистых огнем укрощенное жарким,
Плавится в почве священной под ловкой рукою Гефеста.
Так-то вот плавиться стала Земля от ужасного жара.
Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоея забросил.

Влагу несущие ветры пошли от того Тифоея,
Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира:
Эти — из рода богов, и для смертных великая польза.
Ветры же прочие все — пустовеи и без толку дуют.
Сверху они упадают на мглисто-туманное море,
Вихрями злыми крутясь, на великую пагубу людям;
Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят
И мореходчиков губят. И нет от несчастья защиты
Людям, которых те ветры ужасные в море застигнут.
Дуют другие из них на цветущей земле беспредельной
И разоряют прелестные нивы людей земнородных,
Пылью обильною их заполняя и тяжким смятеньем.

После того как окончили труд свой блаженные боги
И в состязанье за власть и почет одолели Титанов,
Громогремящему Зевсу, совету Земли повинуясь,
Стать предложили они над богами царем и владыкой.
Он же уделы им роздал, какой для кого полагался.

Сделалась первою Зевса супругой Метида-Премудрость;
Больше всего она знает меж всеми людьми и богами.
Но лишь пора ей пришла синеокую деву Афину
*На свет родить, как хитро и искусно ей ум затуманил
Льстивою речью Кронид и себе ее в чрево отправил,
Следуя хитрым Земли уговорам и Неба-Урана.
Так они сделать его научили, чтоб между бессмертных
Царская власть не досталась другому кому вместо Зевса.
Ибо премудрых детей предназначено было родить ей,—
Деву Афину сперва, синеокую Тритогенею,
Равную силой и мудрым советом отцу Громовержцу;
После ж Афины еще предстояло родить ей и сына,—
С сердцем сверхмощным, владыку богов и мужей земнородных.

Раньше, однако, себе ее в чрево Кронион отправил,
Дабы ему сообщала она, что зло и что благо.

*Зевс же второю Фемиду блестящую взял себе в жены,
И родила она Ор,— Евномию, Дику, Ирену
(Пышные нивы людей земнородных они охраняют),
Также и Мойр, наиболее почтенных всемудрым Кронидом.
Трое всего их: Клофо́ и Ла́хесис с Атропос. Смертным
Людям они посылают и доброе все, и плохое.

Трех ему розовощеких Харит родила Евринома,
Славная дочь Океана с прелестным лицом. Имена их:
Первой — Аглая, второй — Евфросина и третьей — Фалия.
Взглянут,— сладко-истомная страсть из-под век их прелестных
Льется на всех, и блестят под бровями прекрасные очи.

После того он на ложе взошел к многокормной Деметре,
И Персефоной его белолокотной та подарила:
Деву похитил Аид у нее с дозволения Зевса.

Тотчас затем с Мнемосиной сошелся он пышноволосой.
Муз родила ему та, в золотых диадемах ходящих,
Девять счетом. Пиры они любят и радости песни.

С Зевсом эгидодержавным в любви и Лето сочеталась.
Феба она родила с Артемидою стрелолюбивой;
Всех эти двое прелестней меж славных потомков Урана.

Самой последнею Геру он сделал своею супругой.
Гебой, Ареем его и Илифией та подарила,
Совокупившись в любви с владыкой бессмертных и смертных.

Сам он родил из главы синеокую Тритогенею,—
Неодолимую, страшную, в битвы ведущую рати,
Чести достойную,— милы ей войны и грохот сражений.
В гневе великом на это, поссорилась Гера с супругом
И, не познавши любовных объятий, родила Гефеста.
Между потомком Урана в художествах всех он искусней.

*От Амфитриты и тяжко гремящего Энносигея
Широкомощный, великий Тритон родился, что владеет
Глубью морской. Близ отца он владыки и матери милой
В доме живет золотом,— ужаснейший бог. Киферея

Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье,
Ужас вносящих в густые фаланги мужей-ратоборцев
В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов.
Дочь родила она также Гармонию, Кадма супругу.

Мая, Атлантова дочерь, взошла на священное ложе
К Зевсу и вестником вечных богов разрешилась, Гермесом.

Кадмова дочерь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом,
Сына ему родила Диониса, несущего радость,
Смертная — бога. Теперь они оба бессмертные боги.

Мощную силу Геракла на свет породила Алкмена,
В жаркой любви сочетавшись с Кронидом, сбирающим тучи.

Сделал Аглаю Гефест, знаменитый хромец обеногий,
Младшую между Харит, своею супругой цветущей.

А Дионис златовласый Миносову дочь Ариадну
Русоволосую сделал своею супругой цветущей.
Зевс для него даровал ей бессмертье и вечную юность.

Сын необорно-могучий Алкмены прекраснолодыжной,
Сила Геракла, приведши к концу многостонные битвы,
Сделал супругой почтенной своею на снежном Олимпе
Златообутую Герой от Зевса рожденную Гебу.
Дело великое между богов совершил он, блаженный,
Ныне ж, бесстаростным ставши навеки, живет без страданий.

Кирку на свет родила Океанова дочь Персеида
Неутомимому Гелию, также Аэта-владыку.
Царь же Аэт, лучезарного Гелия сын знаменитый,
Взял себе в жены Идию, прекрасноланитную деву,
Дочь Океана, реки совершенной, богам повинуясь.
Та же его подарила Медеей прекраснолодыжной,
Силою чар Афродиты любви его страстной отдавшись.

Всем вам великая слава, живущие в домах Олимпа...

* * *

Материки, острова и соленое море меж ними.

Ныне ж воспойте мне племя богинь, олимпийские Музы,
Сладкоречивые дщери эгидодержавного Зевса,—

Тех, что, с мужчинами смертными ложе свое разделивши,—
Сами бессмертные,— на свет родили детей богоравных.

Плутос-богатство рожден был Деметрой, великой богиней.
*С Иасионом-героем в любви сопряглась она страстной
В критской богатой округе на три раза вспаханной нови.
Бродит он, благостный бог, по земле и широкому морю
Всюду. И кто его встретит, кому попадется он в руки,
Тот богатеет и много добра наживать начинает.

Кадму Гармония, дочь золотой Афродиты, родила
В Фивах, стеною прекрасно венчанных, Ино и Семелу,
Также Агаву с прелестным и милым лицом, Полидора
И Автоною (супругом ей был Аристей длинновласый).

Силой Киприлиных чар Океанова дочь Каллироя
Соединилась в любви с крепкодушным Хрисаором мощным
И родила Гериона ему,— между смертными всеми
Самого мощного. Сила Геракла его умертвила
Из-за коров тяжконогих в омытой водой Эрифе.

Эос-Заря от Трифона родила царя эфиопов
Мемнона медноору́жного с Эмафионом-владыкой.
После того от Кефала она родила Фаэтона,
Светлого, мощного сына, бессмертным подобного мужа.
Был он с земли унесен Афродитой улыбколюбивой
В то еще время, как был беззаботно-веселым ребенком,
В нежном цветении детства прекрасного. Храмы святые
Он по ночам охраняет, божественным демоном ставши.

*Деву, дочерь Аэта-владыки, вскормленного Зевсом,
Внявши совету бессмертных богов, у Аэта похитил
*Сын благородный Эсона, труды многостонные кончив.
Много ему поручил совершить их владыка сверхмощный,
Мыслей и дел нечестивых исполненный, Пелий надменный.
Их совершивши и бед претерпевши немало, к Иолку
Прибыл на резвом своем корабле Эсонид с быстроглазой
Девой и сделал цветущей своею супругой ту деву.
И сочетался с ней пастырь народов Ясон. И родила
Сына Медея она. В горах Филиридом Хироном
Был он вскормлен. И свершилось решенье великого Зевса.

Из дочерей же Нерея, великого старца морского,
Сына Фока на свет породила богиня Псамата,

Через золотую Киприду в любви сочетавшись с Эаком.
Со среброногой богиней Фетидой Пелей сочетался,
И родился Ахиллес, львинодушный рядов прорыватель.

Славный Эней был рожден Кифереей прекрасновенчанной.
В страстной любви сопряглася богиня с Анхисом-героем
На многолесных вершинах богатой оврагами Иды.

Кирка же, Гелия дочь, рожденного Гиперионом,
Соединилась в любви с Одиссеем, и был ею на свет
Агрий рожден от него и могучий Латин безупречный.
(И Телегона она родила чрез Киприду златую.)
Оба они на далеких святых островах обитают
И над Тирренцами, славой венчанными, властвуют всеми.
В жаркой любви с Одиссеем еще Калипсо сочеталась,
И Навсифоя, — богиня богинь, — родила с Навсиноем.

Эти, с мужчинами смертными ложе свое разделивши, —
Сами бессмертные, — на свет родили детей богоравных.
Ныне же племя воспойте мне жен, олимпийские Музы,
Сладкоречивые дщери эгидодержавного Зевса...

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню,— забыть не смогу,— о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут,
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомощных оружье снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердцем Лето веселится,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

Что же спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила.
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,

Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос трудноподступный,
*Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корика,
Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпаф, от ветров не закрытый.
Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос,—
Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:

«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище сын мой,
Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, что ни овцами ты не богат, ни быками,
Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...
. . . .
Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...
. . . .
*От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».

Так говорила. И радостно Делос богине ответил:

«Верь мне, Лето, многославная дочерь великого Коя:
С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рожденье,
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
После же этого все бы почет мне оказывать стали.
Сильно, однако,— не скрою, богиня,— страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
Неукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:

Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится,— скалиста, бедна моя почва,—
И в многошумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить беззаботно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом
Для провещания божьих велений, и после того лишь...
. . . .
Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

«Этой землею клянуся и небом широким над нами,
Стикса подземно текущей водой,— меж богов всеблаженных
Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почтит он тебя перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собралися вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,**
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белорукая Гера,
Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернула обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде,—
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога

И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.

Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралася богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.
Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белою тканью повивши,—
Новою, сделанной тонко,— ремнем золотым закрепили.
Груди своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людям начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неиссчетнодорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,**
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревных;
Любы все выси тебе, уходящие в небо вершины
Гор высочайших и реки, теченье стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.**
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,**
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,

Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильны.
Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгинуть,—
Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки,**
Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
Голос его,— до того хорошо их налажены песни.

Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
Вам же, о девы, привет! И впредь обо мне не забудьте.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
Кто доставляет из них наибольшее вам наслажденье?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем».
Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Ликией ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном
. . . .
Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
Сын многославный Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на боге одежды бессмертные. Струны
*Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.

Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись, оттуда
Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут,— неумелые, с разумом скудным, не в силах
Средства от смерти найти и защиты от старости гнусной.
Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду,—
Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова матерь, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.

Что же мне спеть о себе? Песнопений во всем ты достоин.
Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты,**
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам, многоконным Елатионидом?
Иль как Форбанта из рода Триопова, иль Амаринфа...
Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женою Левкиппа...
. . . .
Пеший, а он на конях . . . .
. . . .
Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Имафию после того миновал, Эниены,
Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной,— но сердце твое не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.
После того перешел ты Еврип, Аполлон-дальновержец,
И поднялся на зеленую гору святую, с нее же

Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
По хлебородной равнине фиванской: лишь лес простирался.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
*И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей,
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревную рощу,—
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лилеи.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.
Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:

«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь.
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безукорные мне гекатомбы,—
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:

«Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безупречные здесь гекатомбы.

Вот что, однако, скажу я тебе,— и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
И у божественных наших истоков поимые мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал,— могучей и лучше
Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила,—
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
*Иэпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».

Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты,
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
Обращена она склоном на запад, над ней нависает
Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:

«Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решаю,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно**
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы,—
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из каменьев Трофоний возвел с Агамедом,**
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.

Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей, на бессмертную славу.
*Близко оттуда — прекрасно струистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука,—
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле,— причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам,— бедоносец кровавый.

*Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
После того как Афину преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И средь собранья бессмертных такое промолвила слово:

«Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, о богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель,—
Прежде, когда еще только я стала женой ему доброй:
Ныне же снова, помимо меня разрешившись Афиной,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских.
Мной же самою рожденный Гефест между тем оказался**
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...

. . . .

В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Но сребраногая дочерь Нерея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим чем она угодить постаралась бессмертным...
Жалкий, коварный изменник! Теперь еще что ты замыслишь?
Как же один породить совоокую смел ты Афину?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твоею женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким.
Ныне, однако, и я постараюся, как бы дитя мне,
Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».

Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным сердцем.
И возложила на землю ладонь волоокая Гера
И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:

«Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте, боги-Титаны, вкруг Тартара в глуби подземной
Жизнь проводящие,— вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида
Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса.
Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превосходит».

Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.
Заколебалась земля живоносная. Это увидев,
Возвеселилася Гера: решила — услышана просьба.
И ни единого разу с тех пор в продолжение года
Не восходила она на постель многомудрого Зевса
И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
Часто советы супругу разумные в спорах давала.
В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера-царица.
После ж того как и дней и ночей завершилось теченье,
Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало.

День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:
«Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей смертных!
Больше, живя, ты не будешь свирепою пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифоэю,
Ни злоимянной Химере. На этом же месте сгниешь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона».

Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
Мы называем пифийским: на месте на этом сгноила**
Острого Гелия сила останки свирепого гада.

Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон дальнострельный,
Из-за чего он обманут прекрасноструистой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:

«Ты обманула, Тельфуса, меня. Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною».

Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
Царь — Аполлон-дальновержец и скрыл под обвалом теченье.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его Тельфусийским.
Так как Тельфусы священной течение там посрамил он.

Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальновержец.
Как бы ему и кого из людей привести в это место,
Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом,
Жертвы ему приносили б и всем возвещали законы
Золотолукого Феба-властителя, что б ни сказал он,
Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.**

Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря
Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
Критян из града Миносова Кноса,— они для владыки...
. . . .
Ради богатств и товаров на судне они своем черном
Плыли в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.**
Вдруг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
Выскочил он из воды, уподобившись видом дельфину.**
Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
Из моряков же никто догадаться не мог и не видел...
. . . .
И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
Не распустили снастей на бокастом судне они черном
И парусов корабля черноносого ставить не стали:
Как они что-либо где укрепили ремнями сначала,
Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их

*Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
Прибыли в Тенар,— страну, где царит утешающий смертных
Гелиос; в мягких лугах превосходного этого края
Много пасется обычно овец густорунных владыки.
Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их,—
Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
Судно в Арену пришло, в Аргифею, приятную видом,
В Фриос на броде Алфейском и славные зданьями Эпи,
Дальше — в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
Мимо Элиды священной прошел он,— державы епейцев,
Зевсову радуясь ветру попутному, Феры покинул.
И показались вдали из-за облак утесы Итаки,
Следом — Дулихий, и Саме, и Закинф, покрытый лесами.
Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
Пелопоннес плодоносный собой отделивший от суши,
Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем
Горько-соленым как можно скорее промчался корабль их.
Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
Поплыли. Вел же Кронионов сын, Аполлон-повелитель.
К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
Сыпались густо с нее; достигало до неба сиянье.
В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
От Аполлонова взблеска. И ужас объял их великий.
Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;

Длинные кудри его на широкие падали плечи.
Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?
Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
На берег вы, отчего не свернете снастей корабельных?
Нет меж трудящихся тяжко людей, кто бы делал иначе,
После того как на черном своем корабле быстроходном
К суше пристанет, трудом изнуренный; душой его тотчас
Овладевает желанье великое сладостной пищи».

Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:

«О чужестранец! Осанкой и всем своим видом походишь
Ты не на смертнорожденных людей,— на бессмертного бога.
. . . .
Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастие боги!
Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?
В место другое держали мы путь по великому морю,—
В Пилос из Крита: оттуда мы родом, и этим гордимся.
Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле.
Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».

Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:

«Странники! В Кносе, богатом деревьями, вы обитали
Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,
В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
К милым супругам. Но здесь вы получите храм мой богатый,
Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном,
Вас же сюда я привел чрез великую бездну морскую,
Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье**
Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволеньем,
Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
Ну, а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
Прежде всего развяжите ремни и спустите ветрила;

Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
Из ровнобокого судна богатства все выньте и снасти,
Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
Так как впервые из моря туманного в виде д е л ь ф и н а
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Д е л ь ф и н и ю, и да зовется
Жертвенник этот д е л ь ф и й с к и м. И будет он славен вовеки.
Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
После ж того как свой голод вы сладкой едой утолите,
Вместе идите со мною, пэан затянувши, доколе
Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».

Так он промолвил. Они же приказу его подчинились.
Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах,
Сами же вышли на берег крутой многошумного моря,
После того из воды высоко на песок оттащили
Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
И возлиянье свершили блаженным богам олимпийским.
После того как желанье питья и еды утолили,
Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-дальновержец,
С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
Дивно, высоко шагая. И, топая дружно ногами,
Критяне следом спешили в Пифон и пэан распевали,
Как распевается песня у критян, которым вложила
В груди бессмертная Муза искусство сладчайшего пенья.
Неутомимо на холм поднимались они и достигли
Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
Жить им остаться теперь, почитанием пользуясь общим,
Храм свой богатый он им показал и святилища в храме.
Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:

«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,
Нас ты завел, ибо так твоему пожелалося сердцу.

Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться».

И, улыбнувшись, ответствовал им Аполлон дальнострельный:

«Вечно вы ищете духом, нестойкие, глупые люди,
Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
В правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью
Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных.
Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...
. . . .
Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает,—
Люди другие тогда властелинами станут над вами,
И в подчиненье у них навсегда вам придется остаться.
Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»

Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

III. К ГЕРМЕСУ

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,**
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
Время пришло,— и свершилось решенье великого Зевса:
Сын родился у богини,— ловкач, изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел Аполлона;

Было четвертого это числа, как явился он на свет.
После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
*Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву щипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:

*«Знаменье очень полезное мне,— и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утехи,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?
Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первою будешь.
*Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певицей».

Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
Милую эту утеху своими сготовив руками,
*Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел он о Зевсе-Крониде и Майе прекраснообутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.

Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кончив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
В люльке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошеных
Стойло имели коровьи стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые ведал.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.
Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
*Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
Вместе с листвой и пошел, избегая проезжей дороги,
Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидал тут старик, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травою Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:

«Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы,— вина ты получишь немало!
. . . .
Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»

Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий,
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
*Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
Сын многомощный Кронида к Алфею-реке в это время
Широколобых коров подогнал Аполлона-владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким

И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
Вволю протяжно мычащих коров накормивши травою,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
Шли они, клевер жуя и росою обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
*Чтоб по руке приходилась. И дым заклубился горячий.
Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилося пламя
И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
Дышащих тяжко коров повалил он спиною на землю
И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо до жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедра и спины — почетный кусок — и наполненный черной
Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.
Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:
И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
Можно на той же скале увидать. А потом, разложивши
*Жирное мясо на камне, широком и гладком, разрезал
Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;
Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы;
Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.
Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким,—
*Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
Ноги и головы все целиком сожжению предал.
После того как исполнил он все сообразно обряду,
В водовороты Алфея сын Майи сандалии бросил,**
*Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.

Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодавец,
Съежившись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
*Ветру осеннему или седому подобный туману.

Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец.
В руки простынку схватил и ею играл вкруг коленок.
Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
Скрыться от матери,— бог от богини. И молвила Майя:

«Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный бесстыдством,
Ты возвращаешься ночью глухой? Погоди, мой голубчик!
Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда,—**
Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
Людям и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»

Матери тотчас Гермес хитроумный ответствовал речью:

«Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым? —
Видит, разгневалась мать,— испугался младенец, затрясся.—
Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
Будем мы в день изо дня скотоводничать вместе с тобою.
И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,
В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
Ну, а не даст мне ее мой родитель,— так что же? Другое
Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославный Лето и отыщет,—
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидишь сама, коль захочешь».

Так они оба словами вели меж собой разговоры —
Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
*Земледержателя громко шумящего. Там увидал он:

Скармливал изгородь старец волу в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:

*«Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травою!
Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
Всё это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
Огненноокиx четыре собаки за стадом ходили,
Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались — и это особенно странно,—
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи, не видал ты,
Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:

«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылося солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне,
Точно, любезный, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.
Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
Вспять он коров оттеснял, с головою к нему обращенной».

Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
И увидал Дальновержец следы, и промолвил он слово:

«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
*Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя,
И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
*Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел на гору он Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальновержец.

Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,**
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается туча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав Дальновержца.
Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.

Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын дальнострельный
Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,
Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
Платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной, —
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:

«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?
Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывесть оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая».

Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал.
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?

Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о ванночке теплой,
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,
Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!
Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть невиновен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистеть и кругом озираться,
Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:

«О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью. Как много народу дотла ты очистишь,
Делая в доме без шума свою воровскую работу,
Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,**
Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:
Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.

В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решенье
Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух,—
Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
Сел перед ним, хоть и очень продолжить свой путь торопился,
И, над Гермесом глумяся, такое сказал ему слово:

«Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты же укажешь!»

Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский,
И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
Крепко пеленку прижал, облекавшую плечи, и молвил:

«О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»

Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекоразящим,
Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что сцапал того за коров не напрасно,
Тот же, другой, Киллениец,— коварно ласкательной речью
Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди, сзади же, следом за ним — Аполлон-дальновержец...

Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
Там ожидали того и другого весы правосудья.
Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою сбирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.
Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:

«Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу,—
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собраньем бессмертных!»

Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:

«О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:
Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.

В мире мошенников много,— такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не встречал я.

Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их,— деянье поистине славного бога!
В черной пыли подорожной коровьих следов отпечатки
Шли в направленье обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!
Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
После ж того, как песчаной дорогой прошел он немало,
Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден
След ни его, ни коров. Но один человек заприметил,
Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолженье дороги,—
С черною сходствуя ночью, залег он в свою колыбельку,
В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый
Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирал он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»

Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,
И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

«Зевс, мой родитель! Всю правду как есть от меня ты услышишь.
Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанье приказывал мне с принужденьем великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился,— он и сам это знает,—
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.

Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял,— да не буду я счастлив!
И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чту. И ты знаешь
Сам, что невинен я в этом. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь,— невиновен!
А уж за обыск я с ним сосчитаюся так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»

Кончил Килленец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, ее он не сбросил.
Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатый,
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.
Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилий.

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на броде Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро Гермесу промолвил:

«Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать,—
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?
Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы он вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»

Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
Руки. Но сами собою на нем распустилися узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...

. . . .
По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,

*Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...

. . . .

Спрятать пытаясь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя-Дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
Плектром испробовал струны одна за другою. Кифара
Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуясь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю,—
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
Первой между богинями он Мнемосину восславил,
Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
Неукротимой любовью душа разгорелася Феба,
И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

«О ското止рез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки,
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
Дивные эти деянья тебе от рожденья ль присущи,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
Слушаю я этот дивный, доселе неслыханный голос,—
Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенье забот с ним приходит?
Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радостность духа, любовь и сон благодатный.
Сопровождаю я сам и божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяньям искусным, явленным тобою.

Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь,—
Верно тебе говорю я,— и сам ты, и мать твоя также.
Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»

Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:

«Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно,
Ибо на первом ты месте сидишь близ богов всеблаженных,
Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
Зевс-промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь
С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты,—
Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
С нею ты будешь желанным везде,— и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в шествии буйно веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши,—
Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы бессчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь,
Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.
И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится,—
Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявши,
Сын знаменитый Лето, Аполлон, дальнострельный владыка,
Плектром испробовал струны одна за другою. Кифара
Сладостный звук испустила. А бог подпевал ей прекрасно.

После того повернули назад они стадо коровье
К лугу священному, сами ж, прекрасные дети Кронида,
На многоснежный Олимп воротились, в собранье
бессмертных,
Лирою тешась. И радость взяла промыслителя-Зевса.
. . . .
Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

«Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки
хитрый,
Как бы кифары моей не стянул ты и гнутого лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты,—
Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою,—
Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный
В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных,—
Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог. «Превосходным
Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я
Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из
злата.
Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.

Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу другому:
Много имею я дела с родами бессчастными смертных.
И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лёту и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
Тот от оракула пользу получит, не будет обманут.
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —**
Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодавец!
*Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы,
Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
А обитают они в углубленье Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
К сотам они приникают и все их дотла очищают.
Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
Всею душою хотят говорить они чистую правду.
Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...
. . . .
Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, —
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному посланцом безупречным к Аиду.
Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».

Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.
Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
Ныне ж тебя помянув, я к песне другой приступаю.

IV. К АФРОДИТЕ

Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море,
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:**
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины,—
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.
Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожею нежной она обучила в чертогах
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбколюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки,
*Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец,—
Не пожелала она и сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличье прекрасное Зевс в возмещенье безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она как первейшая между богами.

Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избегнуть ее никому невозможно,
Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды,—
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным,
Славную Крон хитроумный и матерь Рея родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.

Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем**
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
Чтобы нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,
Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
Иды, богатой ключами,— осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбколюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой душистый
В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
*Маслом бессмертным, какое обычно для вечноживущих.
Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбколюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную матерь.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двое все разошлися по логам тенистым. Она же
Прямо к пастушьим пришла шалашам, что сделаны прочно,

Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке он туда и обратно
По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочерь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.
Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
Виду и росту ее и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
Месяц вкруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:

«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая,— кто бы
Ты ни была из блаженных,— Лето, Артемида, Афина,
Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
Влажногустые леса и прекраснотенистые рощи?
Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно
Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».

Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:

«Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных, славнейший!
Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
Смерти подвержена я. И жена родила меня, матерь.
Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты.**
Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,

Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
Вот почему языком хорошо я и вашим владею.
Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вожделенных.
И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.**
Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
Лишь плотоядные звери блуждают по логам тенистым;
Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
Также и близким, с тобой находящимся в родственных связях,
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам,
Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей,
Золота много тебе они вышлют и тканой одежды.
Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги и люди».

Так говорила и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

«Если ты смертная впрямь и жена родила тебя матерь,
Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою,—
То уж никто из богов и никто из людей земнородных
Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальновержец
Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»

Руку он взял Афродиты улыбколюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К постланной пышно постели. Там сложено было уж раньше
Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжко рыкающих львов и косматых медведей,
Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил и сиявшие светом одежды
С тела богини совлек и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ,
Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вкруг тела оправив, у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
Той красотою нетленной, какою славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

«Встань, поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне непробудном?**
Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какою сначала меня ты увидел глазами».

Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидал он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор отвративши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

«Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что мне ты неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!»

И отвечала ему Афродита, Кронидова дочерь:

«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных, славнейший!
Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем,—
Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко,—
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещенье за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.**
Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
После того как услышал он Зевсово это известье,
Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.
Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос,—**
Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
С просьбой прибегла она к чернотучному Зевсу-Крониду
Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
Близ океанских течений у граней земли обитая.
С той же поры, как сединки в его волосах появились
На голове благородной и на подбородке прекрасном,
Ложе его посещать перестала владычица Эос,
Но за самим продолжала ходить и амбросией сладкой,
Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
После ж того как совсем его грозная старость настигла
И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть,—
Вот каковое решенье представилось ей наилучшим:

В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
Сила, которою были исполнены гибкие члены.
Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит,—
Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
Трудная, полная горя, которой и боги боятся.**
Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
После того как впервые он солнца сиянье увидит,
Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца,—
Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
Долгое время живут, амвросийской питаются пищей
И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
С лаской любовной силены и Аргуса зоркий убийца.
С ними, как только родятся они, появляются на свет
Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
В это же время и души тех нимф расстаются со светом.
Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
После ж того как впервые придет к нему милая юность,
*Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.

Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
То отвечай,— и навеки запомни мое приказанье,—
Что родила тебе сына того цветколицая нимфа,—
Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
Что сочетался в любви с Киферeeй прекрасновеночной,—
Зевс тебя в гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей.
Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
Не проболтайся, сдержись,— трепещи перед гневом бессмертных!»
Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

V. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволосую петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней, с изволенья пространно гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы,— цветок, из себя порожденный Землею,**
*По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
Чтоб цветколицую деву прельстить — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины, и прянул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных,
И ни один из людей, ни одна из подруг пышноруких.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочерь,

Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.
Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
С глаз не исчезли у девы,— надежды она не теряла
Добрую матерь увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...
. . . .
Ахнули тяжко от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услыхала.
Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.

Девять скиталася дней непрерывно Део пречестная,**
С факелом в каждой руке обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч,—
Вествуя матери, слово сказала и так говорила:

«Пышноцарящая, добропогодная матерь Деметра!
Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто похититель ее. По совести все говорю я...»
. . . .
Так говорила Геката. И ей не ответила речью
Реи прекрасноволосой дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю матерь:

«Гелиос! Сжалься над видом моим, если словом иль делом
Я хоть когда-нибудь сердце и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом,—
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
Все озаряешь ты сверху — широкую землю и море.
Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
Кто из бессмертных богов иль, быть может, из смертнорожденных,
Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно».

Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:

«Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
Брату Аиду назвать твою дочерь цветущей супругой
Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
Зятем себе почитаешь властителя Аидонея,
Единокровного брата родного? Притом же и чести
Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».

Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
(Был в это время царем благовонного он Элевсина).
Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
У Парфенейского села колодца, где граждане воду
Черпают,— села в тени под оливковым деревом, образ
Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
Венколюбивой дары Афродиты и деторожденье.

Няни такие бывают у царских детей или также
Ключницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
Дочери там элевсинца Келея ее увидали.
Шли за водою они легкочерпною, чтобы, сосуды
Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом,—
Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:
«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».

Так говорили. Ответила им пречестная богиня:

«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных,
Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная матерь.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.
Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших,
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участье и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорожденным ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;

Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».

Тотчас ответила ей Каллидика, не знавшая мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:

«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,**
Долиха и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,**
Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложенье отвергнет.
Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Все подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно,
Позднорожденный растет, горячо и издавно желанный.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы,—
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Так говорила. Она головою кивнула. И девы
Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.
Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери все сообщили, что видели, что услыхали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд: развевались
Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался, божественно легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея

И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная матерь Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом,
Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.
*Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба.**
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив**
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

«Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты происходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
Поздно его и нежданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы,—
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновеночная ей отвечала Деметра:

«Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастия боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,

Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
Знаю и против вредительских чар превосходное средство».

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

Вскармливать стала богиня прекрасного Демофоонта,
Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
Словно как факел, она погружала, и было им дивно,—
Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
Проговорила слова окрыленные в горе великом:

«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»

Так говорила, печалясь. Услышала это богиня.
Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:

«Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянуся, водой беспощадного Стикса,—
Сделать могла бы навек не стареющим я и бессмертным
Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
Ныне же смерти и Кер уж избегнуть ему невозможно.
В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
*Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору**

Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...

. . . .

Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме**
Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».

Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далёко до прежней!

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилося утро,
Все рассказали Келею широкодержавному точно,
Что приказала Деметра прекрасновеночная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того как исполнили все и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.

Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновеночная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
С голоду племя погибло б людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучного Зевса-Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь пространство,
В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:
«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди,— да не будет напрасным Кронидово слово!»

Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
Звали богиню и много дарили даров превосходных,
Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Тотчас отправил в Эреб златожезлого Аргоубийцу,
Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собранье богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным

Все еще дух волновался ее на решенье бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:

«Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет,—
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных
Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
Знаться с богами. Сидит вдалеке средь душистого храма,
Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших,
Аидоней, и, послушный веленьям властителя Зевса,
Персефонее разумной тотчас же отдал приказанье:
«К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
Кроткую силу и благостный дух во груди сохраняя.
И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась
Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
На колесницу богиня вступила. И, в милые руки
Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
Аргоубийца могучий; охотно они полетели.
Быстро великий проделали путь; ни широкое море
Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
Поверху резали воздух они высоко над землею.
Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
Остановил он,— пред храмом душистым. Она же, увидев,
Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу.

А Персефона . . . .
Матери милой своей . . . .
Бросилась . . . .
Ей же . . . .
. . . .
. . . .

«Дочь моя . . . .
Пищи. Скажи откровенно . . . .
Ибо тогда, возвратившись, ...
Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса...
Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.
Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года
Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.
Две остальные — со мною, а также с другими богами.
Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
Черную землю покроют,— тогда из туманного мрака
Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.
. . . .

Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:

«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
После того как Гермес-благодавец, глашатай проворный,
Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила,—
Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
Сунул зерно мне граната он в руку,— сладчайшее вкусом,—
И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство,—
Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
Также Мелита и Яхе, Родеия и Каллироя,
Тиха, Мело́босис и цветколицая с ней Окироя.
И Хрисеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
Также Родопа, Плуто́ и прелестная видом Калипсо,
С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
Дева Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
Стрелолюбивая — все мы играли, цветы собирали,
Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,

Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
Радуясь сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
Вдруг раздалася. Взвился из нее Полидегмон могучий.
Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
Хоть и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
Радость взаимно они получали и радость давали.
Дева Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
Чистую дочерь Деметры в объятья она заключила.
С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Пышноволосую Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь
Почести ей даровать величайшие между бессмертных.
Постановил он, чтоб дочерь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
Быстро покинув вершины Олимпа, она ниспустилась
*В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотоле,
Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,
Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порешила Деметра прекраснолодыжная. Вскоре,
С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно
Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуясь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:

«Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться, и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочерь твоя в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно

В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живописные зерна немедля!»

Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленью буйной, цветами широкую землю одела
Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным,—
С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,
Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею,—
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.
Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им непричастен, до смерти не будет вовеки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
С матерью вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.
Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.

Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистый,—
Ты, о царица Деó, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей,—
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гомер. Илиада — Ил.

Гомер. Одиссея — Од.

Гесиод. Труды и дни — Г. ТД.

Гесиод. О происхождении богов (Теогония) — Г. Т.

Гомеровы гимны

I. К Аполлону Делосскому — I АД.

II. К Аполлону Пифийскому — II АП.

III. К Гермесу — III Г.

IV. К Афродите — IV Афр.

V. К Деметре — V Д.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Илиада» и «Одиссея» — древнегреческий героический эпос, основанный на мифо-эпических преданиях, уходящих корнями в историческое прошлое греков Средиземноморья II тыс. до н. э., а также на мифо-эпических преданиях соседних «варварских» народов. Создан не позднее VIII в. до н. э., первая литературная редакция относится, по-видимому, к VI в. до н. э., осуществлена в Афинах по приказу тирана Писистрата. Деление на песни искусственно и принадлежит александрийским грамматикам (IV—III вв. до н. э.).

И та и другая поэмы связаны с преданием о Троянской войне, ее предыстории, начале, ходе, конце. Переизбыток людского множества заставил страдать Землю. Зевс облегчает ее ношу войной. Поводом для войны служит выбор троянского царевича Александра — Париса. Из трех олимпийских богинь: Геры, Афины, Афродиты — он отдает предпочтение Афродите и ей присуждает яблоко, символ любовных желаний и красоты. Выполняя обещание сделать его женой самую красивую женщину на земле, Афродита приводит Париса как гостя к царю Спарты Менелаю. Дружески принятый Менелаем, Парис остается в его доме, в отсутствие хозяина похищает его жену, сокровища и возвращается в Трою. Единокровный брат Менелая, микенский царь Агамемнон собрал ахейское ополчение, куда вошли племенные вожди и их дружины со всего греческого материка и островов, и осадил Трою. Осада длилась десять лет, осаждающие разорили окрестности, но города взять не смогли, пока не помогло предательство («Троянский конь»). После захвата и сожжения Трои обремененные добычей греки на кораблях и сухопутно долго возвращались назад, в свою отчизну. По дороге гибли и от волн моря, и от оружия врагов.

Дольше всех скитался Одиссей, чье прибытие на родную Итаку в двадцатый год отсутствия совпадало со свадьбой жены, Пенелопы.

Об одном из эпизодов последнего, десятого года осады Трои повествует «Илиада», о возвращении Одиссея — «Одиссея».

Авторство обеих поэм приписывается Гомеру, жившему, вероятно, в конце IX—VIII в. до н. э. Гомер, древнегреческий аэд, певец-сказитель,— уроженец Ионии (область на юго-западном побережье Малой Азии, заселенной греками-колонистами). Посмертно снискал себе такую славу, что, по преданию, семь греческих городов спорили за честь именоваться его родиной. Согласно легенде был слеп, переходил из города в город и пел на пирах во дворцах правителей. Похоронен, по преданию, на острове Иос. Помимо «Илиады» и «Одиссеи» в древности ему приписывали ряд других, дошедших до нас лишь частично или не дошедших вовсе, эпических и гимнических произведений.

ГОМЕР

ИЛИАДА

Текст печатается в переводе Н. И. Гнедича по изданию: Гомер. Илиада; Одиссея.— М.: Худож. лит., 1967. Примечания И. В. Шталь.

Песнь первая

**Ст. 1. *Гнев, богиня, воспой...*— Сказитель, аэд, просит помощи у Музы восславить героя. Объект прославления — мощь и подвиги Ахилла, поданные в эпической традиции как проявление его гнева. То же о гневе Агамемнона см. ст. 103—105. Упоминание о гневе объективно служит доказательством многослойности эпической «Илиады», где повествование о подвигах Ахилла не является единственным, основным и центральным.

** Ст. 3. *Многие души могучие славных героев...*— Герой в мифо-эпической традиции античной архаики — потомок божества («полубог»), предводитель дружины или дружинник, наделенный всеми свойствами эпического идеала и ориентированный на эпический идеал народа и племени (ср. «поколение героев» — Г. ТД, ст. 156—173).

** Ст. 5. *...совершалася Зевсова воля...*— Троянская война санкционирована Зевсом в ответ на просьбы Земли, изнемогающей под бременем людского множества.

** Ст. 14—15. *На жезле золотом, Аполлонов красный венец...*— Жезл, принадлежность жреца и повязка из шерстяной ленты, надевавшаяся на голову статуи Аполлона,— знаки жреческого достоинства и мольбы.

** Ст. 36. Молитва жреца Хриса Аполлону. Состоит из традиционных частей: называния-обращения, описания божественных возможностей и места «приложения сил», региона влияния, упоминания о прежних жертвах и тем самым обещания новых, просьбы исполнить конкретное желание.

** Ст. 39. *Сминфей* — культовый эпитет Аполлона; в основе его или название города в Троаде (Сминфа), или название полевой мыши, которая, как животное, видящее во тьме, служило символом всевидящего бога. По-видимому, данный эпитет — выражение первоначально тотемной сущности божества.

** Ст. 42. *Слезы мои отомсти аргинянам стрелами своими...*— Внезапную смерть греки обретали, пронзенные стрелами, пущенными из лука Аполлоном («Губителем») или его сестрой-близнецом Артемидой.

** Ст. 52. *Частые трупов костры...*— Т. е. погребальные костры.

** Ст. 65. Бог гневен за обещанную, но не осуществленную жертву.

** Ст. 119—120. *Я без награды один не останусь: позорно б то*

было.— Категории эпического идеала, формирующие представление о «муже хорошем», «муже лучшем», герое.

** Ст. 152—153. *Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней, здесь воевать?* — Ахейское ополчение созвано Агамемноном в защиту чести Менелая, у которого гость-троянец (Парис) похитил жену и сокровища и тем самым нарушил обычаи гостеприимства.

** Ст. 164. За годы осады Трои ахейское ополчение завоевало и опустошило окрестные города, союзные с Троей.

** Ст. 169. *Фтия* — столица мирмидонян, племени, над которым владычествует Ахилл и его отец Пелей.

** Ст. 206. *Дщерь Эгиоха* — иначе — носящего эгиду,— Афина. Эгида — древнейший вид панциря из козьей шкуры. Его носили только Зевс и Афина. Описание эгиды см. Ил. II, ст. 447—454.

** Ст. 250—259. *Два поколения уже современных ему человеков// Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили//В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.*— Время жизни эпического поколения исчисляется в $33^1/_2$ года. Для Пилоса это поколения отцов (Нелей), сыновей (Нестор), внуков (Антилох, сын Нестора, сражающийся под Троей).

** Ст. 270. *Апия* — древнее название Пелопоннеса. Географические названия эпоса заключают в себе значительную долю исторической реальности с поправкой на закономерности эпической географии, имеющей специфику в поэтике эпической архаики (см., в частности, взаимозаменяемость близких понятий, таких, как Троя, Пергам, Илион).

** Ст. 359. *Как легкое облако вышла...*— Рудименты тотемизма: морская богиня Фетида принимает вид облака.

** Ст. 396—406. Одно из многих мифо-эпических преданий, известных лишь частично. Роль Афины-Паллады в нем проясняет рассказ Гесиода, по которому рожденная от Зевса Метидой Афина-Паллада должна была превосходить мощью Зевса (Г. Т., ст. 886—898).

** Ст. 451—474. Формульное эпическое описание жертвоприношения и жертвенного пира, свидетельствующее о его фольклорных истоках (ср. Ил. II, 420—433).

** Ст. 500—501. Жесты мольбы.

** Ст. 505. *...кратковечнее всех он данаев.*— Ахиллу, пришедшему с ахейским ополчением под Трою, была предсказана ранняя гибель, и, напротив, его ждала долгая старость, в случае если бы он уклонился от участия в войне.

** Ст. 584. *...кубок двудонный...*— т. е. поставленный на ножку, в виде бокала. Аналогичный сосуд найден при раскопках шахтовых гробниц в Микенах (XVI в. до н. э.).

** Ст. 590—594. Гефест, божественный кузнец, был низвергнут с Олимпа Зевсом за попытку оказать помощь матери Гере, повешенной за руки на золотой веревке, прикрепленной к небесной тверди. На ногах у висящей Геры — две золотые наковальни. Так Зевс наказал Геру за страдания Геракла, в которых та была повинна.

Песнь вторая

** Ст. 94. *Осса* — Молва; так же называется гора в Фессалии.

** Ст. 149—150. «Все» — деталь фольклорной основы эпического повествования, где эпическое «все» равно по смыслу эпическому «каждый» и воплощает в себе эпическое множество.

** Ст. 211—277. *Терсит* — эпический герой, племянник героя Диомеда, волей эпического сказителя низведенный на уровень антипода эпического идеала. Сохраняет черты мифо-эпического трикстера (плута, озорника), деятельность которого — прямая противоположность деяниям героев, а также ритуального козла отпущения: на него переключается недовольство войска и Одиссей избивает его, на радость воинству, сакральным посохом царя-жреца.

** Ст. 302. *Парки.*— В древнегреческом оригинале — Керы.

** Ст. 362—363. Военная организация эпохи родового строя, основанная на племенном и родовом единстве.

** Ст. 383. *...коней напитай подъяремных...*— Сражение идет с колесниц и в пешем строю. Боя всадников гомеровский эпос не знает.

** Ст. 400. *Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих.*— Речь идет о боге-покровителе каждого племени.

** Ст. 479. *Энносигей* — эпитет Посейдона, имеющий значение «Колебатель Земли».

Песнь четвертая

** Ст. 8. *Гера Аргивская* — особо почитаемая богиня, имеющая свой культ в Аргосе (город, центр Арголиды, области, расположенной в восточной части Пелопоннесского полуострова). Ср. Ил. IV, ст. 50—52.

Тритогения Алалкомена — эпитеты Афродиты; первый этимологизируется как «рожденная Тритоном» (?), «рожденная морем» (?), второй — «защитница», но, возможно, происходит и от древнего названия города в Беотии (области в центральной части Греции) — Алалкоменай. В последнем случае Афину следует считать богиней, имевшей в беотийском городе свой древнейший культ.

** Ст. 75. Афина (черты фетишизма) падает на землю звездой; знамение тяжкого плавания и войны.

** Ст. 101. *Прежде ж обет сотворил луконосцу ликийскому, Фебу...*— Культ Аполлона был распространен в Малой Азии, и в историческую эпоху в Ликии у Аполлона были свои храмы. Вполне возможно, что в гомеровском образе ликийского Аполлона слиты мифологические представления о местном божестве с представлениями о божестве греческого Олимпийского пантеона.

** Ст. 441. Близкое родство Арея и Эриды (Распри) не находит подтверждения в других источниках. В частности, у Гесиода Эрида — порождение собственно Ночи. Отца у нее нет (Г. ТД., ст. 211—225).

Песнь пятая

** Ст. 5. Осенняя звезда — Сириус.

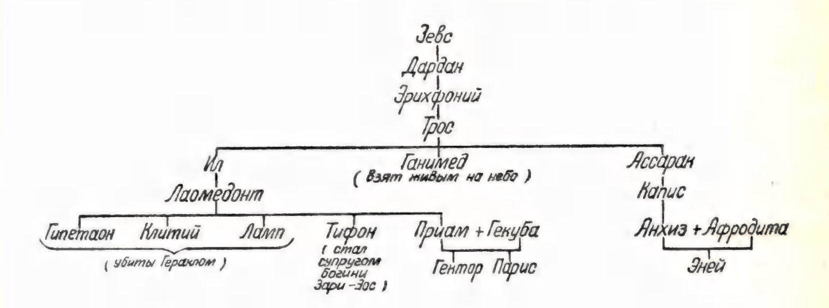
** Ст. 39. *Гализоны* — народ, живший на черноморском побережье Малой Азии.

** Ст. 43. *Меониец* — житель Меонии. Меония — древнее название Лидии. Меоны, меоняне, меонийцы — лидийцы.

** Ст. 62—63. *...суда... бедствий начало...*— Упоминание о приезде Париса из Трои в Спарту с целью похищения Елены.

** Ст. 102. Погоняя лошадей, греческие возничие кололи их заостренной палкой, «бодали».

** Ст. 266. Генеалогическая таблица троянской правящей династии:

** Ст. 385—391. Отзвуки ранних религиозных представлений, по которым бессмертные могли погибнуть, лишившись силы.

** Ст. 422. *Верно, ахеянку новую...*— «Старая» ахеянка — Елена, обещанная Парису Афродитой в благодарность за предпочтение, отданное ей перед Герой и Афиной (так называемый «суд Париса»).

** Ст. 642. Отзвуки мифо-эпического предания о втором походе Геракла на Трою (Илион). По воле Зевса, Посейдон и Аполлон год находились в работниках у царя Трои Лаомедонта, отца Приама; Посейдон строил вокруг Трои стены, Аполлон пас скот. Плату за труд Лаомедонт не выплатил и прогнал и Посейдона, и Аполлона, грозя отсечь им, как рабам, в поругание уши (Ил. XXI, ст. 441—460). В отместку Аполлон послал на троянцев мор, Посейдон — морское чудовище, в жертву которому, желая избавить народ от бедствия, принесли дочь Лаомедонта Гесиону, оставив ее привязанной на морском берегу. Геракл, приплывший к Трое, согласился убить чудовище и спасти Гесиону. Платой ему должны были стать кони Троса, деда Лаомедонта,— выкуп Зевса за похищенного им у Троса Ганимеда. Геракл убил чудовище, но плату не получил (Ил. XXI, ст. 548—651).

Приплыв в Трою вторично, Геракл разгромил город, убил Лаомедонта и его сыновей, всех, кроме младшего, которого выкупила Гесиона и который с того момента получил имя Приама, «купленного».

** Ст. 803—808. Отзвуки мифо-эпического предания о походе «семерых против Фив», или, иначе, о походе Полиника, сына фиванского царя Эдипа, против своего брата Этеокла в союзе с шестью другими ахейскими вождями.

** Ст. 889. *Смолкни, о ты, переметник...* — Арей, наряду с Афродитой и Аполлоном, в сражениях двух народов выступает на стороне троянцев. Симпатии Афродиты в этом случае понятны и находят объяснение в мифо-эпическом предании о «суде Париса» и «яблоке раздора», симпатии же Аполлона и Арея не объяснимы, если не признать, что в образах гомеровских Аполлона и Арея осуществлялось слияние культов местных азиатских божеств с культами божеств Олимпийского греческого пантеона. Ср. также предание об Аполлоне и Посейдоне на службе у троянского царя Лаомедонта; примеч. к ст. 803—808.

Песнь четырнадцатая

** Ст. 110—125. Отголоски мифо-эпического предания о деяниях ахейского героя Тидея, сына этолийского героя Инея (Ойнея), участника похода «семерых против Фив»; погиб при штурме крепости.

** Ст. 147—149. Как всякое божество гомеровского эпоса, Посейдон, приняв облик человека, тем не менее отличается от человека, однако не иными качествами, а их интенсивностью.

** Ст. 214—223. *Пояс узорчатый...* — Согласно общей системе художественного мышления гомеровского эпоса общее и частное, абстрактное и конкретное, всеобщее и единичное слито и в эпическом мировосприятии, и в образном строе поэм. Отсюда божественная сила любви — понятие, казалось бы, сугубо абстрактное — имеет конкретные выражения (пояс) и воплощено в антропоморфной богине (Афродита).

** Ст. 249—262. *Помню, меня он и прежде...* — Отголоски мифо-эпического предания о возвращении Геракла из второго похода к Илиону.

** Ст. 271. *Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою...* — О клятве водами Стикса и о последствиях для богов нарушения этой клятвы см. Г. Т., ст. 775—806.

** Ст. 317—328. *Так не любил я...* — Отзвуки мифо-эпических преданий о священных браках Зевса.

** Ст. 321—322. *...младой знаменитого Феника дщерью, родшую Криту Миноса и славу мужей Радаманта...* — Мать Миноса и Радаманта, финикийская царевна Европа, которую Зевс похитил, приняв облик быка, и с которой на Крите вступил в священный брак. Отец Европы — Феникс, или Финик (финикиец); в других источниках он назван Агенором.

** Ст. 456. *...какой-то ахеец...* — Доблесть героя — наследственное достояние его рода и племени, в свою очередь определяющее славу

героя, созидающее его честь. В словах троянца Полидамаса, якобы не знающего племени поверженного врага,— унижение врага. Поэтому мститель за убитого ахейца притворяется также не знающим имени своего противника-троянца (ст. 458—475).

Песнь двадцать первая

** Ст. 34—48. Отзвуки эпического предания о событиях под Троей, предшествующих рассказанному в «Илиаде» (см. также Ил. XXI, ст. 71—93). Эвней Ясонид — сын Ясона (Язона), предводителя героев, отправившихся в Колхиду за золотым руном, и амазонки Ипсипилы, правившей на Лемносе. В войне под Троей он активного участия не принимает и торгует с ахейцами, осадившими город (ср. Ил. VII, ст. 467—469).

** Ст. 60—70. *...копье... человеческой жадное крови...*— Поэтико-эстетическая метафора и одновременно религиозно-сакральная реальность, отголосок тотемизма.

** Ст. 130—132. *Вас не спасет...*— Речь идет об умилостивительных жертвоприношениях потоку, воспринимаемому религиозным сознанием как божество.

** Ст. 435—460. *И тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец...*— Речь-упрек Посейдона построена на отголосках хорошо известного в древности мифо-эпического предания о богоборчестве Лаомедонта. Специфические и характерные эпитеты при имени героя и его поступки позволяют говорить о нем как о мощнейшем богоборце первых поколений героев.

** Ст. 483. *Над смертными женами...*— В представлениях греческой религии внезапная смерть женщины наступает от стрел Артемиды, сестры «губителя» Аполлона.

Песнь двадцать вторая

** Ст. 66—76. *Сам я последний паду...*— Отголосок эпического предания о взятии Трои, служившего сюжетом многочисленных литературных произведений и произведений изобразительного искусства античности.

** Ст. 126—128. *Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня нам с ним беседовать мирно...*— Смысл: начиная с дуба, начиная с камня — т. е. с самого начала. В греческих мифо-эпических преданиях люди, в частности, после вселенских катастроф возникали из камней (посев Девкалиона и Пирры), а также дерева (дуба). Ср. вопрос Пенелопы Одиссею (Од. XIX, ст. 162—163).

** Ст. 359—360. Предсказание Гектора о гибели Ахилла от стрелы Александра Париса, вонзившейся при содействии Феба Аполлона в

единственно уязвимое место на теле героя, «Ахиллесову пяту»,— реминисценция соответствующего мифо-эпического предания, широко распространенного в античном мире.

** Ст. 470—472. Отголосок мифо-эпического предания о свадьбе Гектора и Андромахи, упомянутого в ряде произведений античной литературы.

ОДИССЕЯ

Текст печатается в переводе В. В. Вересаева по изданию: Гомер. Одиссея. М.: Худож. лит., 1953. Примечания И. В. Шталь.

Песнь первая

** Ст. 35. *...супругу Атрида...*— Клитемнестра — жена Агамемнона — в отсутствие мужа приняла к себе в дом Эгиста — двоюродного брата Агамемнона — и стала его женой. Эгист — сын Фиеста, родного брата Атрея,— соправитель Клитемнестры в отсутствие Агамемнона, вместе с ней участвовал в убийстве ее бывшего мужа, вернувшегося из-под Трои в Микены. Через семь лет после этого сын Агамемнона Орест, мстя за отца, убил и Эгиста и Клитемнестру.

** Ст. 255—264. Отзвуки мифо-эпического предания о деяниях Одиссея до Троянской войны.

Афина-Мент, желая придать достоверность своему вымышленному рассказу, упоминает хорошо знакомые слушателю имена и события, связанные с Одиссеем и его жизнью на Итаке.

** Ст. 280 и далее. Совет Афины-Мента — обоснование дальней поездки, входящей в обряд инициации, предстоящей Телемаху. Фольклорно-сакральная суть явления скрыта за более поздним напластованием (желанием получить вести о пропавшем отце), однако смысл поездки в самый опасный для дома момент (предстоит решительное столкновение с женихами и дом без Телемаха лишается защитника) теряется, если отбросить фольклорную основу, и, наоборот, проясняется, если принять ее: Телемах из поездки должен вернуться иным, не ребенком, но полноправным мужем.

** Ст. 325—327. «Печальный возврат из-под Трои», стоившей жизни многим из победителей, вошел в мифо-эпические предания. Рассказ о нем сохранился в отрывках эпической поэмы «Возвращение» («Носты»), а также в ее литературном изложении и разрозненных упоминаниях и намеках, содержащихся в древнейших из дошедших до наших дней памятниках античной литературы. Ср. также Од. I, ст. 354—355; V, ст. 105—111.

** Ст. 417. *...гость по отцу...*— Система гостеприимства связывала города и поселения гомеровской Греции; известна на побережье эгейского Средиземноморья еще во II тысячелетии до н. э., в так называемую крито-микенскую эпоху. Институт гостеприимства сохранялся и в исторической Греции.

Песнь пятая

** Ст. 18. *Нынче же милого сына его умертвить замышляют...*— Засада женихов поджидала Телемаха у острова Астерида, между островами Зам и Итака.

** Ст. 309—310. Отголосок мифо-эпического предания. Речь идет о битве за труп Патрокла, в которой наряду с другими ахейскими героями принимал участие Одиссей.

** Ст. 333—335. Отголосок мифо-эпического предания. Ино, дочь финикийца Кадма, сестра Смелы и воспитательница Диониса, бросилась вместе с сыном в воды моря, спасаясь от охваченного безумием супруга. В морской пучине стала божеством, «Белой богиней», Левкотеей. Вполне возможно, что приобщение смертной Ино к божественному сонму — явление в греческой мифологии не частое — указывает на изначальные черты негреческого, по-видимому финикийского, божества, заложенные в этом образе. Левкотея — одно из названий нереид.

** Ст. 419—423. *...чудищ из моря...*— Чудище из моря, насылаемое на людей Посейдоном, известно по мифо-эпическим преданиям о спасении Гесионы Гераклом (первый поход под Трою) и Андромеды Персеем.

Песнь одиннадцатая

** Ст. 4. *Также овцу погрузили с бараном...*— Для будущего жертвоприношения душам умерших у входа в царство Аида.

** Ст. 100—103. Речь идет об ослеплении Одиссеем и его товарищами сына Посейдона киклопа Полифема. События изложены в девятой песни «Одиссеи».

** Ст. 107—113. *К острову ты Тринакрии пристанешь...*— События изложены в XII песни «Одиссеи». Тринакрия в гомеровской географии предположительно — Сицилия.

** Ст. 235 и далее до конца. Краткое изложение дошедших до нас как целиком, так и в пересказах и фрагментах мифо-эпических преданий, касающихся деяний героев, их происхождения, равно как и деяний героинь. В кратком перечне-изложении важно все, и особенно важны эпитеты, подчас являющиеся мифологемами и содержащие в себе в скрытом виде оценку-определение некоего эпического события, также как и героя, с этим событием связанного.

** Ст. 271—280. Сюжет мифо-эпического предания об Эдипе в античных источниках варьируется во многих деталях, начиная с имени матери Эдипа (по аттическим трагикам — Иокаста) и кончая его насильственным изгнанием из Фив. «Месть материнских эринний» нигде более в источниках не упомянута.

** Ст. 291. *Лишь один безупречный гадатель...*— Речь идет о прори-

цателе Мелампе, брате Бианта, которому он согласно мифо-эпическому преданию добыл в жены дочь Нелея Перо.

** Ст. 321. *...Федру...*— В греческом мифо-эпическом предании дочь критского царя Миноса и Пасифаи, внучка солнечного божества Гелиоса, сестра Ариадны, жена афинского царя Тесея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита.

...Прокриду...— Дочь афинского царя Эрехтея, жена Кефала, обладательница чудесной собаки, которая настигала любого. Зевс превратил в камень и собаку, от которой никто не мог убежать, и лисицу-людоеда, которую никто не мог догнать и которую преследовала собака.

** Ст. 325. *По обвиненью ее Дионисом на острове Дие.*— Деталь из других источников неизвестная.

** Ст. 326. *Мэру... Климену...*— Имена, связанные с дошедшими до нас в пересказах и фрагментах мифо-эпическими преданиями, в которых значительную роль имели деяния героинь.

...с ужасной для всех Эрифилой...— Намек на эпизод мифо-эпического предания о походе семерых против Фив, когда жена аргосского царя Амфиарая — Эрифила, будучи подкупленной сыном Эдипа Полиником, изгнанным из Фив, настояла на участии мужа в войне, хотя он, как прорицатель, и предвидел гибельный исход предприятия.

** Ст. 519—521. *Так Еврипила героя...*— Еврипил, сын Телефа, царя Мисии, и внук Геракла сражался под Троей во главе киттийцев (хеттов?), союзников Приама. Пал вместе с многими из своей дружины от руки сына Ахилла Неоптолема.

...из-за принятых женщиной ценных подарков.— Буквально: «из-за подарков женщинам». Отголосок правовых отношений, существовавших в хеттских государственных образованиях,— компенсация женщинам за мужчин, уходящих наемниками на войну.

** Ст. 522. *Только Мемнон богоравный...*— Сын Эос и брата Приама Тифона, предводитель эфиопов, участвовавший в Троянской войне в последний год осады Трои. Погиб от руки Ахилла. Центральный герой дошедшего до нас в пересказах послегомеровского эпоса — поэмы «Эфиопида».

** Ст. 523. *...а когда мы входили в коня работы Епея...*— Упоминание об эпизоде захвата Трои с помощью гигантского деревянного коня, в чреве которого скрывался отряд отборных греческих воинов.

** Ст. 621—623. *Недостойнейший муж...*— Имеется в виду Еврисфей, царь Микен и Тиринфа, на службе у которого находился Геракл, когда совершал свои двенадцать подвигов.

...пса привести.— Вывести пятидесятиголового пса Кербера, стража мертвых, из Аида,

Песнь двадцать четвертая

** Ст. 3. *Жезл держал он...*— Жезл — керикейон, атрибут Гермеса,

одна из божественных функций которого — сопровождать души усопших в царство мертвых. Здесь же обыгрывается древнейшее представление мирового фольклора: сон — смерть; в «Илиаде» Гомера и «Теогонии» Гесиода оно получает мифологическое выражение в родственных братских узах Смерти (Танатос) и Сна (Гипнос).

ГЕСИОД

ТРУДЫ И ДНИ

(Земледельческая поэма)

Перевод В. В. Вересаева. Текст и примечания к нему печатаются по изданию: Вересаев В. Эллинские поэты: Пер. с др.-греч.//Полн. собр. соч. Т. X. М.: Недра, 1929. Примечания В. Вересаева дополнены примечаниями И. В. Шталь. «Сбивающаяся» нумерация в тексте перевода означает, что опущены стихи, считающиеся неподлинными.

Гесиод — после Гомера самый популярный в Элладе эпический поэт — жил, всего вероятнее, в восьмом веке до Р. Х. Отец его переселился из эолийской Кимы в Беотию, в местечко Аскру. Там Гесиод родился и вырос. С ранних лет он занимался обработкою отцовского участка. Пахота, сев, жатва, сбор винограда — все те же работы чередовались для него из года в год с однообразною правильностью и создавали типичнейшую мужицкую психологию, которая так характерна для Гесиода и так отличает его от героически настроенного Гомера.

У Гесиода был брат Перс — человек ленивый, гулящий и завистливый. После смерти отца Перс остался недоволен произведенным разделом наследства и затеял против Гесиода процесс перед «царями» Феспийского округа, к которому принадлежала деревушка Аскра. Эти семь начальственных лиц стояли во главе управления краем; к ним же граждане обращались со своими распрями как к судьям. Цари эти были подкуплены Персом и постановили приговор в его пользу. Но Персу не пошло впрок его добро, нажитое неправильным путем. Он наделал долгов, впал в бедность и стал влачить плачевную жизнь, нищенствуя с женою и детьми. Тщетно теперь умолял он брата о помощи. Гесиод остался бесчувствен ко всем его мольбам.

Это происшествие и послужило отправной точкой для составления поэмы «Работы и дни» (так в переводе В. В. Вересаева дается название поэмы «Труды и дни».— *И. Ш.)*. Гесиод, прекрасно знакомый со всем деревенским укладом, рисует Персу жизнь, какую он должен был бы вести, чтобы быть добрым земледельцем. Это давало случай Гесиоду развернуть свои познания, которые могли оказаться полезными людям, находящимся в подобных же условиях жизни. Поэма содержит советы по земледелию, мореходству, сведения по естественной истории и астрономии; она обнаруживает также близкое знакомство автора со старинными мифами и со всеми приемами, которыми приобретается благово-

ление богов. По мнению исследователей, часть этого знания, во всяком случае, Гесиоду могло дать только обучение у жрецов.

Поэма «Работы и дни» пользовалась у всей древности исключительной славою за обилие содержащихся в ней практических советов, религиозных сведений и моральных сентенций. Дети в школах изучали эту поэму. Характер самого Гесиода, как он вырисовывается в поэме, Пьер Вальц рисует так: «Деятельный, практичный, склонный к приобретательству, но щепетильно-честный, безжалостный в своей суровой добродетельности, всегда бодрый и редко удовлетворенный, то холодно рассудительный, то суеверный до полнейшей бессмыслицы, натура угрюмая и мрачная, у которой даже улыбка хранит горькую складку иронии,— Гесиод напоминает нам здоровое и крепкое растение, не имевшее возможности вполне развиться в тяжелом воздухе Беотии, на скудной почве горы Геликона». От себя прибавим: в поэме Гесиода с поразительною яркостью отражается весь духовный уклад мелкого земледельца-собственника, прошедший неизменным через десятки веков до настоящего времени.

* Ст. 11. *Эрида* — богиня вражды и соревнования.

* Ст. 38. *Цари-дароядцы.*— Во времена Гесиода в Беотии царской власти уже не существовало. Под «царями» здесь разумеются представители семи аристократических родов, правившие городом Феспиями, к области которого принадлежала и деревня Аскра, где жил Гесиод.

* Ст. 40. *«Половина — больше целого».* По-видимому, пословица. Диоген Лаэртский вкладывает ее также в уста Питтака, лесбосского правителя и законодателя.

* Ст. 41. *Асфодели* и *мальва* употреблялись в пищу бедняками. Асфодели — из семейства лилейных, растение, очень распространенное в Греции, особенно в сырых местах. По Феофрасту, в пищу употреблялись поджаренные стебли асфодели, семена, особенно же — корень, истолченный вместе с фигами.

* Ст. 52. *Нарфекс* — растение из семейства зонтичных.

* Ст. 80. *Пандора* значит «всеми одаренная».

* Ст. 93. *Быстро стареют в страданьях для смерти рожденные люди.*— Стих, заимствованный из Одиссеи (XIX, ст. 360) и здесь совершенно неуместный; он был, очевидно, введен в текст для того, чтобы объяснить предыдущий стих, в некоторых списках читавшийся: «...болезней, несущих людям старость» (geras вместо keras).

* Ст. 108. *Как появились на свете и боги, и смертные люди.*

* Ст. 125. *Тьмою туманной одевшись...* (ср. ст. 255).— Эрвин Роде: Это — наивное обозначение понятия «невидимый», как вполне правильно объясняет Цецес. Так это всегда следует понимать и у Гомера, когда идет речь об окутывании облаком и т. п.

* Ст. 169. *Там, вдалеке от бессмертных, под властью живут они Крона.*

* Ст. 109—201. Рассказ о пяти человеческих поколениях. Нельзя не признать, что рассказ страдает очень крупными дефектами. Введение повествования о четвертом, героическом поколении остается искусственным и немотивированным. Про людей серебряного поколения говорится, что сто лет они жили глупыми ребятами, в дальнейшей же кратковременной жизни отличались единственно только непочтением к богам. Совершенно непонятно, почему люди этого ничтожного поколения удостоились посмертных почестей.

* Ст. 219. Орк (клятва), сын богини Эриды. Ср. у Гесиода, «Теогония», ст. 230—231:

...Наиболее горя несущий мужам землеродным
Орк, наказующий тех, кто лживою клятвой клянется.

* Ст. 233. *...горные дубы желуди с веток дают...*— Вероятно, для корма свиньям. Однако в Греции желуди иногда употреблялись в пищу и людьми. Ср., напр., Геродота, I, 66 (имеется в виду «История» Геродота.— *И. Ш.*) о жителях Аркадии.

* Ст. 318. Стих заимствован из Илиады (XXIV, ст. 45) и здесь не совсем уместен: речь идет не о таком стыде, от которого бывает человеку польза.

* Ст. 337. *Свято и чисто* — т. е. с чистою душою и чистым телом.

* Ст. 365. Другие переводят:

Дома полезней держать, оставлять же снаружи опасно.

По-видимому, пословица. Этот же стих находим в гомеровом гимне «К Гермесу».

* Ст. 383. *Только что станут на небе всходить Атлантиды-Плеяды...*— Разумеется восход Плеяд вместе с утреннею зарею (в середине мая).

* Ст. 384. *А начнут заходить...*— Разумеется заход Плеяд при восходе солнца (в середине ноября).

* Ст. 385. *На сорок дней...*— Точнее, на 44 дня.

* Ст. 387. *Точить железо* — т. е. серпы для жатвы. По Зиттлю, долго жившему в Греции и издавшему в Афинах полное собрание сочинений Гесиода с обширными комментариями на греческом языке, жатва происходит в Аттике от половины мая до половины июня.

* Ст. 388. *Всюду таков на равнинах закон...*— не на возвышенных местах, где хлеб вызревает не ранее августа (Зиттль).

* Ст. 392. *Голым работай всегда...*— То же самое повторяет Вергилий (Георг., I, 299): «Nudus ara, sere nudus, hiemes ignava colono!» («Паши обнаженным, обнаженным сей, зима для работника праздна!» — *И. Ш.).* Ср. Еванг. от Матф., XXIV, 18: «И кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои».

* Ст. 421. *Сыплются листья с деревьев...*— Листопад начинается в Греции в конце октября (Зиттль).

* Ст. 423. *Ступка* и *пестик.*— Судя по Гесиоду, говорит Бергк, культура в Средней Греции стояла в его время в некоторых отношениях на довольно низкой ступени. Гомер в своих изображениях героической эпохи постоянно упоминает о ручной мельнице,— следовательно, не смотрит на нее, как на изобретение новейшего времени. Между тем в «Работах и днях» Гесиода нигде не говорится об этом необходимом орудии, которое в Ионии, очевидно, находилось в каждом хозяйстве. Зато говорится о ступке и пестике. Конечно, инструменты эти употреблялись в хозяйстве и позднее для надобностей всякого рода. Но здесь длина ступки определяется в три фута, длина пестика — в три локтя. Уж одни эти размеры указывают на то, что дело идет о первоначальном назначении этих инструментов. Очевидно, в Средней Греции в те времена еще не мололи зерна, а толкли его по старому способу в ступке. Меньше значения можно придавать тому, что Гесиод о некоторых обычаях не упоминает; из этого, конечно, нельзя еще делать заключения, что соответственные обычаи были неизвестны Гесиоду и его землякам. Однако уже Цицерон удивляется, что Гесиод ни одним словом не упоминает об удобрении полей, тогда как гораздо более ранний поэт Гомер очень хорошо знал употребление этого средства. В «Одиссее», напр., говорится:

Аргус лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно (XVII, ст. 297—299).

* Ст. 425. *Колотушка* употреблялась для разбивания на пашне земляных комьев и глыб. Бороны Гесиод не знает.

* Ст. 426. *Косяки* — составная часть колесного обода, а также неободового, так наз. косящатого колеса.

* Ст. 427. *Падуб* — вечнозеленый дуб, ilex. По Плутарху, дерево это редко встречается в Беотии. Поэтому Гесиод и советует собирать его всюду, где только можно.

* Ст. 430. *Рабочий Афины* — кузнец, плотник.

Ст. 432—433. *Два снаряди себе плуга... цельный один, а другой составной.*— Зиттль: «Цельный, у которого скрепа и дышло сделаны из цельного куска, а не сбиты гвоздями, как в составном плуге». Проф. А. Тэр (в немецкой «Сельскохозяйственной газете Фюлинга», 1877, № 11): «Обыкновенно это место понимается так, как будто Гесиод говорит о двух родах плугов,— о *цельном,* у которого рассоха, скрепа и дышло состоят из одного куска дерева, и о *составном,* в котором эти части сколочены друг с другом. Но, во-первых, так понимаемый «цельный» плуг есть техническая невозможность или, по крайней мере, чрезвычайная маловероятность; во-вторых, против такого понимания говорит следующее за этим перечисление древесных пород, из которых Гесиод предписывает готовить различные части плуга. Намерения Гесиода были здесь совсем другие: побудить всегда держать наготове

два плуга,— один в сарае, другой, *собранный*,— для работы, чтобы в случае, если он сломается, было чем его заменить».

* Ст. 453—457. Не стоит ни в какой связи с предыдущим. Флах все эти пять стихов выбрасывает.

* Ст. 462—463. Б. Л. Богаевский («Очерк земледельческого хозяйства Афин». Журн. Мин. Нар. Просв., 1915, № 6): «Земля, предназначенная под посев и лежавшая со времени последней жатвы под паром, вспахивалась осенью, вероятно, продольными бороздами, и продолжала лежать под зимним паром, подвергаясь действию холодной и дождливой погоды. Если год выпадал не слишком дождливый, то земля иногда переворачивалась и зимой. Весною земля получала вторую главную обработку. Ее «передваивали» теперь, проводя, вероятно, поперечные борозды, и земля, лежавшая в бороздах, получала тот вид, который в современной Аттике носит название «земли, перевернутой в поперечном направлении». Земля, получившая вторую, поперечную вспашку, получала, как можно полагать, название «дважды перепаханной». По способу применявшихся в Аттике двух главных вспашек земля противополагалась тяжелым почвам, подвергавшимся тройной вспашке. Весенняя вспашка, помимо взрыхливания земли, заменяла необходимую для почвы бороньбу (бороны, как известно, греки не знали) и преследовала уничтожение выросшей за время зимнего пара травы, обращавшейся на удобрение поля. В летнее время паровая земля получала, хотя, по-видимому, и не всегда, лишь легкую обработку, имевшую целью разбить засохшие комки и предоставить жарким солнечным лучам проникнуть во влажные борозды. Незадолго до раннего захода Плеяд паровая земля получала окончательную обработку перед самым посевом. После этого наступало время посева, и земледелец выжидал удобного дня для начала работ. Первый мелкий осенний дождь служил разрешительным знаком для производства посева. Он выпадал обычно дней через семь после захода Плеяд, открывая благоприятный для посева дождливый период. Раньше всего сеяли ячмень, затем пшеницу и различные виды полбы».

* Ст. 464. Если положить ребенка на свежепроведенную борозду пашни, то это предохраняет его от всякого зла. Об обычае класть маленьких детей на землю см. Albrecht Dieterich, Mutter Erde, гл. 1.

* Ст. 471. *Семя землей засыпая.*— А. Тэр: «Если мальчик мотыгою должен забросать землею столько зерна, сколько сеятель посеял, то последний должен при этом делать еще какую-либо другую работу. Я думаю, что обработка происходила таким способом, каким она и теперь ведется у мелких землевладельцев на отдельных участках: пахали, сеяли и забрасывали семя землею в один и тот же день. Вспахавши кусок, пахарь засевал его и переходил к следующему куску, а помощник заделывал землею засеянный первый кусок. О бороне мы не встречаем упоминаний ни у Гесиода, ни у позднейших греческих авторов».

* Ст. 486. В Аттике кукушка прилетает в двадцатых числах марта (Зиттль).

* Ст. 493. Кузницы были у древних без дверей, всякий желавший заходил в них и грелся. Таким образом, они стали местом сбора для всех, любивших посудачить и побездельничать.

* Ст. 497. *Будешь ты тискать рукой исхудалой* (от голода) *опухшие* (от усталости) *ноги.*

* Ст. 504. *Ленеон* — наш декабрь. Название месяца ионическое; по-беотийски он назывался Букатий.

* Ст. 525. *Безкостый* — полип (моллюск.— *И. Ш.).* Мнение, будто голодный полип гложет собственную ногу, признавал неверным уже Плиний.

* Ст. 533. *Триногий* — старик, по известной загадке Сфинкса, разгаданной Эдипом: утром на четырех ногах, в полдень на двух, вечером на трех.

* Ст. 547. Прокл: *Борей* дует с более возвышенных мест, и это производит впечатление, как будто он падает.

* Ст. 559. *Корму довольно волам половины теперь,*— потому что они не работают.

* Ст. 560. *Благосклонная* — обозначение ночи. Название, позднее обычное у Пиндара и трагиков, впервые встречается у Гесиода. Долгота ночи помогает в том отношении, что люди больше спят, следовательно, меньше едят.

* Ст. 562. *Ночи выравнивай с днями.*— По мнению Зиттля, речь идет о сне: Гесиод советует спать зимою в течение полусуток.

* Ст. 566. В 800 г. до Р. Х. *Арктур,* восходя с вечернею зарею, стоял всю ночь на небе 27 февраля.

* Ст. 569. *Ласточка-Пандионида.* В ласточку была превращена Прокна, дочь Пандиона. Зиттль: в Аттике ласточек нельзя увидеть раньше 6 марта, но в Патрах они иногда появляются уже в середине февраля.

* Ст. 571. *От Плеяд убегая* — т. е. от жары. Разумеется время, когда Плеяды ходят вместе с солнцем (май).

* Ст. 572. *Домоносец* — улитка. *Не время окапывать лозы* — нужно было сделать это раньше. В Феспиях, по Зиттлю, виноградные лозы окапываются около двадцатого марта, самое позднее — в начале апреля.

* Ст. 582. *В пору, когда артишоки цветут.*— По Зиттлю, в июне.

* Ст. 585. *Козы бывают жирнее всего,*— потому что перестают кормить.

* Ст. 582—588. Древние поэты не стыдились самых очевидных плагиатов и широкою рукою заимствовали у своих предшественников все, что находили для себя подходящим. У лесбосского поэта Алкея, современника Сафо, находим такой парафраз этого места гесиодовой поэмы:

Орошай вином желудок: совершило круг созвездье,
Время тяжкое настало, все кругом от зноя жаждет.
Мерно нежная цикада стонет в листьях, из-под крыльев
Песнь ее уныло льется, между тем как жар жестокий,
Над землею расстилаясь, все палит и выжигает.
Зацветают артишоки. В эту пору жены грязны
И мужчины слабы: сушит им и головы, и ноги
Жаркий Сириус...

* Ст. 589. *Библинское вино.*— Неизвестно, от чего оно получило свое имя,— от Библинских ли гор во Фракии, от реки ли Библоса на о. Наксосе или от финикийского города Библоса. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы при том укладе жизни, который описывается в поэме, мужики бедной деревушки употребляли привозное вино,— особенно раз они сами разводили виноград. Библинским назывался сорт винограда, разводившийся между прочим и в Аскре.

* Ст. 597. *Только начнет восходить Орионова сила.*— Вместе с утреннею зарею (в середине июля).

* Ст. 605. *Спящий днем человек* — вор.

* Ст. 609. *Вот высоко середь неба уж Сириус стал с Орионом* — опять-таки во время утренней зари.

* Ст. 610. *Уж начинает заря розоперстая видеть Арктура.*— Вместе с утреннею зарею Арктур восходит 6 сентября.

* Ст. 612. Зиттль: Незрелый виноград срезается и выставляется на солнце, чтобы влага его уменьшилась и началось брожение. Теперь так поступают преимущественно островитяне, из жителей же материковой Греции почти никто об этом не заботится. Однако в Феспиях виноград все-таки выкладывается на солнце дня на два, на три.

* Ст. 654. *Амфидамант* — царь Халкиды, пал в морском бою с эретрийцами.

* Ст. 675. *Нот* (южный ветер) дует у греческих берегов преимущественно с ноября по март.

* Ст. 698. *Года четыре пусть зреет невеста, женитесь на пятом.*— Считал, что девушка начинает созревать с 14 лет, замуж она должна выходить, по Гесиоду, 19-ти (Геттлинг).

* Ст. 742—743. *Пятипалый сук* — рука. Смысл, по-видимому, тот, что во время жертвоприношения не следует стричь себе ногтей.

* Ст. 744. *Кратер* — сосуд, в котором вино смешивали с водою.

* Ст. 766. В тридцатое число месяца никаких сельских работ не производилось, только осматривались поля и распределялся между рабочими провиант на следующий месяц. В этот день, по греческому поверию, даже муравей не работает.

* Ст. 770. Счет дней месяца у Гесиода довольно запутанный. Во-первых, счет ведется от первого числа до тридцатого, как у нас (напр., ст. 766, 792); во-вторых,— по полумесяцам, по растущей или убывающей луне (ст. 773—798); наконец, самое частое — по десяткам:

«первая десятка» (ст. 811), «шесток числов в среднем десятке» (ст. 782), «четвертый день, идущий за двадцатым» (ст. 820).

* Ст. 778. *Запасливый* — муравей.

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 651—654. Отголосок мифо-эпического предания о вынужденной задержке в Авлиде из-за неподходящей для плавания погоды флота с ахейским ополчением, направляющимся в Трою за Еленой и похищенными богатствами Менелая. См. также Ил. II, ст. 299—332.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ (ТЕОГОНИЯ)

Перевод В. В. Вересаева. Текст и примечания к нему печатаются по изданию: Вересаев В. Эллинские поэты: Пер. с др.-греч.//Полн. собр. соч. Т. X. М.: Недра, 1929. Примечания В. Вересаева дополнены примечаниями И. В. Шталь. «Сбивающаяся» нумерация в тексте перевода означает, что опущены стихи, считающиеся неподлинными.

Древность единодушно приписывала эту поэму автору «Работ и дней». Большинство нынешних исследователей также склонно считать автором обеих поэм одно лицо — Гесиода. Поэма представляет из себя систематическое изложение эллинской священной истории, связанной с историей происхождения мира. Она пользовалась всеобщим признанием и приобрела каноническое значение. Все позднейшие опыты поэтической обработки сказаний о богах явственно находятся под большим или меньшим влиянием гесиодовой «Теогонии».

Очевидно, существовало много обработок поэмы. Дошедший до нас текст представляет не особенно искусное соединение различных обработок. Этим отчасти и объясняется разнообразие тона и отрывочность изложения. Нужно признать, что в общем для современного читателя поэма довольно-таки скучна. Отдельные яркие эпизоды, как рассказ о Прометее или описание борьбы богов с титанами, тонут в бесконечных генеалогиях и в голых перечислениях ничего нам не говорящих имен. «Тем не менее,— говорит Теодор Бергк,— творца «Теогонии» нельзя ставить низко. Генеалогический принцип по необходимости господствует над всем планом поэмы. Перечисление имен, естественно, утомляет. Но на греческого слушателя такие перечисления должны были действовать возбуждающе и радостно уже вследствие необычайного благозвучия и значительности имен, а еще больше — вследствие живых представлений, которые тотчас вызывались в каждом этими именами. Однако часто испытываешь недоумение, были ли недостаточны сведения самого автора или он выпускал в рассказе все то, что мог предполагать известным».

* Ст. 4. *Фиалково-темный источник.*— Имя источника — Аганиппа. Об нем сообщает Павсаний: «Если идти на Геликоне по направлению к роще муз, то по левую руку будет источник Аганиппа. Говорят, Аганиппа была дочерью Термесса (Пермесса). Этот Термесс течет также вблизи Геликона».

* Ст. 17. *Диона.*— Схолиаст замечает: «Не мать Афродиты, а одна из Океанид, т. е. Титанид» (см. стих 353). По Илиаде (V, ст. 370), Афродита была дочерью Дионы (и Зевса). По Гесиоду, происхождение Афродиты было другое (см. ст. 189—201). Диона как супруга Зевса особенно почиталась в Додоне, в древнейшее время также в Афинах.

* Ст. 35. *Впрочем, ну, как я могу говорить о скале или дубе?*— Стих, вызвавший очень много толкований. По-видимому, пословица. Смысл: как я могу говорить о таких священных, таинственных вещах? В двух наиболее чтимых греческих прорицалищах, дельфийском и додонском, голос божества вещал из-под Парнасской скалы в оракуле Дельфийском, из листвы священного дуба — в оракуле Додонском.

* Ст. 118. *Вечных богов, обитателей снежных вершин олимпийских.*

* Ст. 123—125. Черная ночь и угрюмый Мрак (Эреб) рождают из себя Эфир-Свет и Гемеру-День.

* Ст. 200. *Также «улыбколюбивой»,— затем, что улыбки ей милы.*

* Ст. 207—209. «Простираю» по гречески — titaino.

* Ст. 214. *Мом* — бог насмешки и порицания.

* Ст. 272. Graia — старуха.

* Ст. 278. *Черновласый* — Посейдон.

* Ст. 282—283. *Имя Пегас — оттого, что рожден у ключей Океанских* (Okeanou peri pegas), *имя Хрисаор,— что с луком в руках золотым он родился* (aor chryseion).

* Ст. 389. *Нерушимая Океанида.*— Стикс называется нерушимою, потому что клятва ее именем должна была быть нерушимою.

* Ст. 535. *Мекона* — древнее название Сикиона.

* Ст. 567. *Спрятавши в нарфексе полом.*— Нарфекс — растение из семейства зонтичных.

* Ст. 576—577.

Голову ей увенчала богиня Паллада-Афина
Чудным венком из цветков луговых, только-только расцветших.

* Ст. 590. *Вот от нее и пошла слабосильная женщин порода.*

* Ст. 846. *И ураганные ветры, и полные молний перуны.*

* Ст. 889—890. Схолий: «Как говорят, Метида обладала такою силою, что могла превращаться, во что хотела. Зевс обманул ее и, уговорив сделаться маленькою, проглотил». Таким образом, премудрость оказалась внутри самого Зевса. Богиня была в это время беременна Афиною, которая, значит, тоже оказалась в чреве Зевса. После этого Зевс рождает ее из своей головы (ст. 924).

* Ст. 901. *Фемида* — правосудие. Три ее дочери Оры (времена года)

носят характерные имена: Евномия (доброзаконие), Дике (справедливость) и Ирена (мир).

* Ст. 930. *Энносигей* — Посейдон.

* Ст. 970. Сравни Од., V, ст. 125—127:

Так Язион был прекраснокудрявой Деметрою избран.
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном...

* Ст. 992. *Дева, дочерь Аэта* — Медея.

* Ст. 994. *Сын Эсона* — Ясон.

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 35. *Впрочем, ну как я могу говорить о скале или дубе?*— Отголосок древнейших преданий о происхождении людей. Ср. вопрос Пенелопы к неузнанному ею Одиссею-страннику:

Все-таки ты мне скажи, какого ты рода, откуда?
Ведь не от дуба ж ты старых сказаний рожден, не от камня?
(Од., XIX, ст. 162—163)

** Ст. 100—101. *Песню... о славных подвигах древних людей...*— Песнь о героях-полубогах в классическом варианте дают «Илиада» и «Одиссея» Гомера; *...о блаженных богах олимпийских...* рассказывают отдельные части гомеровского эпоса и — в кратком изложении — поэмы Гесиода.

** Ст. 494 и далее. *Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи...*— По совету богини Метиды Зевс, напоив зельем Крона, заставил его извергнуть своих детей, некогда проглоченных им.

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

Перевод В. В. Вересаева. Текст и примечания к нему печатаются по изданию: Вересаев В. Эллинские поэты: Пер. с др.-греч.//Полн. собр. соч. Т. X. М.: Недра, 1929. Примечания В. Вересаева дополнены примечаниями И. В. Шталь. «Сбивающаяся» нумерация в тексте перевода означает, что опущены стихи, считающиеся неподлинными. Звездочки и отточия помечают испорченное место греческого текста.

I. К Аполлону Делосскому

Древнейший из всех дошедших гимнов. Его относят к седьмому и даже к началу восьмого века до Р. Х. Фукидид и Аристофан считали его принадлежащим Гомеру. Стиль серьезный и архаически строгий. Интересно в конце гимна указание на его автора, слепого певца из Хиоса. Жители Делоса очень дорожили этим гимном; он был ими начертан на «левкоме» (набеленная гипсом доска для публичных записей и объявлений) и помещен в храме Артемиды.

* Ст. 37. *Макар* — сын Эола, основатель Лесбоса. «Обителью Макара» Лесбос называется и в «Илиаде» (XXIV, ст. 554).

* Ст. 60. *...под почвой твоею нет жира.* — В интересной книге Б. Л. Богаевского «Земледельческая религия Афин» (Том I, Петроград, 1916) находим изложение взглядов древних эллинов на строение почвы: «Почва представляла собою верхний слой земли и обладала различными составными частями. Взрыхленная поверхность, приспособленная под вспашку и посев, была занята хлебным полем. Это была пахотная почва, эпихтонический слой земли, связанный с общим массивом почвы (хтонический слой), отличавшейся значительною мощностью. В этом хтоническом слое, непосредственно под пахотной почвой, находился мелкий слой почвы, питавший корни хлебных злаков и трав, а несколько ниже располагался более глубокий слой, в котором корни деревьев находили себе питание (Феофраст). Присутствие питательных элементов хтонического слоя определялось наличностью особой, лежавшей под слоем почвы, жировой прослойки (piar), благодаря которой поля приобретали плодородие, так как жировые соки оказывались весьма полезными для полей и способствовали урожаям. В силу присутствия под почвой «жира» остров циклопов, про который Одиссей рассказывал Алкиною, отличался особым плодородием (Од., IX, ст. 135)».

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 93. *Фемида, Ихнея* — т. е. имеющая культ, особо почитаемая в городе Ихны в Фессалии.

** Ст. 141. *То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору...* — В античной древности храмом иногда служила пещера или естественное углубление в скале. Таким, по преданию, был храм Аполлона на горе Кинфе на острове Делос.

** Ст. 146. *К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен...* — «Расположение» Аполлона к Делосу проявляется, в частности, в привлечении на Делос паломников. Так, алтарь, устроенный, по преданию, на Делосе самим Аполлоном из рогов диких коз, убитых Артемидой, причислялся в древности к семи чудесам света.

** Ст. 147 и далее. *Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник...* — в честь Аполлона. Обязательные элементы праздничного ритуала: пение гимнов, хороводные пляски вокруг алтаря, священные игры, включающие спортивные состязания.

** Ст. 157. *Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки...* — Речь идет, видимо, о священных храмовых прислужницах. В связи с этим вспоминается предание о гиперборейских девушках, прибывших с дарами на Делос вместе с божествами Аполлоном и Артемидой. Там они и остались, и им посмертно воздавали почести вместе с Аполлоном и Артемидой (Геродот. История, т. IV, с. 33—35).

II. К Аполлону Пифийскому

Во всех дошедших кодексах этот гимн составляет одно целое с предыдущим. Рункен первый указал, что здесь — два отдельных гимна, лишь механически связанных вместе.

Пифийский гимн создан позже делосского. Относится, всего вероятнее, к девяностым годам шестого века.

* Ст. 7. *Плектр* — пластинка, которою играющий на струнных инструментах ударял по струнам.

* Ст. 52—60. Очень темное место, различно толкуемое. «Несомненно только то,— говорит Преллер,— что речь идет о колесницах, которые приносились в дар богу Посейдону. По-видимому, с этим был связан обычай, что лицо, приносящее такой дар, перед въездом в священную рощу сходило с колесницы, и лошади одни, без управления, должны были везти ее в рощу. В том, куда направлялись лошади, могло заключаться знамение, принимает ли Посейдон милостиво приносимый дар или нет».

* Ст. 95. *Иэпеан* — Аполлон.

* Ст. 122. *Прекрасно струистый родник...* — Кастальский.

* Ст. 127—177. Очевиднейшая вставка.

* Ст. 231—252. Порядок географических названий в достаточной мере фантастический. Попытки составить по ним правильный маршрут были напрасны.

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 30—32. Упоминание о любовных похождениях Аполлона. Исхий, лапиф (лапифы — мифо-эпическое племя, населявшее Фессалию), сын героя Елатиона, которого Кронида, дочь лапифа Флегия из Фессалии, предпочла Аполлону. Место испорчено. Левкипп — имя сына Геракла, а также сына героя Периера; Форбант — имя отца Авгия, очищая конюшни которого, совершил свой подвиг Геракл; смертный Триоп — сын Посейдона и смертной Канаки; Амаринф — местность на острове Эвбея с храмом Артемиды.

** Ст. 110. *Чтоб прорицалищем был для людей...* — Храм Артемиды в Дельфах стал со временем религиозным центром всей Эллады и способствовал в известной степени установлению единства ее религии.

** Ст. 118. *Трофоний* — сын орхоменского царя Эргина, построивший, по преданию, вместе с братом Агамедом храм Аполлона в Дельфах.

** Ст. 138. Что имеет здесь в виду Гера под оскорблением, нанесенным ей Зевсом ранее, до рождения Афины, неясно. Хромоногий Гефест родился позже Афины. О рождении Гефеста см. также: Г. Т., ст. 924—929.

** Ст. 195—196. Pytho — «подвергать тлению», «гноить».

** Ст. 215. *Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.* —

Храм Аполлона в Дельфах расположен у подножья Парнаса и первоначально согласно сведениям античных авторов был построен как бы в виде шалаша из лавровых ветвей, принесенных из Темпейской долины.

** Ст. 220. *...плыли в песчанистый Пилос...* В эпоху архаики в греческом мире известны несколько городов с таким названием. Здесь речь идет о городе на западном побережье Мессении, владении гомеровского Нестора.

** Ст. 222 и далее. Этиологический миф, объясняющий происхождение культа Аполлона Дельфиния.

** Ст. 304—307. Участие выходцев с Крита в становлении и отправлении культа Аполлона Дельфиния современной наукой не оспаривается. Обличие Аполлона, в каком он явился критским корабельщикам, напоминает облик царя-жреца на фреске из Кноса и одновременно архаические статуи Аполлона с волосами, спускающимися до плеч, широкими плечами и узким тазом.

III. К Гермесу

По мнению Баумгартена и Германна, создан около 40-й олимпиады (620—616 г. до Р. Х.). Перл юмористической поэзии, что, впрочем, вовсе не делает его антирелигиозным. «Новейшего читателя,— говорит проф. Ф. Ф. Зелинский,— этот гомерический гимн поражает прежде всего своим своеобразным отношением к богу Гермесу, да и к остальным богам. Непочтительным его назвать нельзя: его автор с видимой симпатией относится к плутням своего героя. Но в то же время он, по-видимому, совсем забывает, что имеет дело с богом; мы имели бы право назвать его отношение к нему прямо атеистическим, если бы это слово не было слишком страшным для детской наивности нашего певца. Оглядываясь в прочей гомерической литературе, мы найдем самую близкую параллель нашему гимну в той песне Демодока в честь любви Ареса и Афродиты, которая составляет жемчужину восьмой рапсодии «Одиссеи». Та песнь поется у благочестивых феакийцев, очевидно, об атеизме не может быть и речи. Но она поется на пиршестве, последовавшем за жертвоприношением, после многих чарок вина, когда и людьми, и богами овладевало самое благодушное, беззаботное настроение. Смех и насмешка — приправа веселой трапезы; от них не убудет ни людям, ни, подавно, легко живущим богам. А если так, то ясно одно: своеобразный характер нашего гимна знаменателен только для греческой религиозности, но не для греческой религии».

Интересное толкование гимна в связи с недавно открытою сатирическою драмою Софокла «Следопыты» см. во вводной статье Ф. Ф. Зелинского к его переводу этой драмы (Софокл. Драмы, том III).

Гимн к Гермесу больше всех других гимнов изувечен пропусками, позднейшими вставками и многочисленными искажениями переписчиков. Искажениями этими объясняется то обстоятельство, что средь

речи четкой и яркой, сверкающей великолепными образами, то и дело попадаются обороты неточные и вялые, выражения произвольные, нередко граничащие с бессмыслицей. См., напр., ст. 133, 136, 457, 476, 485. Этим же, вероятно, объясняются также мелкие противоречия и несоответствия, в таком обилии встречающиеся в гимне.

Гимн, по-видимому, оканчивался на стихе 506. Конец — позднейшая прибавка.

* Ст. 25. *Из черепахи хитро смастеривши певучую лиру.*

* Ст. 36. Этот же стих в «Работах и днях» Гесиода, 365. По-видимому, пословица.

* Ст. 53. *Плектр* — см. примеч. к ст. 7 второго гимна.

* Ст. 82—86. Место очень испорчено. Конъектур предложено много. Принимаем одну из более вероятных.

* Ст. 99—100.

Только что вышла с дозором на небо Селена-богиня,
Дочерь Палланта-царя, Мегамедова славного сына.

* Ст. 111. *Так нам он дал и огонь, и снаряд для его добыванья.*

* Ст. 127—133. Гермес приносит жертву двенадцати олимпийским богам. Курьез в том, что сам он также принадлежит к числу этих двенадцати. Его тянет поесть жареного мяса, как делают приносящие жертву; однако, как бог, он должен довольствоваться только запахом сжигаемой жертвы.

* Ст. 135—136. Место совершенно непонятное. Многочисленные толкования и конъектуры дают очень мало.

* Ст. 141. *Целую ночь напролет, при свете прекрасной Селены.*

* Ст. 148—149.
Прямо в богатый направился храм из тенистой пещеры,
Тихо ступая ногами: не топал, как делал снаружи.

* Ст. 187. *Земледержатель* — Аполлон.

* Ст. 190. *Срыватель колючек.*— Аполлон, по-видимому, называет так старика потому, что он скармливает своему волу колючую изгородь.

* Ст. 221. *Луг асфодельный.*— Асфодель — растение из семейства лилейных с крупными белыми цветами. В Греции асфодели занимают иногда большие пространства на влажных лугах. Когда они цветут, луга кажутся как бы покрытыми снегом.

* Ст. 226. *Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче.*— Жутки следы коров, ведущие туда, откуда коровы исчезли; еще жутче — ведущие оттуда загадочные следы, оставленные самим Гермесом.

* Ст. 415. *Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...*— Следует помнить, что Гермес все время держал под мышкой изобретенную им лиру; потому он и не расставался с пеленкою, что прятал под нею лиру. Когда Аполлон стал вязать Гермеса, лира, по-видимому, упала на землю. Она именно и вызывает изумление Аполлона.

* Ст. 552—567. *Некие Фрии...*— Имеется в виду гадание посредством метания жребьев. Камушки, которые употреблялись при этом, по Филохору, назывались также фриями. Очевидно, этот род гадания ценился в Греции невысоко. Аполлон отзывается об нем с иронией.

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 5—6. Майя, дочь титана Атланта, брата Прометея, принадлежит к иной, не Олимпийской ветви богов. Все дальнейшие усилия Гермеса, сына титаниды Майи и олимпийца Зевса, направлены на то, чтобы войти в круг олимпийцев, стать там «своим». Ср. ст. 163—181.

** Ст. 139. Ср. ст. 79 — эпический повтор, доказывающий фольклорную основу преданий, использованных в гимне.

** Ст. 158. *Летоид* — сын Лето, Аполлон.

** Ст. 236. *...горящего гневом ужасным...*— Гнев — потенциальное состояние эпического героя и эпического божества, соответствующее его силе, мощи, значимости среди героев или в божественном пантеоне. Аполлон именно потому может гореть «ужасным гневом», что он, наряду с Артемидой и Афиной, наиболее сильный и чтимый из детей Зевса.

** Ст. 289. *...сном последним* — лексико-семантическое выражение, уводящее в ранние пласты древнегреческой архаики и ставящее под сомнение наряду со многими иными текстами, в частности гомеровского эпоса и поэм Гесиода, изначальное бессмертие богов.

** Ст. 548. *Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги...*— Важная деталь архаического религиозно-художественного миропонимания: всеведение богов ограничено внешней силой, по-видимому, судьбой.

IV. К Афродите

Гимн, сравнительно хорошо сохранившийся. Время создания,— по-видимому, седьмой век до Р. Х. Очень много заимствований из Гомера, ряд эпитетов и выражений взят также у Гесиода. Автор без всякой нужды старается показать свои мифологические познания (длиннейший рассказ Афродиты о Ганимеде и Тифоне, совершенно ненужные вставки вроде ст. 23 или 42—45), сильно этим растягивая повествование. Но все это можно простить автору за то, что в гимне его, поистине, чувствуется присутствие подлинной богини Афродиты. Богиня действительно зажгла его песню «страстью горячей», как о том молится автор десятого гимна. В гимне ярко чувствуется грозная сила властительной, необоримой страсти, покоряющей одинаково как владыку богов Зевса, так и барсов с волками; всех она делает своими рабами, и ужасом наполняет обезволенную душу даже самой богини любви. Многие критики находят, что гимн носит слишком «светский» характер, что чувственная окраска гимна принижает первоначальную высоту и достоинство богини. Нам такая точка зрения представляется слишком

неисторичной. Можно ли с подобною меркою подходить к религии, где издавна священным изображением считался фаллус? И никак нельзя сказать, что Афродита низведена здесь на уровень Venus vulgivaga (Венера-потаскушка.— *И. Ш.*). Это она-то — vulgivaga, подчиняющаяся налетевшей на нее страсти с таким у ж а с о м, что даже в имени зачатого ею сына завещает запечатлеть этот ужас! Перед нами не поэма о пикантных похождениях веселой богини, а трагическое повествование о роковой и сладостной мировой силе, подчиняющей себе все, что ни встретит.

* Ст. 23. *Снова ж потом и последнерожденную, волею Зевса.*— Крон, боясь, что дети свергнут его с небесного престола, проглатывал каждого своего ребенка немедленно по его рождении. Жене его Рее удалось скрыть от мужа последнего своего ребенка Зевса. Когда Зевс вырос, он победил Крона и заставил его извергнуть обратно проглоченных детей. «Перворожденная» Гистия, проглоченная первою, естественно, была извергнута обратно последнею. Поэтому она названа во второй раз «последнерожденною».

* Ст. 63. *Нежным, нетленным, нарочно надушенным для Кифереи.*

* Ст. 276—277.

Я же, как только душою со всем, что случилось, управлюсь,
Снова на пятом году посещу тебя с сыном любезным.

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 7. Судя по четко разграниченной «сфере влияния», области приложения божественных сил трех богинь — Афины, Артемиды, Гистии,— гимн принадлежит не к самым ранним и окончательно оформился на фольклорной основе значительно позже гомеровских поэм, возможно, к концу VII — началу VI в. до н. э.

** Ст. 45, см. также ст. 199.— Для раннего, архаического, изображения отношений человека и божества, принятого, в частности, в гомеровском эпосе и у Гесиода, любовь божества и смертного не предстает наказанием, но, скорее, явлением естественным и желанным, против которого, однако, восстают новые боги, боги-олимпийцы (ср. Од., V, ст. 118—136).

** Ст. 111, а также ст. 146. *Отрей* — как предводитель воинства фригийцев и их союзников, противостоящего войску амазонок, упомянут в «Илиаде» Гомера (III, ст. 186).

** Ст. 121. *...с золотою лозою...*— С посохом, палкой, жезлом, атрибутом Гермеса-путеводителя.

** Ст. 177. *Дарданид* — Эней, потомок Дардана, основателя рода троянских владык.

** Ст. 202—211. О конях Зевса, полученных Тросом как выкуп за сына, см. также: Ил., V, ст. 260—273.

** Ст. 218 и далее. О *Тифоне* и *Эос* — в гомеровском эпосе: Ил., XI, ст. 1; XX, ст. 237 и Од., V, ст. 1.

** Ст. 246. Упоминание о старости, которая настигает всех людей

и которой боятся нестареющие и бессмертные боги,— одно из доказательств многослойности как мифо-эпических преданий, ставших основой гимнов, так и самих религиозных воззрений греческой архаики. Видимо, старость и смерть не всегда были чужды богам. Предание о «горных нимфах» — «не бессмертных» и «не смертных» — (ст. 257 и далее) подтверждает эту мысль.

V. К Деметре

Найден сравнительно совсем недавно, в 1780 году, у нас в Москве. Сложен в Аттике в начале шестого столетия до Р. Х., во времена Солона. Характер повествования серьезный и глубоко религиозный, овеянный духом мистерий Элевсина. Мы то и дело встречаем в гимне указания на связь описываемых событий с элевсинскими мистериями. Один из прекраснейших гимнов всего собрания.

* Ст. 9. *Царь Полидект.*— Полидект, Полидегмон, Гостеприимец, Аидоней — названия «многоименного» Аида, властителя подземного царства.

* Ст. 202—205. Служанка Ямба своим балагурством рассмешила Деметру и за это получила впоследствии право участвовать в таинствах богини: в программу элевсинских празднеств входили бойкие шуточки и остроты («ямбы»), которыми участники празднеств задирали друг друга и прохожих.

* Ст. 265—267. Смысл темен. По-видимому, речь идет об играх и состязаниях, ежегодно происходивших между элевсинцами и афинянами в честь событий, связанных с пребыванием Деметры в Элевсине.

* Ст. 450. *Рарион* лежит вблизи Элевсина. Античный «бедекер» Павсаний сообщает: «Говорят, Рарийское поле первым было обсеяно и первым принесло плоды; отсюда обычай — брать с него ячмень, из муки которого приготовляются жертвенные пирожки. Здесь же показывают ток, названный по имени Триптолема, и алтарь».

Примечания И. В. Шталь

** Ст. 8. *Нарцисс* — в символике мифо-эпического предания о Деметре выполняет роль хтонического знака (ср. ст. 428). Судя по этиологическому мифу (юноша Нарцисс глядит на свое зеркальное отражение в воде, не может оторваться и погибает, превращаясь в цветок), имеет тот же смысл, что и символика погребальных античных зеркал: весть из иного, потустороннего мира.

** Ст. 47. *Део* — Деметра.

** Ст. 153. *Триптолем* — герой местного мифо-эпического предания, сын элевсинского царя Келея, почитавшийся в Элевсинских мистериях. Они совершались в честь двух богинь — Деметры и Коры — в аттическом городе Элевсине, расположенном у Саронического залива к северо-западу от Афин по дороге в Мегары. Этиологический миф связы-

вал название города Элевсин с «прибытием» (др.-греч.: eleusis) богини Деметры, ищущей похищенную Плутоном (Аидом) дочь, в эти места.

Посвящение в Элевсинские мистерии было доступно для всех греков, без различия племени и государства, и имело общегреческий характер. Лица, совершившие какое-либо тяжкое преступление, к обряду не допускались. Каждый желавший принять посвящение имел своего руководителя в таинствах (мистагога), в качестве испытания ему вменялось строгое молчание и выполнение очистительных обрядов. Телесные очищения при этом рассматривались и воспринимались как символ непременной нравственной чистоты. В посвящении различались три степени. Первая — малые мистерии, посвященные в них именовались мистами. Посвящение в великие таинства включало две степени с промежутком в год. Достигшие высшей степени именовались созерцателями. Указанные обряды известны лишь в общих чертах. Достоверно выявить особенности каждого вида посвящения в отдельности — затруднительно.

Диокл — судя по характерным эпитетам («державный владыка», «смиритель коней»), приведенным в ст. 473—474,— герой мифо-эпического предания. Видимо, местный герой Элевсина, почитавшийся в Элевсинских мистериях.

** Ст. 154. *Долих, Поликсен* — местные элевсинские герои, почитавшиеся в тех же мистериях.

...знатного родом Евмолпа (ср. ст. 475—*...силе Евмолпа;* ст. 473—*...державный владыка...*).— Герой местного мифо-эпического предания, основатель рода Евмолпидов, осуществлявших основные функции культового служения, в частности посвятительные.

** Ст. 205. *...в таинствах...*— Речь идет об Элевсинских мистериях.

** Ст. 206 и далее. Речь идет об обрядном, ритуальном напитке Элевсинских мистерий. Он назывался кикеон, состоял из смеси воды, муки и меда с различными приправами. Его вкушали мисты, целый день перед этим постившиеся.

** Ст. 265 и далее. *Многие годы пройдут... будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку против афинян вчинять...*— в память о смятении в доме Келея, когда Метанира, жена Келея, увидела ночью своего сына, погруженного в пламя. Жители Афин стали участвовать в Элевсинском культе со времени включения Элевсина в Афинское государство (VII в. н. э.).

** Ст. 270—274. Речь идет о храме Деметры в Элевсине, Элевсинских таинствах и их обрядовой части.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

(вымысел архаического эпоса строится на истине фактов бытия или фактов общественного сознания, преобразованной фантазией поэта, и потому события нередко разворачиваются в нем на фоне географической и этнографической реальности)

Авлида — гавань в Беотии, где ополчение ахейцев было задержано непогодой перед отплытием под Трою

Автокана — мыс вблизи Фокеи

Азийский луг — местность в Лидии (Малая Азия)

Аксий — река в Македонии

Алфей — главная река Пелопоннесского полуострова, протекающая с востока на запад через Аркадию и Элиду и впадающая в Ионийское море

Антрон — город в Фессалии (северная Греция)

Апия — древнейшее название Пелопоннеса

Аргифея — город в Элиде (зап. Греция)

Аргос — 1) область в Пелопоннесе, владения Агамемнона, со столицей в Микенах; 2) город в той же области; 3) Пелопоннес; 4) Аргос пеласгийский — равнина в Фессалии близ реки Пеней; здесь находились владения мифо-эпического Ахиллеса

Арена — город в Элиде (зап. Греция)

Аримы — горный хребет в Киликии (Малая Азия)

Арисба — город вблизи Трои

Ахелой — река в Этолии и Акарнании (Средняя Греция)

Галиарт — город в Беотии на реке того же названия

Гаргар — вершина горы Иды (Малая Азия)

Геликон — гора в Беотии

Геллеспонт — пролив, отделяющий Малую Азию от Херсонеса Фракийского (на современной географической карте — Дарданеллы)

Гелос — город в Лаконике (Лакедемоне)

Герм — река в Лидии (Малая Азия)

Гилл — приток реки Герма в Лидии (Малая Азия)

Греник (Граник) — река во Фригии (Малая Азия)

Делос — самый маленький из Кикладских островов (Эгейское море)

Дидимы — местность к югу от города Милета (Малая Азия), где находился древний, основанный ранее города, храм Аполлона Дидимского со знаменитым оракулом

Дикта — гора на острове Крит

Дима — город в области Ахайя (сев. Пелопоннес)

Дия — возможно, островок вблизи острова Крит или, по другой античной традиции,— древнее поэтическое название острова Наксоса в Эгейском море

Дулихий — город у западного побережья Этолии (Греция)

Евбея — остров в Эгейском море

Еврип — пролив между Евбеей и биотийско-аттическим побережьем

Елевфер — горы в Пиерии (юго-запад Македонии, северная Греция)

Епейцы (эпеи) — народность на севере Элиды

Закинф — остров в Ионийском море с городом того же названия

Зелия — город у подножья горы Иды

Иаолк (Иолк) — город в Фессалии, откуда начался поход Аргонавтов

Ида — гора в Малой Азии над Геллеспонтом, у подножья которой находилась гомеровская Троя

Идские горы — горная цепь во Фригии и Мисии, областях Малой Азии

Икарийский понт — Средиземное море у острова Самоса, названное так по имени погибшего в этом месте мифо-эпического Икара, сына Дедала

Илион (Пергам, Троя) — местность и область, центр которой — город Троя с укрепленной крепостью Пергамом. В гомеровском эпосе — понятия взаимозаменяемые

Имафия (Эматия) — область Македонии

Имброс (Имбр) — остров с одноименным городом у побережья Херсонеса Фракийского (сев. Греция)

Иппокрена (Гиппокрена) — источник у горы Геликон

Иолк — город в Фессалии (Средняя Греция)

Истр — река, протекающая по Дакии и Лидии

Итака — остров в Ионийском море между побережьем Акарнании и Кефалленией с городом того же названия

Каистр — река в Лидии

Калидон — город в Этолии (сев.-зап. Греция)

Каллихор — священный источник близ Элевсина

Карпат (Карпаф) — остров между Критом и Родосом.

Кенейский мыс — западная оконечность острова Евбея

Кефис — река в северной Фокиде в Беотии, впадающая в Копаидское озеро

Кефисское озеро — в Беотии (материковая Греция)

Килла — остров или город вблизи Трои (по современной географической карте не идентифицирован)

Киллена — горная цепь на северо-востоке Аркадии (Греция)

Кинф — скала на острове Делос

Кипр — остров в Эгейском море

Кифера — остров с одноименным городом близ южной оконечности Пелопоннеса

Кларос — город в Ионии (Малая Азия) с храмом и оракулом Аполлона

Книд — мыс и город в Карии (Малая Азия)

Кнос — город на острове Крит

Коос (Кос) — остров у берегов Карии (Малая Азия)

Корик — скалистый мыс (Эритрийский полуостров, Иония, Малая Азия)

Криса — город в Фокиде со святилищем Аполлона Дельфийского

Крит — остров в Эгейском море

Круны — местность в Элиде, на северо-западе Пелопоннеса

Ксанф — 1) город в Ликии (Малая Азия) со знаменитым храмом Аполлона Ликийского; 2) река под Троей, впадает в Геллеспонт: она же — Скамандр

Ладон — река в Аркадии

Лакедемон — область на юго-востоке Пелопоннеса, со столицей Спартой. Владение гомеровского Менелая.

Лакмос — северная часть горной цепи Пинда на границе Фессалии с Эпиром (Греция)

Лаконская земля (Спарта) — область Пелопоннеса

Лелантская равнина — между городами Халкидой и Эретрией на острове Евбея

Лент — мыс в Троаде (Малая Азия)

Лемнос (Лемн) — остров вулканического происхождения в северной части Эгейского моря

Ликия — полуостров и область на южном берегу Малой Азии

Ликтос — местность на острове Крит

Лилея — город в Фокиде (Греция)

Малея — мыс на юго-востоке Пелопоннеса

Меандр — река в Малой Азии

Мекона — древнее название Сикиона (см.)

Меония — древнее название Лидии (Малая Азия)

Меропийские люди. Мероп — царь древнейшего поселения на острове Кос.

Микале — мыс на Ионийском побережье Малой Азии

Микалесс — город в Беотии (Средняя Греция)

Милет — город в Ионии

Мимант — отрог хребта Тмола (Лидия, Малая Азия)

Мирмидоны (нцы) — племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии (на востоке Средней Греции)

Наксос — остров Эгейского моря

Нил — река в Египте

Немея — город в Арголиде

Немейские поля — местность, связанная с одноименным городом

Несс — река в Этолии (Малая Азия)

Нисийская равнина — местность, связанная с одноименным городом. Ниса — название города в Беотии, Фракии, Каппадокии и иных местностях античной ойкумены.

Огигия — мифический остров посередине моря; там живет нимфа Калипсо («Скрывающая», «Прячущая»)

Окалея — город в Беотии на реке того же названия

Океан — река, обтекающая землю и сама в себя впадающая

Олимп — гора в Фессалии (сев. Греция)

Онхест — город у Копаидского озера в Беотии с храмом и рощей Посейдона

Опус — город в Локриде (Средняя Греция)

Орхомен — город в Беотии. Минийский — в отличие от города того же названия в Аркадии

Осса — гора в Фессалии близ Олимпа

Офрийская гора — находится в Фессалии

Парос — остров Эгейского моря

Парнас — гора в Фокее (Греция); у подножья Парнаса находился город Дельфы с храмом и оракулом Аполлона

Патара — город в Ликии (Малая Азия) со знаменитым храмом Аполлона Ликийского

Пафос — город на юго-западном побережье острова Кипр. Известен храмом Афродиты

Пейреские Эги — островок в Эгейском море близ острова Хиосс

Пелион — гора на севере Греции, в Фессалии

Пелопоннес — полуостров в Средиземном море, южная часть материковой Греции

Пеней — река в Элиде, а также в Фессалии

Пеония — область на севере Греции, древнее название Македонии

Пепарет — остров в Эгейском море.

Перребы — северо-западная часть Фессалии

Пиерия — область на юго-западе Македонии (сев. Греция)

Пилос — город и крепость на юго-западном побережье Пелопоннеса

Пифон — древнее название местности у горы Парнас, где находился город Дельфы

Плак — гора в Мизии (Малая Азия)

Плеврон — гора в Этолии (сев.-зап. Греция).

Рарион — равнина близ Элевсина

Рения — островок у западного побережья острова Делос

Сам (Заме, Саме, Зам) — остров к западу от острова Итака. Он же — Кефаллення

Самос — остров в Эгейском море

Самофракия (Самос) — остров во Фракийском море у северо-западного побережья Малой Азии

Сангорей — река в Вифинии (Малая Азия)

Сикион — город на севере Пелопоннеса

Симоент (Симоис) — река под Троей

Скамандр — см. Ксанф

Скирос — остров близ острова Евбея в Эгейском море к востоку от Аттики

Спарта — город в Лакедемоне на юго-востоке Пелопоннеса

Сперхий — река во Фтиотиде (Фессалия)

Стикс — мифологическая река в подземной обители мертвых, Аиде

Стримон — река во Фракии

Схерия — в гомеровском эпосе — остров народа феаков

Тафосцы — жители острова Таф (Тафос), расположенного в Ионийском море у берегов Акарнании

Тевмесс — гора близ Беотийских Фив

Тельфуса — источник в Беотии

Темеса — город в Италии

Тенар — мыс на юге Пелопоннеса

Тенедос — островок неподалеку от Трои (на современной географической карте не идентифицирован)

Тиринф — город в Арголиде (Пелопоннес)

Тирренцы (тиррены) — народность, населяющая сев. Италию, область Тиррению, или Этрурию

Тринакрия — мифический остров, на котором паслись стада богов солнца Гелиоса (возможно, Сицилия)

Троада — местность и область в Малой Азии, расположенная вокруг Трои

Фазис (Фасис) — река в Колхиде

Феакийцы — мифологический народ, о котором рассказывается в гомеровой «Одиссее»

Феры — город в восточной Фессалии близ горы Пелион

Фессалия — область северной Греции

Фивы — город в Беотии (материковая Греция)

Фивы Плакийские — город в Малой Азии, неподалеку от Трои

Филака — город в Фессалии

Флегийцы — фракийское племя в Фокиде (Средняя Греция)

Фокея — город на побережье Ионии (Малая Азия)

Форикос (Торик) — город в Аттике на северо-восточном побережье Греции, к северу от мыса Сунион

Фракийский Афон — гора в Македонии, на южной оконечности полуострова Халкидика

Фракийское море — море у берегов Фракии, Халкидики и северо-западной части Малой Азии

Фригия — область в Малой Азии, на востоке граничащая с Троадой

Фриос — город в Элиде на берегу реки Алфей

Фтия — город и крепость народа мирмидонян в Фессалии, столица царства Пелея и Ахилла

Халкида — город в Элиде (сев.-зап. Пелопоннес) на реке того же названия

Хиос — остров с одноименным городом у берегов Ионии

Хриса — остров, связанный с культом Аполлона (на современной географической карте не идентифицирован)

Эвен — река в Этолии

Эгейская гора — на острове Крит, где воспитывался младенец Зевс

Эгина — остров в Эгейском море

Элевсин — город и местность в Аттике (Греция) у Саронического залива к северо-западу от Афин

Элида — город одноименной области (сев.-зап. Пелопоннеса), расположенный на реке Пеней

Эллада: 1) Пелопоннес; 2) Греция в целом

Эниены (Эния) — город на берегу Халкидского полуострова

Эматия (Эмафия) — область Македонии (сев. Греция)

Эпи — город в Пелопоннесе, владения мифо-эпического Нестора

Эридан — река в Аттике

Эсагея — гора близ города Клароса

Эсеп — река во Фригии (Малая Азия), впадающая в Пропонтиду (Мраморное море) близ г. Кизика

Этион — город на побережье Малой Азии неподалеку от Трои

Эфиопы — в представлении гомеровской географии, народ, населяющий крайние пределы земли на западе и востоке, по берегам реки-Океана

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

(включает наименования античных божеств, а также мифо-эпических героев, участвующих в мироустроении в его архаико-античном понимании)

Божества

Автоноя (нереида) — Г. Т: 258

Агава (нереида) — Г. Т: 247

Аглая (Харита) — Г. Т: 909, 945

Адмета (Океанида) — V Д: 421; Г. Т: 349

Азия — Г. Т: 359

Аид (Аидоней) — Ил. I: 4; V: 190, 395, 396, 400, 654, 845; XIV: 457; XXI: 48; XXII: 203, 362, 482; Од. X: 491, 495, 500, 501, 512, 534, 560, 564; XI: 47, 67, 69, 151, 164, 211, 277, 426, 475, 571, 625; XXIII: 252, 322; III Г: 572; IV Афр: 154; V Д: 3, 79, 84, 336, 342, 347, 358, 376; Г. ТД: 153; Г. Т: 450, 768, 774, 850, 914

Акаста (Океанида) — V Д: 421; Г. Т: 356

Актея (нереида) — Г. Т: 249

Алфей (река, сын Океана и Тефисы) — Г. Т: 338

Амфигией (эпитет Гефеста) — Ил. XXI: 355

Амфиро (Океанида) — Г. Т: 360

Амфитрита (нереида) — Од. V: 422; I АД: 94; Г. Т: 244, 254, 930

Антропос (Мойра) — Г. Т: 218

Аполлон — Ил. I: 14, 28, 43, 64, 75, 147, 182, 310, 370, 373, 381, 438, 457, 473, 479, 603; II: 15, 371; V: 344, 433, 437, 439, 449, 454, 460; XXI: 278, 435, 448, 461, 468, 470, 515, 545, 596; XXII: 7, 203, 220; XXIII: 188, 292, 388, 872; I АД: 1, 9, 56, 67, 140, 158, 165, 177; II АП: 21, 44, 51, 61, 77, 99, 107, 180, 184, 205, 210, 243, 259, 262, 269, 296, 302, 336, 353; III Г: 18, 22, 102, 201, 212, 216, 227, 234, 253, 260, 280, 281, 293, 298, 314, 318, 321, 327, 333, 365, 393, 420, 424, 500, 524; IV. Афр: 24, 151; Г. ТД: 771; Г. Т: 14, 94, 347

Арг (киклоп) — Г. Т: 140

Ардекс (река, сын Океана и Тефисы) — Г. Т: 345

Арей (Арес) — Ил. II: 110, 401, 479; III: 457; IV: 114, 439, 441; V: 30, 31, 289, 355, 363, 385, 388, 390, 430, 454, 455, 461, 507, 509, 518, 563, 576, 592, 594, 604, 702, 704, 717, 757, 762, 824, 827, 829, 830, 841, 844, 845, 867, 909; XXI: 392, 402, 406, 421, 431; XXII: 267, 378; Од. XI: 537; II АП: 22; IV Афр: 10; Г. ТД: 146; Г. Т: 922, 934, 936

Артемида — Ил. XXI: 470, 480, 491, 496; XXIV: 606; Од. I: 123; XI: 198, 324; I АД: 159, 165; II АП: 20; IV Афр: 17, 93, 118; V Д: 424; Г. Т: 14, 919

Человек

СОДЕРЖАНИЕ

О-11 **О происхождении** богов/Сост., вступ. ст. И. В. Шталь; Примеч. В. В. Вересаева, И. В. Шталь; Худож. П. С. Сацкий.— М.: Сов. Россия, 1990.— 320 с.

Цель настоящей книги — познакомить читателя с религиозными представлениями античных греков, их мифологией, созданной ими идеальной моделью окружающего мира, в которой переплелись, слились воедино вымысел и реальность. В книгу вошли фрагменты поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», поэмы Гесиода «Труды и дни» и «О происхождении богов (Теогония)», а также часть так называемых гомеровых гимнов.

С $\frac{4703000000-150}{М\text{-}105(03)90}$ 153—90 **2**

ISBN 5—268—00393—3

Составитель
Ирина Владимировна Шталь

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ

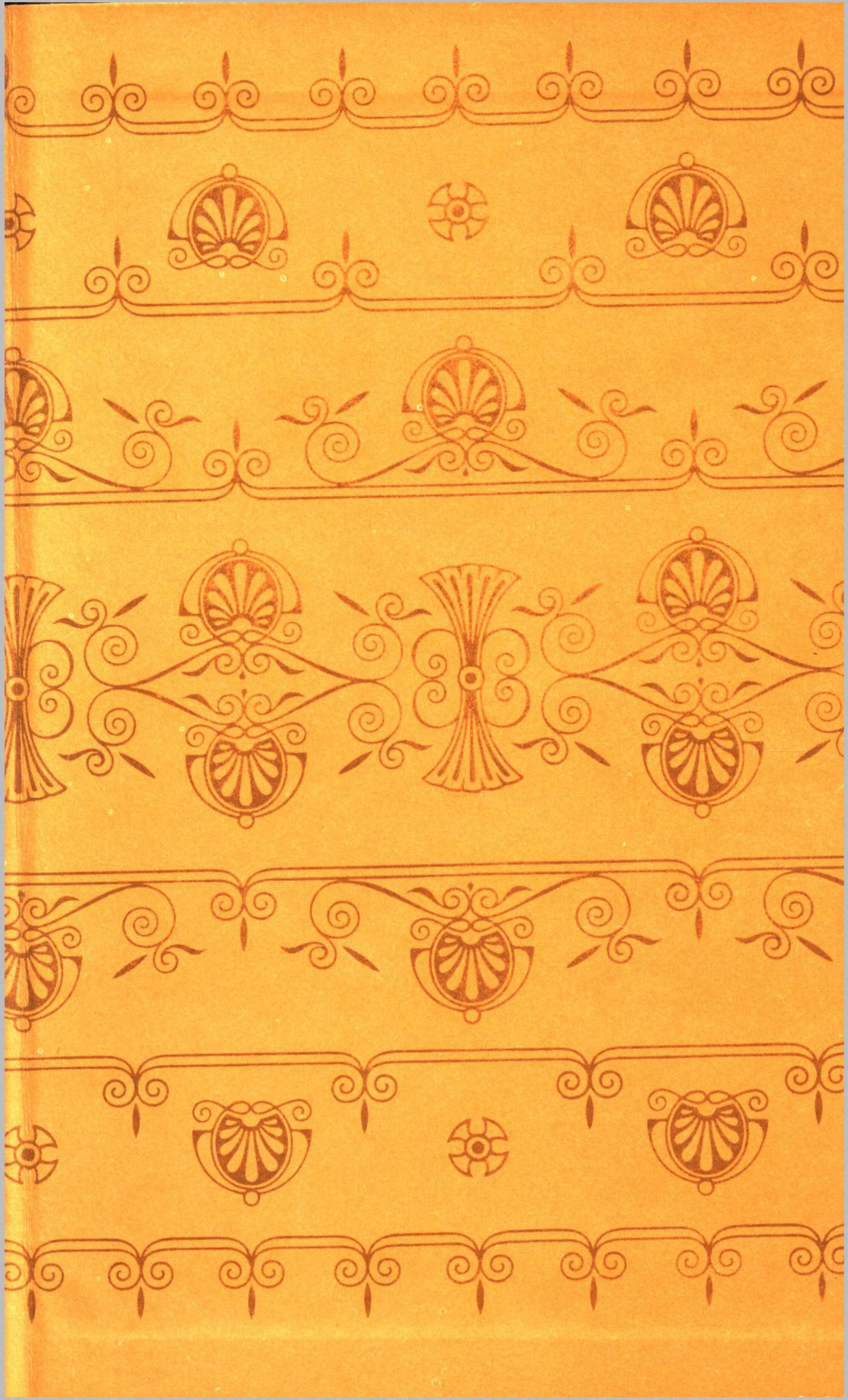
Редактор **В. Н. Шмельков**
Художественный редактор **А. П. Сафонов**
Технические редакторы **Г. О. Нефедова, Л. А. Фирсова**
Корректоры **Т. А. Лебедева, Л. В. Конкина, Э. З. Сергеева**

ИБ № 5565
Сдано в набор 20.11.89. Подп. в печ. 14.03.90. Формат 84×108/32. Бум. типографская № 1. Гарн. обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 18,90. Тираж 100 000 экз. Заказ № 365.
Цена 4 р. Изд. инд. НА — 190.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Госкомиздата РСФСР.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Госкомиздата РСФСР. 144003 г. Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
БОГОВ